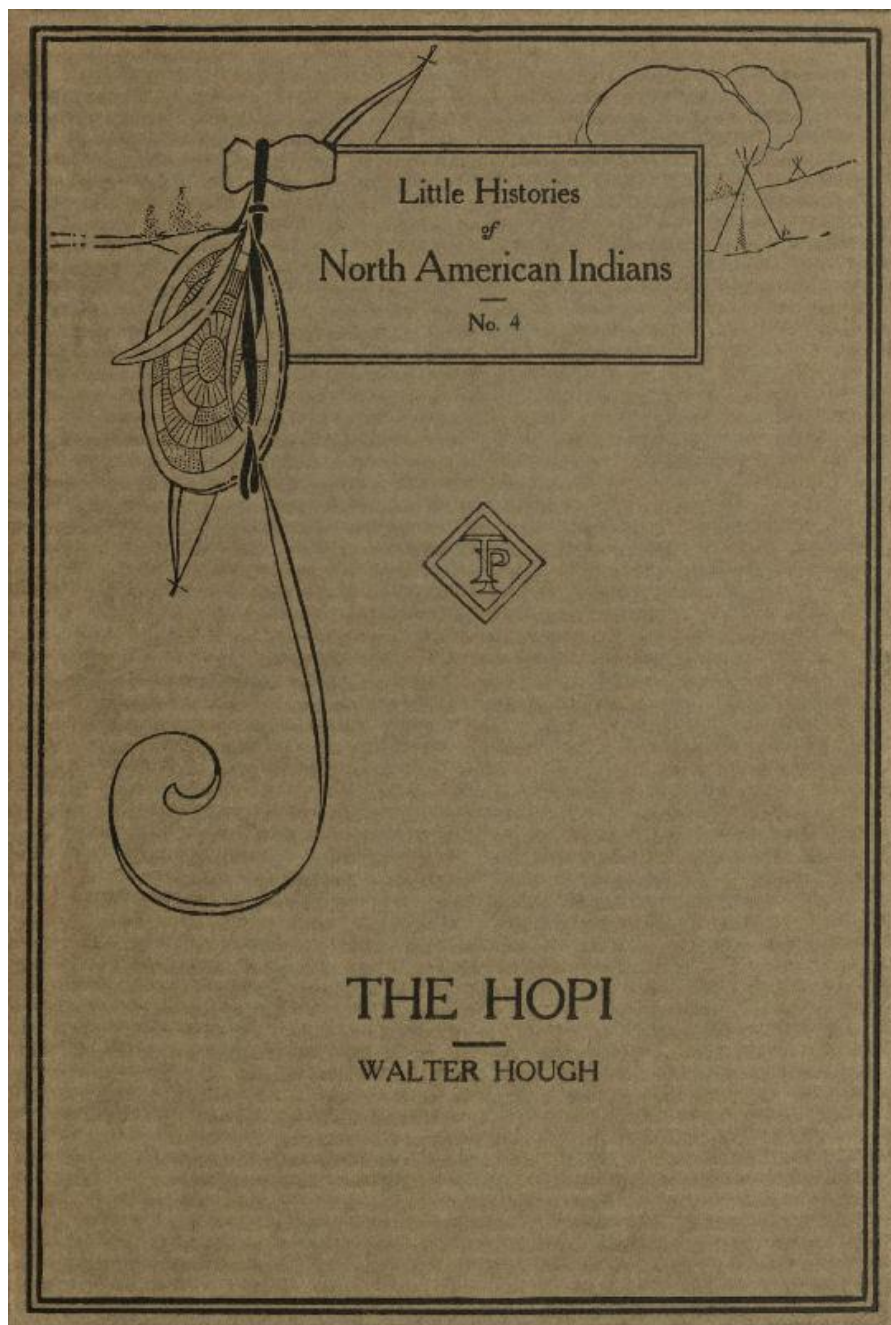

Индейцы хопи

Уолтер Хаф

Электронная книга проекта Гутенберга об индейцах хопи

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Индейцы хопи

Автор: Уолтер Хаф

Дата выхода: 14 июля 2018 [Электронная книга №57507]

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Брайан Согард, Рэйчел Шульц, Сэм У. и команда онлайн-редакторов, распространяющих корректуру на <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИНДЕЙЦЫ ХОПИ" ***

ИНДЕЙЦЫ ХОПИ

Автор: УОЛТЕР ХАФ,
куратор Отдела этнологии Национального музея США,
Вашингтон, Округ Колумбия

СИДАР-РАПИДС, АЙОВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО "ФАКЕЛ", 1915

Авторское право
1915
года от Torch Press
апрель

МАЛЕНЬКИЕ ИСТОРИИ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ

Номер Четвертый

Из ТОЙ ЖЕ СЕРИИ

"НАВАХО"

От Оскара Х. Липпса,
ответственного руководителя Школы индейцев США, Карлайл, Пенсильвания.
С картой и иллюстрацией в трех цветах

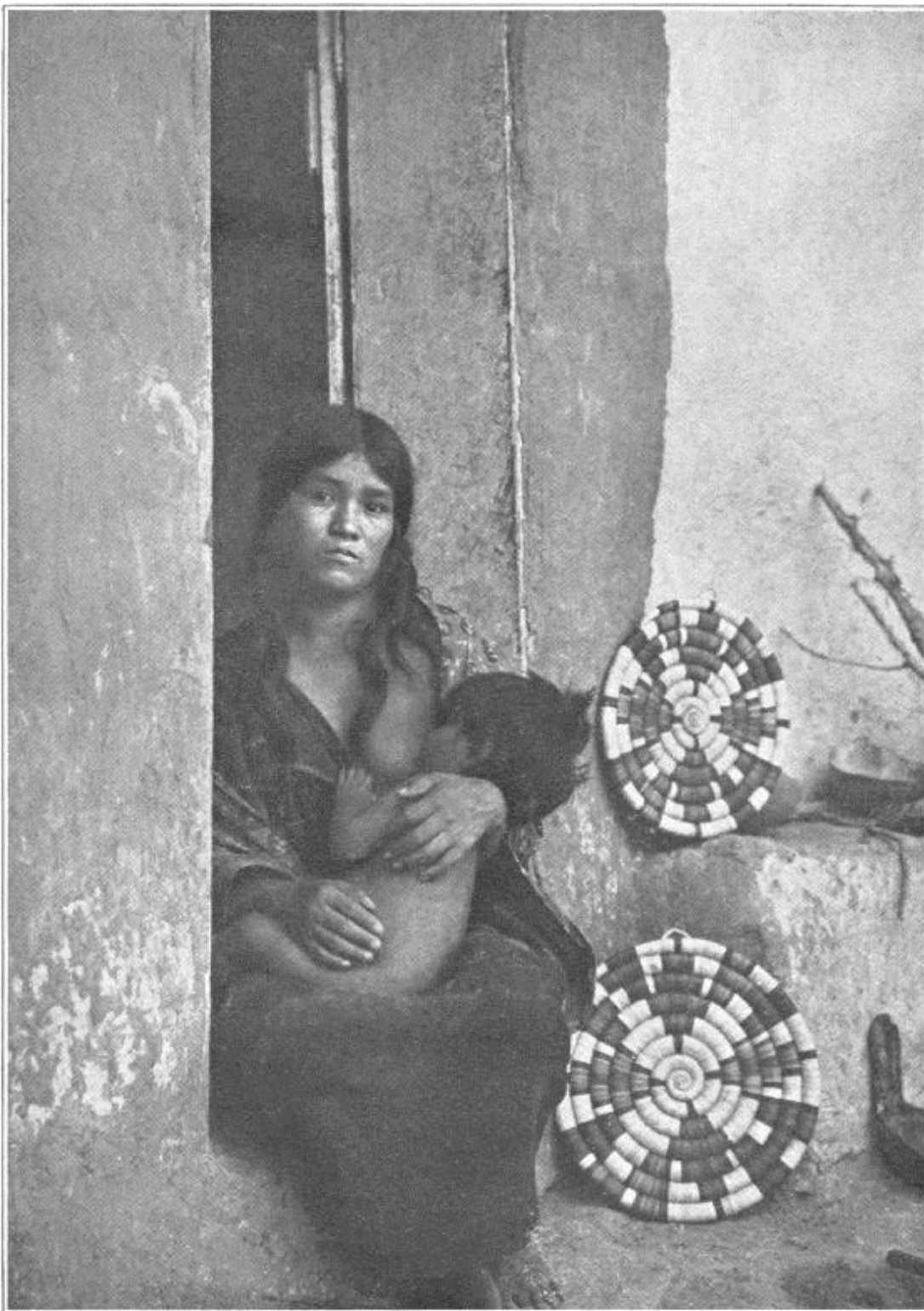
АЙОВА

Уильяма Харви Майнера
С картой и полутоновыми иллюстрациями

"ИНДЕЙЦЫ БОЛЬШОГО НЬЮ-ЙОРКА"

Алансона Скиннера,
помощника куратора отдела антропологии Американского музея
естественной истории, Нью-Йорк
С картой региона

Каждый том по 12 мл, чистая стоимость доставки составляет \$ 1,00 за дополнительную плату

Фото П. Г. Гейтса

МАДОННА СРЕДИ МОКИ

Моей Жене

Содержание

Страна, города и народы	13
Общественная жизнь	28
Еда и воспитание	49
Рабочие	69
Развлечения	102
Рождение, брак и смерть	114
Религиозная жизнь	132
Мифы	179
Традиции и история	201
Краткие биографии	218
Древние люди	250
Указатель	263

НАРОД МЕСЫ ХОПИЛЭНД

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тот, кто посещает хопи, волей-неволей попадает под магическое влияние их жизни и личности. Если кто-то верит, что “хороший индеец - это мертвый индеец”, пусть он отправится в сердце Юго-Запада и развеет свои иллюзии в присутствии крепких, самостоятельных, уважающих себя граждан пуэбло. Многочисленные поездки в регион, очарование которого не уступает ни одному другому, счастливые впечатления и общение с людьми, которые интересуют всех, кто с ними соприкасается, легли в основу следующих страниц. Если автор может показаться предвзятым в пользу “индейцев-квакеров”, как называет их Луммис, да будет известно, что он тронут привязанностью не меньше, чем уважением к хопи, и, более того, считает, что его похвалы заслуженны.

Запись этих побочных эффектов на хопи отнюдь не была утомительной задачей, а доставила удовольствие, которое, как мы надеемся, может быть передано читателю, который, возможно, получит здесь представление об индейском племени, живущем на пороге современного цивилизующего влияния и все еще в значительной степени сохраняющем образ жизни древних домостроителей на неосушенных землях.

Мистеру Ф. В. Ходжу из Бюро американской этнологии Смитсоновского института, коллеге по работе с пуэбло, следует выразить признательность за его критику и советы при подготовке этой книги. Фронтиспис принадлежит кисти выдающегося любителя П. Г. Гейтса из Пасадены. Под эгидой исследований, проводимых доктором Дж. Уолтером Фьюксом для Бюро американской этнологии, писатель в 1896 году впервые познакомился с

хопи, оказав услугу и доставив удовольствие, о котором всегда будут вспоминать с благодарностью с его стороны. Долг науки перед исследованиями доктора Фоукса среди хопи очень велик, и эта книга черпала вдохновение не только в его советах.

Я СТРАНА, ГОРОДА И НАРОДЫ

Хопи, или Мирный народ, как следует из их названия, живут в шести каменных городках, расположенных на трех горных плато на северо-востоке Аризоны. Их численность составляет около 1600 человек, и они говорят на диалекте языка, называемого шошонским, языка ют, команчей и других племен в Соединенных Штатах. На этих горных горах есть еще один город, называемый Хано, насчитывающий семь населенных пунктов, но его жители - тевак, пришедшие из долины Рио-Гранде в Нью-Мексико более двух столетий назад.

Добраться до пуэбло хопи можно несколькими способами. Если кто-то хочет войти с востока, он может начать с Холбрука на Тихоокеанской железной дороге Санта-Фе, или с Уинслоу (по два дня на каждый), или с запада от Каньона Дьябло (два дня), или Флагстаффа (три дня). Оценки времени основаны на “путешествии налегке” и с небольшими перерывами. Из Гэллапа можно совершить более длительное путешествие, во время которого можно посетить каньон де Челли с его замечательными скальными жилищами, если у вас есть достаточное снаряжение и достаточно времени.

Родина хопи, известная с древних времен как тусаян, представляет собой полупустыню, расположенную на высоте мили с четвертью над уровнем моря. Он глубоко изрезан каньонами и в изобилии усеян холмами и горными горами, хотя есть обширные участки, которые кажутся ровными, пока не познакомишься поближе. Из пуэбло открывается вид с северо-запада на юго-восток и не прерывается на большой бассейн реки Колорадо-Чикито, или реки Литтл-Колорадо, окаймленный на далеком горизонте вершинами гор Сан-Франциско, Моголлон и Уайт, в то время как в других кварталах вид закрывают неровные горные массивы.

Осадки, почти сразу же оседающие в песчаных пустошах, определяют, что в Тусаяне не должно быть рек с постоянным течением, а родники должны быть немногочисленны и находиться далеко друг от друга, и это самое ценное из всех владений. Если бы не зимние снега и летние грозы, Тусаян был бы настоящей пустыней.

Выносливые травы и растения пустыни делают все возможное, чтобы прикрыть наготу местности; вдоль промоин растет несколько тополей; на горных горах растут можжевельник и пиньон; а на возвышенностях к северу борются за существование небольшие дубы. Время от времени, когда идут дожди, появляются растения, и пустыня окрашивается в огромные массы цветов; тут и там есть участки, зеленые от травы, желтые от цветущих пучков “кроличьей кисти” или серые от ледяного растения. В укромных местах можно встретить много редких и красивых цветов.

Хопи наслаждаются летним климатом, температура которого соответствует температуре штата Мэн, и зимним климатом, который гораздо менее суров, чем последний, поскольку

большинство дней здесь ясные и солнце светит вовсю. Даже в самое теплое время года ночи здесь прохладные, а днем в тени царит приятная прохлада. Сухость региона делает его идеальным местом для здорового сна на открытом воздухе. Чистая атмосфера, подобная морской, омывает Тусаян; никакие микробы не загрязняют его своим присутствием, и это наполняет организм хорошей кровью и возбуждением, подобным вину.

Поневоле хопи занимаются сельским хозяйством, и поскольку здесь мало дичи, на которую можно охотиться, они также в основном вегетарианцы, их основной пищей является кукуруза. Когда неурожай кукурузы неурожайен, на растения пустыни полагаются, чтобы предотвратить голодную смерть. Таким образом, хопи являются хорошим примером народа, само существование которого зависит от растений земли, и то, что кто-то из них живет в Тусаяне по сей день, хорошо говорит об их мастерстве земледельцев в столь неблагоприятных условиях.

В этой среде хопи сформировал свои религиозные верования, основной призыв которых заключается в получении пищи и жизни от алчных разрушителей природы, которые уничтожают его. И точно так же он извлек из этого скудного участка свой дом, свою керамику, корзины, одежду и все искусства, которые показывают, как человек может возвыситься над своим окружением. Но давайте поближе познакомимся с этим индейцем, который так достоин уважения своих культурных авторитетов.

Мужчина хопи среднего роста, хорошо сложен, с крепкой мускулатурой и проворен, поскольку до дня ослика и лошади он везде полагался на собственные ноги и на руки в работе. Длинные черные прямые волосы, смугловатая кожа, гладкое и выразительное лицо молодых людей, которое с возрастом становится еще более выразительным, подчеркивая высокие скулы, нос, крупный рот и морщины, но никогда не приобретает угрюмого, свирепого выражения, всегда сохраняя черты достоинства и приятные изгибы юмора и дружелюбия до конца жизни, - вот характерные черты хопи.

Те же замечания применимы и к представителям другого пола, которые с детства до старости проходят курс в более мягкой степени. Многие девушки хорошенькие, а матроны миловидны и приятны на вид. Старые, морщинистые и согбенные люди идут своей дорогой со спокойным видом и выполняют легкие обязанности, в которых их опыт имеет большое значение.

Несмотря на пышные волосы, украшающие головы этого народа, можно заметить разницу в форме головы, которая отличает их от племен равнин. Частично в этом виновата люлька-бортик, поскольку с младенчества дети привязаны к люльке и вынуждены лежать на спине более длительные или короткие промежутки времени, и таким образом начинается уплощение задней части черепа. Но головы женщин редко бывают приплюснутыми, вероятно, потому, что за девочками ухаживают не так хорошо, как за мальчиками.

Среди хопи больше альбиносов по отношению к общей численности населения, чем можно встретить практически где-либо еще. Они занимаются своим делом, как и все остальные, и ни в коей мере не считаются отличающимися от своих сородичей. Возникает желание обратиться к ним по-английски, и испытываешь удивление, когда они не понимают. У одной девушки-альбиноски из Мишонгнови чудесно растут золотистые волосы, которые очень выгодно проявляются в ее пышных завитушках. Многие студенты считают, что альбинизм берет свое начало в нервной системе, и, возможно, робость хопи объясняет количество этих замечательных людей среди них; но это теория, основанная на теории. Было замечено, что

некоторые альбиносы обладают интеллектом ниже среднего, и было установлено, что большая их часть занимает второе место в порядке рождения в семье.

Судя по количеству стариков в пуэбло, создается впечатление, что хопи долгожители. Учитывая все обстоятельства, это, несомненно, правда, но нет статистических данных, которые могли бы решить этот вопрос; кроме того, вопрос о возрасте вызывает сомнения у самих хопи. Если “без всего” является каким-либо критерием долгожителя, то среди Мирных Людей такие есть. Следует сделать вывод, что по окончании детства среднестатистическому хопи полагается второй период беспомощности.

“Добро пожаловать” написано не над каждой дверью хопи, но дух гостеприимства пронизывает все население. Это одна из приятных особенностей пуэбло и главная причина, по которой посетители с дружеским почтением относятся к хопи. Знакомство с индейцами в различных пуэбло Юго-Запада убедит вас в том, что среди них существует значительный разброс характеров. Возможно, крайности - это непривлекательные жители Санто-Домингана и впечатлительные хопи. По-видимому, все дело в элементах, из которых состояли племена, а также в их прошлом опыте и ассоциациях.

Высоко на серых скалах расположены города хопи, которые выглядят так, словно являются частью местного утеса. Семь городов, — хотя их крайние точки разделяют двадцать миль и три отдельных горных плато, — Хано и Ораиби, — построены на одном и том же слое песчаника. Скала имеет светло-красные, желтые и коричневые оттенки и расщепляется на огромные кубические столбы и блоки, оставляя поверхность утеса всегда вертикальной. Тропы в разных точках ведут вверх по невысоким массивам осыпи и достигают плоской вершины через расщелины и разломы в этой скальной стене, часто по поверхностям, где в камне были вырезаны углубления для рук и ног. Очень небольшое количество порошка, нанесенного должным образом, сделало бы эти горные вершины такими же труднодоступными, как Зачарованная гора близ Акомы.

Оказавшись на вершине и нормально отдышавшись после четырехсот футов или около того крутого подъема, понимаешь, почему внешние стены городов кажутся продолжением живой скалы. Дома построены из каменных плит различных размеров, добытых в горных породах и уложенных в глину. Они имеют террасный стиль, редко более двух этажей, с плоскими крышами и сгруппированы в массивы таким образом, чтобы образовывать улицы и площади и соответствовать неровностям поверхности и очертаниям горных массивов. По этой причине в пуэбло хопи не так много порядка. Неровная поверхность горных холмов придает домам разную высоту и увеличивает живописность горизонта.

Эти города хопи - самые примитивные из населенных пуэбло. Перед нами картина древней жизни, настолько правдивая, насколько это возможно в наши дни любознательных путешественников и быстрого передвижения на край света. Но это положение вещей меняется со все возрастающей быстротой; хопи становятся прогрессивными и с возрастающим желанием стремятся к тому, что есть у белого человека, поэтому очевидно, что в течение многих лет многое из того, что очаровывает в Тусаяне из-за его древних особенностей, исчезнет из жизни его коричневых обитателей.

Это изменение наиболее заметно в Уолпи, потому что жители Восточной Мезы дольше всего находились в контакте с цивилизующим влиянием школ, миссий и торговых постов; кроме того,

они всегда были, по-видимому, самыми сговорчивыми из хопи. Многие семьи покинули деревни на утесах, и их современные дома с красными крышами, разбросанные в низинах рядом с полями, демонстрируют тенденцию покидать многолюдные города на холмах. Но старые города существуют во всей своей примитивности и представляют исключительный интерес для любителей живописного. К ним основная масса консервативных хопи все еще цепляются со всей силой своего унаследованного инстинкта.

Два столетия назад в Вальпи прибыли гости с Рио-Гранде. Это было племя тева, приглашенное приехать в Тусаян, чтобы помочь в борьбе с апачами и юте, этими коварными противниками-кочевниками, с которыми Мирным Людям так долго приходилось бороться. С тех пор они живут здесь, в своей деревне Хано, в начале самой легкодоступной тропы вверх по горной горе, сохраняя свой язык и обычаи, и, помимо своего собственного языка, хорошо говорят на языке своих друзей и соседей. Тева привезли с собой свое гончарное искусство и теперь имеют честь быть практически единственными производителями фаянса в Тусаяне. Нампео - лучший гончар в Хано, и ее работы показывают, что она достойный потомок древних художников, чьи изящные сосуды покоятся вместе с костями умерших под песками великого Юго-Запада.

За Хано, на полпути между ним и Валпи, находится Сихомови, что означает “цветочный холм”. Сихомови, если мы можем судить по хорошей сохранности его домов и регулярности планировки города, кажется сравнительно новым, и действительно, есть традиционные свидетельства на этот счет. Сумрачные историки Уолпи рассказывают об обстоятельствах его основания, когда желтые цветы росли в расщелинах скалы на месте, где было разрешено поселиться нескольким чужеземным кланам.

Выйдя из Сихомови и пересекая узкую горловину плато, по которой ведет хорошо протоптанная тропа, мы достигаем Валпи. Эта деревня с разных точек зрения представляет собой беспорядочное нагромождение полуразрушенных домов, и прогулка по ее аллеям и переходам подтверждает это впечатление. Вальпи был городом необходимости и был возведен в 1590 году, будучи перенесенным с более низкой точки после неприятностей с испанскими конкистадорами.

Глядя вниз из города, можно проследить местонахождение Старого Валпи и разглядеть усыпанные керамикой курганы еще более древних поселений, поскольку вокруг этой возвышенности, вероятно, располагались первые пришельцы в Тусаян. У подножия горной горы также находятся источники и святилища, одно из которых, по мнению хопи, было истинным “центром мира” - точкой, определить которую древним было очень трудно. Вдоль уступов расположены загоны для пестрых стад черных и белых овец и коз, искусных в питании всевозможными невкусными кустарниками. Ниже по уровню расположены поля, в соответствующее время года зеленые, с перспективой выращивания кукурузы, дынь и фасоли.

Улицы Уолпи - это живая скала плоскогорья, гладко истертая человеческими ногами и подметаемая заботливым богом ветра, чей сухой воздух с помощью солнца формирует систему здравоохранения Хопленда. Эта скалистая поверхность, должно быть, была большим испытанием для строителей *кивы*, поскольку традиционный обычай требует, чтобы такие места встреч тайных обществ или братств находились под землей. *Кивы* вдоль улиц, таким образом, представляют собой большой объем работ при их строительстве, и ясно, что, когда строители находили расщелину в скале или нишу на краю утеса, они присваивали ее как место для *кивы*, затем возводили внешнюю стену, нависающую над пропастью, и готовили глубокое

продолговатое помещение тяжелым трудом, поскольку у них были только грубые инструменты каменного века.

Два столба лестницы выступают из люка *кивы*, и один из них может спуститься, если не будет никакой церемонии. Смотреть здесь особо не на что, кроме пустой, закопченной комнаты с вымощенным камнем полом, оштукатуренными стенами и потолком, пересеченным тяжелыми балками. Прямо перед лестницей находится камин, состоящий из каменного ящика, утопленного в полу, а часть комнаты за лестницей приподнята. Эти подземные помещения в настоящее время используются только в Тусаяне, где этот способ их строительства, наряду со многими другими древними обычаями, сохранялся хопи на протяжении многих поколений.

Дома хопи маленькие, и, как и в других пуэбло Юго-Запада, первые семьи живут на втором этаже, куда ведет лестница. Однако в последнее время первый этаж, который раньше использовался в основном под склад, был вычищен, снабжен дверями и заселен под жилые помещения. Ступеньки на разделительных стенах ведут на верхний этаж, а крыша служит местом общего времяпрепровождения. Гостиная содержится в хорошем порядке, а на множество одеял, сбруи и одежды, свисающих с качающегося шеста, смотрят с гордостью и самодовольством. В зернохранилище, которое обычно представляет собой подсобное помещение, початки кукурузы часто сортируют по цвету и аккуратно складывают вдоль стен, а годовой урожай всегда хранится в резерве на неурожайный сезон. Красная кукуруза, желтая кукуруза, белая кукуруза, синяя кукуруза, черная кукуруза и пестрая кукуруза превращают зерновую комнату хопи в цветной кабинет. В пол каждого дома хопи воткнуты три продолговатых выдолбленных камня различной степени измельчения, и на них, держа в руках еще один камень, перемалывают кукурузу в тонкую муку, а точильщики за своей непосильной работой распевают пронзительные песни.

В углу пекарни находится камин, накрытый вытяжным колпаком и содержащий каменные плиты для выпечки *пики*, или бумажного хлеба, а вокруг разбросано множество корзиночек, кувшинов, мисок, чашек и другой керамической утвари, хорошо подходящей для кулинарного искусства хопи. За домом есть углубление, в котором выпекают кукурузный пудинг.

Эти и многие другие сведения о деревнях хопи интересуют посетителя, у которого не возникнет серьезных трудностей с тем, чтобы не заметить нововведений или получить четкое представление о жизни пуэбло, какой она была в давно прошедшие времена.

Если кто-нибудь пересечет равнину и направится к трем деревням Средней горы, он обнаружит еще меньший эффект от соприкосновения с современными вещами. Мушонгнови, второй по величине город Тусаяна, еще в 1906 году представлял собой идеальную картину неизмененного пуэбло на его гигантской плато, восточная и северная стены которого были пустыми и высокими, как отвесная скала. В этой тесно застроенной деревне дома с террасами выходят окнами на улицы и открытые площади по старинному обычаю. Из-за их гармонии с первобытным окружением трудно поверить в современность дымоходов этих пуэбло, но, похоже, это правда, что идея заимствована из Испании.

Шипаулови, с его возвышенности, кажется более новым, чем Шумопави, его сосед, последний является самым обычным поселением в Тусаяне. Примерно в пятнадцати милях за Шумопави находится Ораиби, самый большой из семи городов хопи, грубые стены которого придают ему вид древнего города. Ораиби дольше всех сопротивлялся белым пришельцам и даже сейчас

предпочел бы, чтобы его оставили в покое и вернули к привычному образу жизни, но здания школ и красные крыши, принесенные белым человеком, все больше угрожают его представлениям о старом мире.

Ближайшими соседями хопи являются навахо, это большое и быстро растущее племя, которое они сами называют *дене*, “люди”. Они толпятся вокруг хопи и, когда предоставляется возможность, “поднимают” какой-нибудь скот или с возвышенным эгоизмом диктуют порядок проведения церемоний. Несколько сотен лет контактов с народом пуэбло сделали некогда некультурных навахо во многих отношениях похожими на них. Робкие хопи не хотят вступать в союз с навахо, но браки между представителями этих двух племен нередки. Обычно это храбрец из племени навахо, который ищет девушку-хопи в жены, приезжая жить к своему народу, но редко юноша-хопи приводит девушку-“тешаб” к своему очагу, как это сделала Ановита из Уолпи.

Несколько зуни связали свою судьбу с Тусаяном, и некоторые из последних живут в Зуни и в некоторых пуэбло Рио-Гранде. Не так много лет назад хопи был главой важного братства в Сиа, пуэбло на реке Джемес в Нью-Мексико. Зуни довольно дружелюбны и посещают Тусаян, чтобы присутствовать на церемониях или обменять ожерелья из ракушек и бирюзовых бусин на одеяла. Традиция гласит, что некоторые кланы с Рио-Гранде пришли через зуни и что в сичомови есть сильная примесь этого пуэбло. В подтверждение этого можно сказать, что приезжие зуни обычно проживают в Сихомови, где они чувствуют себя как дома, и многие из тамошних людей говорят на языке зуни.

Во время церемоний, особенно тех, которые проводятся летом, тева из пуэбло Рио-Гранде приезжают в гости, торгуют и наслаждаются весельем, сопровождающим танцы. Некоторые жители Ханго навестили своих родственников на Рио-Гранде, но в наши дни мало кто из хопи путешествует так далеко. Однако на протяжении веков существовало более или менее сообщение на обширном участке засушливой местности, лежащей между Великой рекой и Тусаяном, и в ряде случаев в далеком прошлом целые племена эмигрировали с востока в страну хопи, где они основали новые города. Хотя хавасупаи находятся в 100 милях от нас, их также можно рассматривать как ближайших соседей, которые пересекают пустыню, чтобы продать свои прекрасные корзины и превосходные олени шкуры белого дубления, на которые существует большой спрос. Хопи также пересекают песчаную пустошь, чтобы навестить “Народ лестниц”, как они называют хавасупаи, и привезти священную красную охру и зеленый медный камень для пигментов. Хавасупаи и хопи также связаны традициями древних времен.

Давным-давно, говорят, хопи, пайути, некультурные, но сильные в военном искусстве, пришли с севера и преследовали их до тех пор, пока народ Ханго не победил их. Пайути, хотя и были отдаленными родственниками, недружелюбно относились к хопи, и, кроме того, у жителей горных массивов можно было изъять много ценного. По этой причине хопи не поддерживали дружбы с пайути, и единственный представитель этого племени, живущий в Тусаяне, - это “Том Сойер”, портрет которого нарисован в другом месте.

Не были апачи и более желанными соседями. Хопи рассказывают о беспокойных временах, когда эти кочевники пришли с юга и вынудили их ночью поднимать лестницы со скалы. Тем не менее, корзины пайутов, апачей и другие изделия аборигенов попали в пуэбло, которые всегда были космополитами в своих вкусах и не позволяли межплеменной вражде мешать торговле.

Далеко на юге другой народ был другом хопи. Очень давно пима были более близкими соседями и союзниками некоторых кланов хопи, которые соприкасались с ними во время своих широких миграций, которые привели их в “Палаткваби”. Это Красная Земля на юге, лежащая на реке Верде и ее притоках. Хопи претендуют на бассейн Тонто в южной Аризоне, который считается их древней страной, поскольку повсюду в этом южном регионе находят желтую керамику, столь характерную для золотого века хопи. Иногда хопи до сих пор посещают пима, и известно, что раньше они участвовали в ярмарке, которая проводилась в стране пима, и привозили различные товары в обмен на свои собственные продукты. Даже сегодня сладости из агавы и ольховой коры, которую используют для окрашивания кожи, встречаются в жилищах хопи и были привезены из-за пределов “Дома апачей”, как они называют регион к югу от гор Сан-Франциско, где раньше жили апачи.

II ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Когда урожай собран, бабье лето на исходе и холодные ветры обрушиваются на горные горы, хопи находят утешение в своих прочных домах вокруг камней-очагов. Смена сезона способствует приятному воссоединению, и люди, которые были заняты заботой, а также прелестями летней жизни на свежем воздухе, начинают знакомиться снова.

У мужчин много свободного времени — маски нуждаются в ремонте и перекрашивании новыми красками; всегда есть мокасины, которые нужно сшить; резчики кукол изготавливают эти причудливые раскрашенные фигурки из тополя, заготовленного летом, а ткач работает за своим ткацким станком. Сейчас плетельщица корзин использует свои запасы измельченных листьев юкки, веточек и травы, но гончарное ремесло приостановлено до наступления теплых месяцев.

Можно было бы подумать, что зимняя работа довольно сильно ложится на плечи женщин, но их обязанности в основном одинаковы во все времена года. Здесь нужно молоть кукурузу, готовить еду и носить воду вверх по крутым тропам. Зимний склад необходимо охранять от мышей и паразитов и время от времени выносить на крышу на солнце. Без сомнения, есть много забот и много труда, но женщины не торопятся, и каждый, от маленького ребенка до опытной пожилой бабушки, протягивает руку помощи. Женщина хопи, возможно, не поняла бы нашего доброго сочувствия к тому, что выпало на долю ее пола с незапамятных времен.

Зима в Тусаяне более приятная, чем в остальном, так как солнце яркое, а небо ясное голубое. К большому сожалению хопи, зимний снег выпадает почти так же редко, как летние ливни. Ночью часто бывает очень холодно, но днем воздух может быть свежим, хотя и мягким, что бывает редко весной на Востоке.

С приходом зимы ландшафт Тусаяна не сильно меняется. Здесь мало деревьев, которые сбрасывают листья после великолепного прощального шествия. Растения пустыни почти никогда не меняют внешний вид земли весенними, летними или осенними оттенками листьев; своими миниатюрными листьями и сдержанной окраской они утопают в обширной поверхности и теряются среди ярких воздушных оттенков и ярких оттенков скал и равнин. Здесь нет рек,

покрытых ледяным покровом, и редко снежный покров простирается через пустыни с покрытых снегом гор. Бушуют ветры, и вихри закручивают песок на равнине гигантскими столбами, в то время как солнце опускается все ниже и ниже на юго-западе, пока хопи не начинают бояться, что оно наконец уйдет и оставит их в тисках зимы. Но у жрецов есть мощные чары, чтобы вернуть его обратно, и после церемонии Соялуна в день зимнего солнцестояния любой может увидеть, что солнце больше не блуждает.

Те хопи, которые не запаслись топливом, должны немедленно отправиться на заготовку дров с приближением холодов, поскольку деревья растут далеко, а дня едва ли хватит, чтобы приволочь поклажу из осликов к стене дома. Также каждое утро отары овец и коз должны выгоняться из загонов на уступах под горными склонами, чтобы они посидели в голых зарослях кустарника.

Октябрь называется Жатвенной луной. Женщины, собирающие зерно, проводят церемонию в это время, и в пуэбло царят великое пиршество и ликование. Зима затягивается в ноябре, который называется “Луной неофита”, поскольку в этот месяц юноши соответствующего возраста проходят посвящение в общества. Эти новички носят спортивное название “Голубиные ястребы”. По четным годам наступает великая церемония возжигания Нового Огня, полная странных обрядов огнепоклонства, дошедших до нас с незапамятных времен. В нечетные годы проводится церемония На-а-иш-нья, которая, как и другие, проводится Обществом Нового Огня. К декабрю Тусаян оказывается в тисках зимы, и поскольку духи крепко держатся под промерзшей землей, они не могут причинить вреда никому, кто заговорит о них, так что многие легенды, предания и многие священные знания свободно разглашаются у пылающих костров из толстого дерева пиньон в домах хопи. Все также находятся в напряжении из-за соялуны, во многих отношениях самой важной церемонии в календаре хопи, когда появляются первые качина. Декабрь называется “луной мотыги”, потому что в этом месяце предписано расчищать поля для весеннего сева. Ветер, возможно, внес свою лепту в очистку полей от движущихся предметов, но многое еще предстоит сделать для выравнивания поверхности для весеннего сева.

Ни один зимний месяц не бывает слишком холодным для проведения церемонии. Январь, называемый “Месяцем молитвенных палочек”, приносит Алосаку, церемонию Общества Хорнов с их гротескными масками. Во время превратностей этого тяжелого месяца все больше любимых качина возвращаются к своему народу с высоких вершин гор Сан-Франциско, поэтически известных как “снежные дома”, и к этим исконным существам обращается множество прошений.

Февраль, самый тяжелый месяц за всю зиму, называется “Луной подготовки”. Именно в этом месяце герой народа качина нашел дыни и зеленую кукурузу недалеко от гор Сан-Франциско. Церемония Поваму проводится в течение этой луны.

Если хопи уже почти достигли точки истощения, март, вероятно, вселит надежду на окончание катастрофического сезона, поскольку в защищенных местах появляется несколько зеленых побегов, а если влаги от тающего снега достаточно, возможно, вырастет небольшое растение *вива*, дающее вкусную и питательную зелень. По какой-то причине март называют “луной опунции”, и это единственный месяц, названный по имени природного объекта. Возможно, это обозначение указывает на то время, когда некоторые хопи жили в климате, где опунция цвела в марте. Возможно, это произошло в южной Аризоне, откуда, например, произошел ряд кланов,

таких как “Народ агавы”. Март знаменует начало самого неприятного времени года - сезона свирепых ветров, несущих пыль и песок, которые подобно снегу оседают на склонах горных вершин.

Эта хроника зимы хопи, какой бы неполной она ни была, показывает, что “Мирный народ” получает огромное удовольствие от жизни в это время года. Многие важные церемонии относятся к зимнему времени, и существуют соглашения различных обществ. В подземных местах встреч те, кто имеет право на привилегии, заходят посплетничать, как в клуб, будучи уверенными в тепле, приятной компании и, возможно, покурить, чтобы скоротать время. Кроме того, у камина собирается хорошая компания, и рассказывается множество историй, которые стоит послушать. Мужчины могут отправиться на охоту или совершить зимнее путешествие в поселения или горы.

Что касается холода, то хопи, похоже, относятся к нему легкомысленно. Костюм практически не меняется, хотя одеяло или мантия из кроличьего меха пригодятся для обертывания. Если у человека есть поручение на улице, он доверяет бегу, чтобы поддержать кровообращение. После церемоний мужчины обычно поднимаются, едва одетые, из перегретых *кивасов* на морозный воздух с полным пренебрежением к правилам гигиены. Чистота воздуха является спасительным фактором; тем не менее, легочные заболевания распространены чаще из-за тесноты и плохой вентиляции в домах, чем по каким-либо другим причинам.

Большинство посетителей Тусаяна видят Хопиленд в лучшее время года, когда кукурузные поля зеленые, а тополя в полной листве, когда пустыня улыбается во всю свою мощь, а люди сытые и счастливые. Возрождение природы начинается в апреле, когда бережливые фермеры подстригают кустарник и устраивают длительные ветрозащитные полосы для защиты перспективных культур. Месяц назван в честь этого обстоятельства, и, как и во всем остальном в пуэбло, время начала работ предписывается, согласно обычаю, теми, кто стоит у власти над кланами.

Весной морозы и пронизывающие ветры часто уничтожают все зеленые побеги, спасая местные растения, которые привыкли к погоде, и людям часто приходится оплакивать потерю своих персиков, единственного желанного фрукта, за который они в долгу перед испанскими монахами давних времен.

В “луну ожидания”, как называют май, на полях кипит активная деятельность, поскольку посадка сладкой кукурузы идет полным ходом, и хопи большую часть времени проводят на свежем воздухе. Возможно, ветры ослабили свою силу или совсем прекратились, и жизнь стала приятнее под теплым солнцем. Тем не менее, при всей работе, связанной с уходом за полями, остается время для церемоний, и в период между прибытием качина в декабре и их отъездом в июле, помимо больших ежемесячных церемоний, проводится множество небольших торжеств с участием танцоров в масках. Особенно интересными в сезон пробуждающейся жизни и выращивания урожая являются эти танцы качина с их приятными песнями и зрелищностью, их неограниченным разнообразием и сюрпризами. “Мирные люди” наслаждаются этим сезоном в высшей степени. В июне и июле каждый хопи счастлив, если только у него нет каких-либо конституциональных отклонений или он не поражен болезнью. Трудно осознать, насколько тесно вся жизнь хопи связана с выращиванием растений, проявляющимся в каждом их слове и действии и входящим в их представления о невидимом мире.

Когда солнце делает паузу в своем движении вдоль восточного горизонта в день летнего солнцестояния, хопи проводят день, изготавливая молитвенные перья из перьев в качестве прошений о благословении. Эти дети солнца знают курс *Давы*, солнца, и читают его положение, как мы читаем стрелки часов.

С отъездом качина начинается новый класс церемоний. Танцоры, которые ранее появлялись в странных масках и головных уборах, теперь выступают без масок, а громоздкая атрибутика отложена еще на год. Великое событие лета, Танец Змей, уже не за горами, и все начинают готовиться к хорошему времяпрепровождению. Во второй половине августа, после этой церемонии, пуэбло возвращается к своему обычному состоянию, и люди приступают к трапезе вкусов со своих полей, на которые они набрасываются с первобытным азартом и наслаждением. Большая заслуга хопи в том, что они хорошо работают и хорошо отдыхают, как настоящие бессознательные философы, какими они и являются.

Сентябрьская луна наблюдает за миром и изобилием в Тусаяне. Прохладные, ясные ночи предвещают приближение заморозков и времени сбора урожая. Летняя жара спала, и сезон стал идеальным.

Поскольку хопи - хорошие люди, можно было бы сделать вывод, что они не нуждаются в правителях. Можно прожить среди хопи некоторое время и сознательно не вступать в контакт с вождем, полицейским или какими-либо свидетельствами существования законов, но, тем не менее, правители и законы существуют.

Голос городского глашатая пробуждает человека к тому факту, что здесь находится устройство, отбивающее удары, своего рода социальные часы. Будет обнаружено, что существует организация, высшим выразителем которой является глашатай. Вожди присутствуют в изобилии: глава дома, вождь кива, военный вождь, вождь-оратор, который является глашатаем; вожди кланов, которые являются главами братств: все они являются членами совета, который управляет пуэбло. Совет собирается время от времени и действует на общее благо, а деревенский староста объявляет их решения глашатаем.

В этой самой демократической организации агенты правительства, желающие сотрудничать с хопи, не найдя ответственного руководителя, были вынуждены назначить его. Таким образом, каждое пуэбло хопи получило верховного правителя, который не обманывал ни себя, ни народ относительно власти, которую он получил от Вашингтона, а она была нулевой. Истинными правителями являются главы кланов, и благодаря их мудрым советам и знанию традиционных неписаных законов все регулируется для послушных хопи. Каждое пуэбло действует само по себе, ничего не знает и меньше всего заботится о действиях других пуэбло, поэтому лиги племен хопи никогда не существовало. В нескольких случаях имело место временное единство действий, как, например, когда жители других пуэбло уничтожили Аватоби, событие, косвенно связанное с традицией. (См. стр. 210.) Следы этой независимости действий изобилуют на Юго-западе. Древние руины показывают, что кланы строили каждый свой кластер домов отдельно от других и переезжали, когда им заблагорассудится. Нынешние деревни состоят из кланов и фрагментов кланов, каждый из которых живет в том приходе, где он поселился, когда присоединился к другим в старые времена.

Эти кланы представляют собой более крупные семьи кровных родственников, которые ведут свое происхождение от матери и у которых есть общее семейное имя или тотем, например

Орел, Табачное Растение, Облако и т.д. Хотя между ними не может быть прослежено никакого кровного родства, ни один юноша и девушка из одного клана не могут вступать в брак, и это, по-видимому, первый закон клана. Действие странного закона материнского права лишает детей родственных связей с отцом. Поскольку дом и дети принадлежат женщине, отец является всего лишь временным гостем в клане своей жены.

Еще одним законом большой семьи был закон о взаимопомощи, предусматривающий заботу о слабых, немощных и незащищенных членах. Отсюда проистекает гостеприимство индейцев, и нигде этот изящный обычай не распространен так широко, как среди хопи.

Словно в знак признания интересов всего народа на сельскохозяйственных землях, гонцы, отправленные возносить молитвы богам природы из перьев, во время проведения церемоний окружают все поля пуэбло, чтобы все могли получить благословение дождя. Хотя о землях говорят как о принадлежащих деревне, известно, что они были с незапамятных времен разделены между кланами, следовательно, в Валпи лучшие земли принадлежат старейшим и в других отношениях высокопоставленным кланам. Раздел земли на части, проведенный правительством Соединенных Штатов несколько лет назад, никак не повлиял на древние границы, и никто, кроме землемера, не знает, где проходили его линии.

Время от времени хопи устраивают "повышение", но вместо добрых и согласных соседей "пчелы" в Штатах, здесь работниками являются клановые отношения. Сотрудничество или совместные усилия во многом объясняют, почему дни обитателей пуэбло на этой земле длятся долго, имормонские поселенцы на Юго-западе также следовали этому примитивному закону, который действует везде, где люди собираются ради общего блага.

Законы - это всего лишь выражения здравого смысла, сформулированные самыми мудрыми и опытными. У хопи должны быть хорошие законы, потому что, хотя их законы намного сильнее тех, что написаны и усовершенствованы цивилизацией, люди соблюдают их бессознательно и никогда не чувствуют их бремени. Нарушений закона так мало, что трудно сказать, каковы различные наказания. Лишение жизни силой или по закону неизвестно; уважение "мое" и "твое" является правилом среди хопи, и так далее, несмотря на жизненные искушения, которые осаждают смертных. Нет никакого желания возводить хопи на пьедестал и объявлять их совершенными, поскольку это не так; но во многих отношениях они подают пример своим цивилизованным братьям. Что касается наказания, вполне вероятно, что потеря положения в братстве, остракизм со стороны клана или пуэбло и насмешки являются наиболее приемлемыми наказаниями.

С возросшим влиянием образования и контактов с белыми людьми проявляется деловая сторона хопи, и поскольку с незапамятных времен они были главными торговцами в примитивной торговле Юго-Запада, они быстро усвоили приемы современной торговли. У них есть свои местные торговцы, и они постепенно становятся независимыми от торговцев. Последние говорят, что они предпочли бы иметь дело с шестью навахо, чем с одним хопи, потому что навахо не торгуются, в то время как хопи с бережливостью, которая выводит его на передний план, полон решимости извлечь выгоду из выгодной сделки.

Жители пуэбло рано ложатся спать и оставляют безопасность деревни патрулю. Кто-то всегда стоит на страже в пуэбло, будь то дети, развлекающиеся на скалах, — а у этих маленьких людей зоркость такая же острая, как у всех, — или взрослые люди, высматривающие за местностью

“знаки”, обычай, который стал для них привычным. Ночной патруль - пережиток тех времен, когда вся деревня была комитетом безопасности, поскольку внешние враги были свирепыми и вероломными.

Если беготня по городу, заставляющая собак лаять и добрых людей бодрствовать, является основной обязанностью патруля, то она в высшей степени успешна, и пуэбло производят ночные шумы в масштабах цивилизованных городов. В предании о пришествии клана Флейты говорится о страже Уолпи, которым был Алосака, рогатое существо, бдительное, как горный баран. Мигранты-флейтисты также разослали "Горных баранов", чтобы выяснить, живут ли в этой местности люди. Во время некоторых церемоний здесь дежурят бдительные патрули, и в течение нескольких церемониальных дней ни одному живому существу не разрешается входить в пуэбло извне, прежде под страхом смерти от рук охранников братства. Считается, что неприятности, возникшие между испанцами и хопи во время того первого визита в Тусаян в 1540 году, были вызваны нарушением церемониальных правил, а не воинственными привычками индейцев.

У деревенских пастухов легкое, хотя и очень монотонное занятие. У них есть преимущество перед другими аризонскими пастухами, потому что их подопечных с наступлением темноты отводят в безопасные загоны среди скал ниже города, и они не требуют ухода до утра. Часто можно увидеть женщину и ребенка, гоняющих стадо по округе в, казалось бы, тщетных поисках зелени, которую могла бы съесть овца с не слишком привередливым аппетитом. Раньше, по крайней мере, должность пастуха присваивалась деревенским старостой, подобно тому, как когда-то в Европе в старину это было с деревенским свинопасом или гусиным псом.

Возможно, посетитель, бродящий по деревне хопи в то время, когда не проводятся церемонии, может наткнуться на причудливый уличный рынок, где несколько женщин сидят на корточках на земле, разложив перед собой свои товары. Такие рынки являются лишь слабым отражением тех, которые проводились в Мексике с незапамятных времен; но интересно знать, что у хопи есть такой институт, потому что это свидетельствует о таком шаге в политической экономии, который редко замечался среди индейцев в Соединенных Штатах. Небольшой бартер, который здесь происходит, сопровождаемый весельем женщин хопи, несет в себе зародыш торговли с ее деятельностью, охватывающей весь мир. Здесь также обнаруживается, что женщина занимает свое место как новичок и организатор купли-продажи, как и в зарождении многих других направлений человеческого прогресса.

Хони, спикер-руководитель, является живой газетой Уолпи, или, скорее, он является доской объявлений. Как и у чтеца в Сенате Соединенных Штатов, у него сильный голос, и, возможно, благодаря этой квалификации он был выбран для того, чтобы делать многочисленные объявления с крыш домов. Его новости носят в основном религиозный характер, например, о начале и ходе многих церемоний в пуэбло, но есть и изрядное количество светских объявлений, представляющих интерес для сообщества. Хони, однако, всего лишь глас вопиющего в пустыне по приказу тайного совета или глав братств, которые являются истинными правителями пуэбло, потому что в их руках судьба паствы. Однако он занимает должность главного спикера, оплата за которую невелика, но эти обязанности не мешают заниматься другими занятиями, поскольку его объявления обычно делаются, когда люди собираются в городе после дневных трудов в поле. Без сомнения, Хони считает себя и других людей важным чиновником, который вместе с главой дома имеет привилегию часто бывать в Монг-киве, или зале совета пуэбло. Объявления

городского глашатая привлекли внимание испанских завоевателей в первые дни, как и современных путешественников. На причудливом языке Кастанеды, говоря о Зуни: “У них есть священники, которые проповедуют им, которых они называют папами. Это старейшины. Они поднимаются на самую высокую крышу деревни и оттуда проповедуют всей деревне, как глашатаи утром, когда встает солнце, а вся деревня молчит и сидит на галереях, чтобы послушать. Они учат их, как жить, и я верю, что они дают определенные заповеди, которые они должны соблюдать”.

Следует признать, что Hopi's - древняя и почетная контора, признанная полезной цивилизованным сообществам задолго до появления газет и сохранившаяся до сих пор, как *sereno* в Испании.

Кстати, удивительно, как быстро разлетаются новости в Хопиленде. О прибытии белого человека вдоль и поперек Тусаяна стало известно за невероятно короткое время. Любовь к светской беседе вкупе с нехваткой новостей обязывают каждого хопи, когда что-либо случается, сообщать об этом другим.

Посетителю, расположившемуся лагерем у подножия горы Уолпи, новизна того, что он впервые услышал вождя-спикера, запомнится надолго. Из темноты и неопишуемой тишины пустыни доносится голос, и такой голос! С высоты кажется, что он исходит из космоса и слышен на бесконечном расстоянии. Это принимает форму песнопения, протяжного и полного звучности. Все, затаив дыхание, слушают важное сообщение, и когда глашатай заканчивает после третьего повтора, индеец сообщает нам, что суть объявления заключалась в том, что телеграмма, которую обещал прислать “Вашингтон”, пришла и что через два дня деревни выйдут строить заборы.

О том, что послания Хони заслуживают внимания, свидетельствует следующее объявление о Новой церемонии возгорания. Хони, стоя на крыше дома на восходе солнца, произносит нараспев:

Все люди, проснитесь, откройте глаза, встаньте,

Станьте детьми света, энергичными, деятельными, жизнерадостными;

Спешите, Облака, с четырех сторон света.

Приди, Снег, вволю, чтобы воды было предостаточно, когда наступит лето.

Приди, заморозь и покрой поля, чтобы после посева они могли давать обильный урожай.

Пусть возрадуются все сердца.

Вувутчимту соберутся через четыре дня.

Они будут окружать деревни, танцуя и поя.

Пусть женщины будут готовы облить их водой

Чтобы влаги было в избытке, и все возрадовались.

Это хороший пример поэзии хопи, которая в песнях качины отличается немалой степенью художественного выражения.

Хопи используют мир вместо циферблата, а солнце - как часовую стрелку. Жрец солнца из своей обсерватории на вершине горы наблюдает за светилом так же внимательно, как любой астроном. Он определяет время начала каждой церемонии или важного события в жизни пуэбло, такого как посадка кукурузы, по восходу или заходу солнца за определенную вершину или выемку в чудесном горном профиле на восточном и западном горизонтах. Эти профили известны ему так же, как мы знаем цифры на циферблате часов. По ним он отмечает смену времен года, и в нужное время городской глашатай провозглашает свое объявление с крыш домов.

Чистый воздух Тусаяна облегчает задачу жреца солнца; у этого примитивного астронома самое лучшее небо для наблюдений. Днем вершины Сан-Франциско, расположенные в сотне миль отсюда, четко вырисовываются на горизонте; ночью звезды настолько яркие, что по их свету можно различать предметы.

Хопи также хорошо разбираются в астрономии, и у них не только есть названия планет и отдельных звезд, но и знакомы со многими созвездиями, особенно почитаются Плеяды, как у многих примитивных народов. Восход и положение Плеяд определяют время проведения некоторых важных церемоний "когда царят "сладостные влияния". Любая неподвижная звезда может использоваться для обозначения определенного периода времени по положению и прогрессу на небе, подобно солнцу, используемому днем. Луна определяет месяцы, но нет слова для обозначения "года" или более длительных периодов времени. Дни отмечены "снами", таким образом, сегодня - это *топу* или "сейчас"; дни недели - это два сна, три сна и т.д.; *табуко* - это "вчера".

В то время как большие промежутки времени сохраняются с точностью, так что время начала церемоний из года в год меняется незначительно, у хопи плохая память на даты. Никто не знает его возраста, и многие из этих деревень, кажется, живут в рамках меняющихся горизонтов вчерашнего и завтрашнего дня. Жрецы, однако, ведут учет церемоний, добавляя к своим *типони*, или палладиуму своего общества, перо для каждого празднования. В Зуни запись о смерти священников общества войны ведется путем нанесения царапин на поверхности большого камня рядом со святилищем, и с помощью этого метода женщина хопи ведет счет дням от рождения ребенка до церемонии рождения. Спросите хопи, когда произошло какое-то событие, и он ответит: "*Пай хе сам о*", что означает "некоторое время назад, когда мой отец был мальчиком"; ударение на слове означает более продолжительное время, и если событие надолго ускользнуло из памяти человека, индеец едва ли не выразительно покачает головой.

Единственная зазубренная шкала времени ревниво охраняется жрецом солнца, и никто точно не знает, как он делает на ее основе свои расчеты.

Что касается времени обеда, то за это отвечают великое солнце и “внутренние часы”; *дава яму, дава нашаб* и *дава поки* означают “восход”, “полдень” и “закат”. Если хопи назначает встречу на особый час, он указывает, где в это время будет солнце. Времена года известны ему в общих чертах как время холода или снега, возвращения солнца (зимнее солнцестояние), время посадки фасоли или кукурузы, время зеленой кукурузы, время сбора урожая и т.д., Но существует календарь, отмеченный церемониями, проводимыми в течение каждого месяца.

Возможно, эти дети солнца счастливее оттого, что не являются рабами второго, какими стали мы. Наши часы, которые они называют *дава*, “солнце”, не привязали их к колесу, вращением которого мы, кажется, продвигаемся вперед. Они довольны более грандиозным шествием небесных тел, и их дни проходят в счастливом забвении.

Здесь можно привести случай, произошедший несколько лет назад, чтобы показать, что клановое имя хопи является неотъемлемой частью его самого, а также связывает его со своим кланом и самой интимной религиозной и светской жизнью пуэбло.

Однажды жарким июльским днем в густой тени тополя на берегу реки Литл-Колорадо собралась веселая толпа хопи. Земляной холм, усыпанный осколками кремня и черепками, как погребенный город на Евфрате, выдал свои секреты, а стены домов древнего города Гомолоби напоминали огромные пчелиные соты на утесе.

Хопи, которые трудились как троянцы, обнажая жилища своих предполагаемых предков, теперь собрались, чтобы получить заработную плату в серебряных долларах, которые они выразительно называют “белыми пирожными”. Вокруг были разбросаны различные пожитки индейского лагеря, среди которых выделялись консервные банки; изветвей тополя было сооружено укрытие от ветра; с дерева свисали панцири черепах, выловленных в реке; большое количество дикого табака было разложено для просушки на солнце, и несколько остроухих осликов, ковылявших на трех ногах, наслаждались необычайно роскошным пастбищем из зарослей шалфея.

“Paying off” окружен аттракционами для мужчин всех сортов и состояний. Хопи казались толпой детей, предвкушающих праздник, когда они сидели кружком вокруг доктора Фьюкса, который был казначеем. Возможно, это был их первый опыт общения с правительственной “бюрократией”, о тонкостях которой они, должно быть, имели лишь самое слабое представление. Бывают моменты, когда блаженному неведению можно позавидовать.

“Дополнительные талоны” были заполнены с указанием времени обслуживания и суммы, подлежащей оплате, и когда клерк врача назвал имена, мальчики подошли подписать. Индеец напишет свое имя! Довольно любопытно, что каждый хопи, от мала до велика, может подписать свое имя, и ему не нужно прибегать к “крестику” нашей хваленой цивилизации.

Возможно, правильнее было бы сказать “рисует свое имя”, потому что, когда первый индеец взялся за ручку самым непривычным способом, какой только можно себе представить, он нарисовал кролика, следующий - табачное растение, третий - ящерицу и так далее, пока не был завершен самый странный набор подписей, когда-либо украшавших государственную чековую книжку.

Следует объяснить, что у каждого хопи есть повседневное имя, которое его любящие родственники придумали для него в младенчестве, и название клана, которое показывает его кровное родство или семью. Нигде, даже в наши дни охоты за предками, семье не придается большего значения, чем в Хопиленде. Если вы спросите: “Кто этот человек?”, ответом может быть, например, “Копели”, его личное имя. “Но что он такое в Валпи?” “Он *чуа*”, то есть он принадлежит к важному Змеиному клану, и его тотемом является ползающая рептилия.

Хопи очень забавляет, когда человек, не знакомый с их обычаями, спрашивает у человека его имя; также это очень смущает спрашивающего, если только рядом нет третьей стороны, которая могла бы добровольно оказать услугу, потому что ни одного хопи нельзя убедить назвать свое имя из страха плохих последствий, связанных с “выдачей себя”.

III ПИТАНИЕ И ВЫРАЩИВАНИЕ

Индийская легенда повествует о времени, когда все было водой; затем возникла суша; долгое время земля была слишком влажной для людей, и, наконец, земля была высушена сильным пожаром. Все это красивые истории для тех, кто ищет легенды о потопе и последствиях пылающих комет, но, если верить рассказам индейцев, процесс высыхания зашел слишком далеко на Юго-западе. Вода! вода! вода! Слово приобретает новое значение в этом засушливом регионе. В нем ощущается рябь, охлаждающая, освежающая нотка, успокаивающая пересохшие губы и гарантия от смерти от жажды. Таким образом, все разговоры между людьми изобилуют упоминаниями об этой основе жизни, и каждый приходит, как и они, к обсуждению водного вопроса с искренним уважением к его проблемам.

Везде, где есть вода, почти всегда найдутся древние руины. В наше время ветряная мельница поселенца часто стоит у источника, который утолял жажду древних обитателей ныне разрушающегося пуэбло. Благословения, которые в библейские времена были обращены к человеку, “выкопавшему колодец”, применимы и к этой полупустыне, поскольку Сирия и Аризона не сильно отличаются по климату. Бедуин со своими лошадьми и верблюдами был бы неуместен на песчаных просторах нашей Сахары; не были неуместны и испанские завоеватели на незнакомой земле, когда они променяли пыльные равнины и голые сьерры своей родины на земли Нового Света.

Путешественника по Испании, северной Африке или Малой Азии впечатляет сходство между этими странами и нашим Юго-Западом, так что название Новая Испания, которое испанцы рано применили ко всей Мексике, кажется очень подходящим. Как и в этих странах, наш Юго-Запад - страна жажды; сухой воздух и палящее солнце иссушают кожу и поглощают все остатки влаги. (Человек чувствует себя так, как будто его поместили под стеклянный колпак, лишенный воздуха, и он проходит процесс сморщивания яблока в ходе эксперимента.)

Итак, прежде чем отправиться в путешествие, человек интересуется не столько дорогами и расстояниями, сколько тем, можно ли найти воду, поскольку часто приходится мириться с самыми неприятными непредвиденными обстоятельствами “ ”сухим лагерем". Многие районы

Аризоны и Нью-Мексико нелегко посетить, кроме как в благоприятное время года, потому что вам говорят: “до воды сто миль”. Хопи часто устраивают длительные путешествия по безводной местности, пряча воду в местах вдоль маршрута. Эта мудрая предосторожность, на которую обратили внимание испанские исследователи шестнадцатого века, состоит в том, чтобы зарывать запечатанные кувшины с водой в песок, причем их местонахождение обозначается “знаками”. Вдали от древнего или современного жилья эти кувшины, открытые ветром, часто находят всадники на пастбищах для скота.

“Возить воду” должен не только запыленный проводник, поскольку даже железные дороги через полупустыню снабжены составами-цистернами для подачи воды, а резервуары для воды в огромных локомотивных тендерах всех поездов необычайно вместительны.

Далеко на песчаных равнинах, поросших полынью, часто встречаются небольшие пирамидки из камней, которые знающие люди называют “индейскими водными знаками”, указывающими направление к воде, но более распространенными знаками являются следы, оставленные скотом, на которых множество следов в пыли указывают на воду, возможно, за много миль отсюда, и часто, когда следы не свежие, они ведут к высохшему озеру, окруженному тушами или белеющими костями.

Пастух или пастушиха племени навахо - человек с большой ответственностью, поскольку овцы и пони должны получать воду по крайней мере каждые три-четыре дня. Когда четко выраженная гроза проходит в радиусе двадцати или тридцати миль от его лагеря, он отправляется по пути ее воздействия, зная, что там будут лужи с водой и быстрорастущие травы. Такая погоня за грозой в новинку — и приносит гораздо больше удовольствия, чем погоня за радугой. Даже дикий скот чует воду и устремляется к ней, бегая, как скаковые лошади.

На самом деле животные пустыни по необходимости привыкли обходиться без воды. Насколько можно судить, крысы, мыши, белки, барсуки, койоты, луговые собачки, скунсы и другие обитатели песчаных пустошей так редко получают хороший глоток воды, что, похоже, переросли потребность в ней. Крупный рогатый скот и лошади также развили в себе такую способность к воздержанию, которая могла бы устыдить верблюда. На Западе страны существует поверье, что по крайней мере одна из нор луговой собачки выходит к воде, но так это или нет, но, судя по некоторым местам расположения этих странных звериных деревень, в племени сусликов должны быть адепты инженерной мысли бездны.

Нельзя долго прожить в дебрях Аризоны, не научившись разбираться в погоде и, возможно, разбираться в приметах и тропах, как первопроходец. Местность настолько открытая, что погоду на расстоянии ста миль или более можно оценить с первого взгляда и наблюдать за ходом нескольких штормов одновременно, даже несмотря на то, что звуки ветра и грома далеко не слышны. Во Флагстаффе, например, легко определить, когда хопи радуются дождю, хотя до него больше ста миль.

В стране с таким небольшим количеством осадков, как Тусаян, и в которой почва состоит в основном из песка с подстилающими его пористыми породами, родников мало, а их сток скуден. Реки также большую часть года протекают далеко под своими песчаными руслами, которые лишь время от времени разрываются бушующими потоками. Это одна из многих новинок страны, которая, вероятно, предлагает больше достопримечательностей, чем любая другая страна на земле.

Вокруг источников кипит жизнь хопи, потому что здесь в любое время дня можно увидеть, как женщины и девушки наполняют свои фляги, прилаживая их к одеялам на спине для трудного подъема по тропе. Чувство восхищения, смешанного с жалостью, возникает при виде этих крепких маленьких женщин, которые в одеяле, повязанном поперек лба, буквально в поте лица переносят полцентнера воды на высоту почти в полторы тысячи футов. *Ман и эм*, “устали?” - спрашивает их один. *Okiowa mang i uh*: “Да, увы, очень устали!” - отвечают они, эти рабы весны.

У кромки воды в источнике, где ничто не может их потревожить, лежат выкрашенные в зеленый цвет палочки со свисающими перьями. Это подношения богам, которые правят водной стихией. Ни на одной из частых церемоний хопи не забывают о родниках, потому что посыльный приносит к ним молитвенные палочки и опускает их в воду. В прежние времена набожные верующие бросали в источники глиняные подношения и другие предметы.

Вокруг источников разбиты сады, в которых выращивают лук и другие “садовые соусы”. Когда есть возможность, из источника в сады проводят небольшой ручеек. Растущая зелень во многом дополняет унылую обстановку источников, но растения должны быть обнесены каменной стеной, чтобы отпугивать мародерствующих ослов и коз.

По крайней мере, один источник в каждом пуэбло выкопан и расширен, образуя бассейн на дне котлована глубиной десять футов и диаметром тридцать, с ступенчатым спуском к воде. Эти источники удобны для полива томимых жаждой животных, но особенно они используются в церемониях. Например, во время Танца на флейте они образуют театр сложной церемонии, во время которой жрецы переходят вброд источник и дуют в свои флейты в воде.

Всем источникам были даны описательные названия. В Валпи есть Давапа, “солнечный источник”; Ишба, “волчий источник”; Канелба, “овечий источник”; Кокиунгба, “паучий источник”; Випоба, “весенний тростник”; Качинапа, “источник качина”, и ряд других, вокруг которых группируется множество ассоциаций, дорогих добрым людям Восточной Месы. Подобно хопи, любой другой человек, живущий на засушливом Юго-западе, бессознательно становится приверженцем поклонения воде и в конце концов оказывается во власти сил Природы, которых индейцы умоляют о благодатном дожде.

Количество источников в этом регионе часто не определено. Известно, что землетрясения поглощают источники в одном месте и вызывают их прорыв в другом, находящемся далеко. Легко себе представить, каким ужасным бедствием может быть подобное явление в столь засушливой стране, ибо единственное, что люди могут сделать в таких обстоятельствах, - это двигаться, и двигаться быстро. Представляется вероятным, что некоторые из многих древних индейских поселений, превращающих Юго-Запад в усеянный руинами регион, возникли именно из-за непостоянства водоснабжения.

Когда современная инженерия придет на помощь хопи в хранении время от времени огромных запасов воды для использования в течение всего года, для Мирных людей наступит новая эра. Затем они могут стать преуспевающими фермерами и постепенно забыть те дни, когда они вызывали силы природы с помощью странных чар и церемоний.

Если хопи хорошо знают источники, они не менее совершенны в знании полезных для них растений. Однажды Копели, бывший вождь Змей, взялся обучать своего ученика Куктайму знаниям о растениях, растущих недалеко от Восточной горы. Они отправились к затопленному кукурузному полю недалеко от уош, и задолго до того, как достигли его, услышали, как

наблюдатели испускают леденящие кровь крики, чтобы отпугнуть ненавистных *хангвишей*, ворон, которые время от времени бросались на аппетитные колосья.

Само собой разумеется, что день был прекрасным, потому что в августе грозовые тучи часто заполняют небо изящными формами, подкрашенными снизу розовым сиянием, отражающимся от поверхности красных равнин. Дождь заново запустил растительность, и темно-зеленые кукурузные поля свидетельствовали о его благотворном влиянии.

Копели был общительным, но Куктайму, хотя Саалако и благословил его именем хопи, был слаб в тонкостях речи хопи и упустил многие моменты, на которые из вежливости он ответил *Ови*: “Да”. Тем не менее, странно звучащие названия растений и способы их использования, данные Копели, были должным образом записаны на бумаге, для обозначения чего у хопи есть слово, которое буквально означает *кукурузная шелуха*. Во время своего путешествия по кукурузным полям они встречали различные группы наблюдателей, некоторые полулежали под покатыми навесами из ветвей тополя, некоторые болтали друг с другом или грызли кукурузные початки, поджаренные на небольшом костре. Все просили спички и охотно помогали в совещаниях по поводу растений, в отношении которых Копели мог сомневаться. Мальчики с луками и стрелами пытались стрелять в ворон, а маленькие девочки присматривали за младенцами. Жизнь в полях доставляет хопи много удовольствия, и детям особенно нравится проводить день, устраивая пикники среди шелестящих кукурузных листьев.

После того как за растениями охотились на кукурузных полях, Копели и Куктайму искали возвышенности среди скал под плоскогорьем, где произрастают различные виды растений. У подножия серых скал произрастает множество растений, имеющих большую лекарственную и церемониальную ценность для хопи, по словам Змеинового жреца, который пришел в восторг от маленького серебристого экземпляра с резким запахом. “Очень хорошее лекарство”, - сказал он. На этом этапе, когда растение было аккуратно помещено в коллекционные бумаги, Копели сделал характерный жест, быстро проведя одной ладонью по другой, и сказал *лаше*: “Все”. Близость вечерней трапезы, должно быть, повлияла на то, что Копели сказал, что флора Тусаяна была исчерпана за один день поисков, поскольку последующие путешествия по горным склонам позволили обнаружить множество других растений, которым есть место в ботанике хопи.

Удивительно обнаружить такое общее знание растений своей страны, какое встречается у хопи. Несомненно, это чудо возникает у тех, кто живет искусственной жизнью городов. Хопи - настоящие дети пустыни, близкие к сердцу пустыни. Его окрестности не изобилуют чистыми ручьями, травянистыми лугами и массивными деревьями; здесь многое кажется суровым и бесплодным на первый взгляд, и есть скудость, за исключением обширных пейзажей и ярких красок. Здесь природа обнажена и проявляются все ее очертания; скалы, равнины и горы смело выделяются в чистом воздухе. Тем не менее, во всей этой бесплодности есть изобилие животной и растительной жизни, которая приспособилась к полупустыне, и если человек на время станет хопи, он может найти в странных уголках множество вещей, приятных как для глаз, так и для понимания.

Мало найдется хопи, которые не знают трав и простых продуктов, а некоторые знакомы с растениями, которые растут в горах и каньонах, за сотни миль от их деревень. Даже дети знают многие травы, и я не раз успешно спрашивал у них их индийские названия. В этом нет ничего странного, потому что подобные вещи являются частью их образования, и в этом смысле они

опережают большинство своих цивилизованных братьев. Через некоторое время приходит в голову мысль о том, что хопи зависят от урожая, посеянного Природой, не меньше, чем от продуктов со своих хорошо возделанных полей. Много раз, как рассказывают легенды, люди спасались от голода благодаря растениям пустыни, которые в хорошее или плохое время года пробивали свои серо-зеленые побеги сквозь сухой песок, напоминая об основе всякой плоти.

Возможно, все хопи верят, что дикорастущие растения наиболее ценны для исцеления и религиозных целей, поскольку растения, которые они используют в медицине, могли бы пополнить примитивную аптеку. Пучки сушеных трав, корней и т. Д. Свисают с потолочных балок каждого дома, напоминая таинственные пучки “ярбов” в негритянской хижине, и, по мере надобности, из них делают чай и порошки от всевозможных недугов.

Врачи хопи владеют теорией и практикой медицины, так же как и их более образованные белые собратья. Не имея ни малейшего представления о школах, разделяющих взгляды нашей страдающей от болезней расы, они бессознательно следуют ряду известных учений. Итак, если у пациента возникает ощущение покалывания в горле, чай, приготовленный из расторопши, окажет лечебное действие, поскольку “подобное лечит подобное”. Волосистые семена клематиса способствуют росту волосков, а плоды плодового ползучего растения следует класть в арбузные горки, чтобы вырастило много дынь. Листья растения, названного в честь летучей мыши, кладут на голову беспокойному ребенку, чтобы заставить его спать днем, потому что именно в это время спит ленивая летучая мышь. Не часто детям хопи требуется применение лекарств из растений летучей мыши, но даже самые лучшие дети иногда становятся капризными.

Хопи часто используют растения в странных целях, и о них накоплено много любопытных сведений. Некоторые растения названы в честь животных и насекомых, которые на них обитают, например, “гусеница, ее кукуруза”, “крот, его кукуруза”; в то время как некоторые, из-за воображаемого сходства, называются “крысиное ухо”, “растение летучей мыши”, “растение-гремучка” и т.д. Считается, что два растения, растущих в компании, родственны, и об одном говорят как о потомке другого. Растения также известны как мужские и женские, и каждое относится к своей особой точке компаса. Многие из них используются в религиозных церемониях; те, кого любят боги, появляются на молитвенных палочках, предлагаемых для моления о милостивых услугах божеств природы.

Как ни странно, у хопи есть знахарки, а также знахари-мужчины. Самая известная из них - Саалако, мать Змеинового жреца. Она варит темное лекарство для танца Змей и хранит секрет противоядия от змеиных укусов. Однажды писатель встретил в месте под названием “Брод Хаус” знахаря племени навахо. Это был морщинистый, сидящий представитель человечества верхом на ослике, который охотился за травами, о чем можно было догадаться, заглянув в мешочек, который он носил на боку. Немного табаку заставило его спешиться и разложить свой запас трав. Когда писателю показали коллекцию растений, он очень заинтересовался, без сомнения, полагая, что нашел единомышленника. Он попросил образцы нескольких растений и, когда ему их дали, спрятал их в свою сумку со всеми признаками удовлетворения.

Жрецы хопи также очень рады любой траве, доставляемой издалека, особенно с морского побережья, “страны дальних вод”, как они это называют. Они бережно хранят их и смешивают со священным курительным табаком или добавляют в “жидкость для обаяния”, которая

используется в каждой церемонии для смешивания краски для молитвенных палочек и для разбрызгивания во время их странных ритуалов.

Американский фермер мог бы растеряться, увидев кукурузное поле хопи. В обычно пересыхающих руслах ручьев или “промоинах” он видел низкие заросли растительности, с определенной регулярностью расположенные на песке. Это кукурузное поле хопи, засеянное таким образом, чтобы извлечь выгоду из дождей, которые, падая выше, могут заполнить промоины, поскольку летние грозы очень непостоянны в своей благоприятности.

Фермер-хопи отправляется на посадку, вооруженный только черенком, который служит одновременно плугом, мотыгой и культиватором. Добравшись до пустыря с песком, который является его бесперспективным полем для посева, он садится на землю, выкапывает ямку и кладет туда примерно двадцать зерен, прикрывая их руками. Есть ли у него какое-нибудь правило, подобное

Один для стригущего червя,

Один для вороны,

Один на удачу,

сомнительно, но в годы, когда червей, вероятно, будет много, он сажает больше кукурузы на холм.

Покончив с одним холмом, он встает, отодвигается примерно на десять футов, садится и проделявает тот же процесс. Он никогда не прореживал кукурузу, но оставлял многочисленные стебли плотно прижатыми друг к другу для тени и защиты от ветров. Его забота о поле состоит всего лишь в выпалывании сорняков и наблюдении за воронами, которых он отпугивает демоническими криками. Его пугала также являются чудом изобретательности, и часто их принимают за бдительных индейцев.

Когда кукуруза подходит для запекания початков, хопи жиреют, и с утра до ночи устраивают пиршества. Высокие столбы дыма поднимаются из жарочных ям на полях. Эти большие ямы выкапывают в песке, прогревают горячей щеткой, заполняют жареными ушками и плотно закрывают на сутки. Открытие ямы обычно является поводом для веселья и пиршества, где преобладают смех и песни. Часть кукурузы употребляется сразу для приготовления пудингов и других блюд, которых хопи готовят множество, а то, что остается, сушат в початках и пучками развешивают в домах на зиму.

Початки индийской кукурузы расположены близко к земле и скрыты лопастями, которые касаются песка. Стебли обычно изодраны и унесены ветром, так что к тому времени, когда кукуруза созреет, корм не представляет особой ценности. Спелую кукурузу собирают и с трудом переносят на погрузках вверх по крутому склону к домам, где она хранится в зернохранилище. Здесь початки сложены симметрично, отдельно от прошлогоднего урожая, который теперь можно использовать, поскольку хопи, наученные голодом, хранят урожай одного года про запас. Время от времени женщины выносят засохшую кукурузу, раскладывают ее на крыше на

солнце и тщательно счищают каждый початок, прежде чем вернуть его в зернохранилище, потому что в этой засушливой стране, хотя кукуруза никогда не плесневевает, насекомых-вредителей много.

Среди суеверий, связанных с кукурузой, хопи считают, что початки семенной кукурузы нельзя сжигать до тех пор, пока урожай не прольется дождем, из-за боязни предотвратить или “иссушить” дожди.

Ни один злак в мире не является таким красивым, как кукуруза хопи. Зерна, хотя и мелкие, насыщенные и хорошо отполированные; початки белые, желтые, красные нескольких оттенков, прекрасного розово-маренового цвета, синие, очень темно-синие или фиолетовые, которые хопи называют черными, и крапчатые. Поднос с очищенной кукурузой разных цветов выглядит как мозаика.

При разделении труда посадка, уход за кукурузой на полях и сбор урожая принадлежат мужчинам. Когда собраны блестящие колосья, начинается женская работа. Ни одна другая особенность домашнего хозяйства хопи не вызывает такого интереса, как ряд из трех или более плит, расположенных наклонно в выложенных камнем желобах, утопленных в полу; это их мельницы. Они имеют различную тонкость, и это также относится к продолговатым ручным камням, или *маносу*, которые натираются на них движениями вверх-вниз, как при использовании стиральной доски. Иногда на мельницах работают три женщины; первая женщина измельчает зерно в крупную муку на крупном камне и передает свой продукт второй, которая измельчает его еще тоньше, а третья доводит до конца на последнем камне; иногда одна женщина в одиночку доводит муку до конца, но это бедное хозяйство, которое не может оборудовать две мельницы. Мастерство, с которым женщина легким движением руки распределяет муку по шлифовальной плите, когда *тапо* готовится к обратному удару, поистине поразительно, а ритмичная точность всех движений наводит на мысль о работе машины. Странная песня, которую поют точильщики, и грохот мельницы - характерные звуки пуэбло хопи, и когда женщины-точильщицы припудривают свои вспотевшие лица мукой во время работы, они хорошо смотрятся в роли мельниц. Маленьких девочек рано учат усердию, и их часто можно убедить продемонстрировать свои достижения перед посетителями.

Муку тонкого помола раскладывают коническими горками на плоских подносах-корзинках, создавая настоящую выставку, которой женщины хопи очень гордятся. Обилие еды свидетельствует об усердии, а также об обильном запасе жизненных сил. Шлифовка - непосильный труд, и по-человечески хотелось бы, чтобы женщины хопи, и особенно незрелые девочки, были освобождены от этой непосильной задачи.

Хотя кукурузная мука используется во всех блюдах хопи в качестве основного ингредиента, большую ее часть готовят в виде “бумажного хлеба”, называемого *пики*, больше всего напоминающего материал осинового гнезда. Этот хлеб готовится из теста, окрашенного в серый цвет древесной золой, которое ловко намазывается очень тонким слоем рукой на разогретую каменную плиту. *Пики* выпекаются быстро, отделяются от пласта и сразу сворачиваются в удобную форму циркулем, они такие хрустящие, что хрустят, как бумага. Иногда его окрашивают в привлекательные цвета для торжественных случаев, таких как церемонии Качина.

Перед танцами женщины деловито готовят еду, а девушки ходят безмолвные, с набитыми едой ртами, “жуя дрожжи” для кукурузного пудинга. Эти и другие тонкости кухни заставят знающего путешественника немного остерегаться привлекательной на вид еды хопи.

Несомненно, кукуруза - “мать” хопи. Все силы природы призываются для дарования хорошего урожая, посылая дождь и плодородие, и желание получить кукурузу является центральным мотивом многочисленных церемоний жителей деревни Тусаян. Если бы молитвы хопи можно было сформулировать подобно “*Ом мане падме хум*” индусов, это было бы в уменьшенном виде: “Даруй нам зерно!” Эти простые сельские жители также не неблагодарны за такие благословения. Копели обычно стоял, глядя на свое цветущее кукурузное поле, и с жаром повторял: “*Ква кви, Ква кви*”, “спасибо, спасибо”, и было очевидно, что эти слова были произнесены с истинной благодарностью и духом преданности.

Трудно представить древних людей без кукурузы; но очень давно, как повествуют легенды, они не знали этого злака. Несомненно, в то время они не были обитателями пуэбло и не распространились далеко на Юго-запад. Они жили в местах, где водилась дичь, и по той же причине, по которой в таких местах обитали важные пищевые животные, — наличие растительности, которая поддерживала бы жизнь.

Их жизнь протекала у подножий хорошо орошаемых и поросших лесом гор, поднимающихся над равнинами, где мясом дичи, семенами и корнями растений они могли удовлетворять свои полудикие потребности. Возможно, долго они скитались таким образом в качестве охотников, пока не добрались до земли обетованной — полупустыни, где зародилось земледелие зерновых культур и там они получили “материнскую кукурузу”. С тех пор все прежние источники пищи, вырванные у скупой Природы, стали ничем по сравнению с этой пищей из продуктов, но даже по сей день хопи не забыли свои давние глубокие знания о ресурсах полей, не засеянных руками человека. Благодаря кукурузе, которая обладает высокой пищевой ценностью и легко выращивается, хранится и консервируется, хопи и их собратья из пуэбло безбоязненно расселяются по полужасушливым землям.

Было указано, что постоянное употребление кукурузы в пищу приводит к нежелательным физиологическим эффектам, и это предлагается для использования чили и других приправ, смеси кукурузного корма с мясными и растительными субстанциями и, фактически, для разнообразных способов приготовления кукурузы. Эта потребность в разнообразии также объясняет изобретательность домашней хозяйки хопи и послужила толчком к изобретению ею вкусных блюд.

Словарь кукурузы в языке хопи обширен и содержит слова, описывающие даже те части растения, которых не хватает большинству цивилизованных людей. Важность кукурузы также отражена в многочисленных словах, описывающих виды еды, блюда, приготовленные из кукурузы или с добавлением кукурузы, а также различные способы ее приготовления на огне для употребления вечно голодными хопи. Чтобы дать неполный обзор продуктов из кукурузы, отметим, что существует пятнадцать видов *пики*, или бумажного хлеба, три вида каши; пять видов песочных пирогов; одиннадцать видов вареной кукурузы; четыре вида, запеченных или обжаренных на углях; два вида, приготовленных путем жарки; четыре тушеных и восемь видов вареной кукурузы в лушеном виде, всего пятьдесят два сорта.

После бумажного хлеба, пожалуй, самым популярным блюдом является *пигаме*, или сладкая кукурузная каша, завернутая в кукурузную шелуху и запеченная в подземной печи. Другой вариант приготовления - очищенная кукуруза, замоченная и отваренная до тех пор, пока каждое зернышко не увеличится в несколько раз по сравнению с нормальным размером. Хопи любят хорошо приготовленную пищу и владеют искусством максимального расширения каждого зернышка крахмала. Книга о кулинарии хопи была бы объемистой, но какой интересной для домохозяйки, которая знала бы, как сделать простую пищу аппетитной без молока или яиц, и которая изучила бы новые и необычные сочетания! Здесь подают лепешки, приготовленные из сухофруктов, рубленого мяса и соломы, которые сушат на крыше; клецки, сформованные из старых молотковых камней, кукурузные котлеты, лепешки из кукурузной муки, завернутые в кукурузную шелуху и отваренные или запеченные, и многие другие блюда, которые могли бы показаться странными кому угодно, кроме гурманов хопи.

Когда приходит время ужинать, на пол ставят большую миску с тушеным мясом в качестве *закуски*, а рядом с ней - поднос с *пики*. Каждый член семьи отламывает по кусочку *пики*, зажав его между большим и указательным пальцами, протягивает через рагу, подобно неводу, чтобы поймать как можно больше частичек мяса, затем отправляет далеко в рот, чтобы рагу, прилипшее к пальцам, можно было смыть звучным причмокиванием губ. Путешественник, посетивший хопи в 1869 году, описывает более официальный обед, который состоял из баранины, сушеных персиков, голубого *пики*, кофе и напитка, приготовленного путем замачивания обжаренной сердцевины агавы в воде. Этот автор говорит:

Вы берете небольшой кусочек, кладете на него кусочек баранины и несколько персиков или немного сладкой жидкости и взбиваете массу ложкой. Этот ужин, хотя и приготовленный индейцами, был вкуснее многих блюд, которые мы ели в приграничных поселениях, приготовленных белыми.

Женщины хопи усердно собирают семена трав и других растений, которые они измельчают и добавляют в кукурузную муку, чтобы улучшить вкус хлеба, или, возможно, ценный хлеб готовится полностью из измельченных семян какого-нибудь пустынного растения. Маслянистые семена, такие как пиньон, тыква и дыня, измельчают для придания шортенинга различным пирогам и придания сочности рагу. Часто еду подкрашивают безвредными растительными красителями, без сомнения, по продуманному плану хозяйки дома, чтобы придать привычному блюду новый вкус. Наша традиция приготовления “весенней баранины с мятным соусом” дублируется тушеным кроликом с зеленью *нанакопши*, которую мастера кулинарного искусства хопи используют в сочетании с различными другими травами.

IV РАБОЧИЕ

Хопи верят в евангелие труда, которое поровну разделено между мужчинами и женщинами.

Когда говорят, что люди работают, возникает, возможно, бессознательное, желание узнать причину, которая редко является предметом любопытства, когда люди развлекаются. Если

подумать, ответ старый, и хопи, если бы его спросили, зачем он работает, мог бы выдвинуть первую великую причину, нуша, “еда”.

Хопи должен работать не только для того, чтобы прокормить свою жену и малышей, но и для своего клана, который является большой семьей кровных родственников, связанных между собой крепчайшими узами и обычаями взаимопомощи. Эта семья - предмет величайшей гордости, собственный маленький мирок, в котором у каждого члена от мала до велика есть обязанности. Таким образом, все работники — мужчины, женщины и малыши, которые вносят свою крошечную долю. Общее разделение труда возлагает на женщину ведение домашнего хозяйства, а на мужчину обработку полей. Мужчины сажают кукурузу, а пожилые женщины часто помогают ее мотыжить, а женщины и дети часто выходят на поля и наблюдают за посевами, чтобы отпугнуть птиц.

Когда урожай собран, поднят с холма и положен в житницу, интерес человека к нему пропадает, за исключением того, чтобы съесть большую долю. Не было ни одного хопи, который не был бы голоден. Большая часть времени женщины уходит на измельчение кукурузы и выпечку хлеба. Ношение воды ложится на нее, и эта обязанность могла бы вызвать подозрение, что на нее ложится большая доля бремени, если бы хопи не были вынуждены экономно расходовать воду. Помимо упомянутых обязанностей, она может также добавить обязанности гончара, плетения корзин, строителя домов, а иногда и резчика кукол и изготовителя мокасин. Затем нужно позаботиться о детях, но в этом участвуют все, включая самих детей. Если бы не многочисленные церемонии, работа женщины в Хопиленде была бы намного проще. Измельчение, выпечка, переноска воды, а также хлопоты и спешка при подготовке к различным мероприятиям продолжаются мучительными повторениями. Домохозяйка-хопи может выразить искренние соболезнования своей белой сестре, которая взвалила на свои плечи бремя церковного праздника, и жалоба о том, что “женская работа никогда не делается”, прозвучит знакомо для ее ушей. Тем не менее, редко можно услышать, чтобы она оплакивала свою судьбу, и можно положиться на то, что в ее доме не расцветают от безделья девушки.

Но мужчины также занимаются ремеслами, и из них чесание, прядение, крашение и ткачество - исключительно мужская работа, в отличие от племени навахо, у которых такие дела являются женской работой. Ему также приходится собирать дрова, что уводит его далеко в поле, поскольку по соседству почти нет ничего растущего, что стоило бы собирать на топливо. Уголь там есть в земле в изобилии, но хопи используют его меньше, чем их предки, и хозяин дома время от времени отправляется с одним-двумя осликами на отдаленные горные горы, где растут низкорослые кедры, чтобы заготовить дрова для приготовления пищи. С каждым годом кедры удаляются все дальше, так что в будущем хопи, возможно, придется использовать забытый уголь.

У хопи есть все шансы стать великим человеком среди своих соплеменников, если у него есть лошади и повозка. Вследствие такого богатства он обычно проявляет свою гордость тем, что напускает на себя вид менее удачливых соплеменников, и это справедливо, потому что доставка припасов для школ и торговцев приносит серебряные доллары, которые пополняют кладовую едой белого человека. Пони дешевы, и в условиях полуголодной пустыни можно прокормить и двадцать лошадей, и одного, поэтому погонщик хопи часто берет с собой все свое стадо, отправляясь в грузовую поездку, чтобы быть уверенным, что достигнет цели своего путешествия, и один взгляд на его лошадей докажет, что он мудрый человек.

По-видимому, мужчины усерднее работают над изготовлением принадлежностей и костюмов для церемоний, чем над чем-либо другим, но следует помнить, что в древние времена, поверованиям хопи, все зависело от умиловивления божеств. И все же, если бы мы извлекли нити религии из основы жизни хопи, от них, по-видимому, мало что осталось бы. В интересах истины следует отметить, что мужчины хопи будут работать по-прежнему и получать удовлетворение, за исключением тех случаев, когда в пуэбло вот-вот состоится церемония, а долг перед их религией мешает постоянной работе, как это делают праздники в благополучных странах к югу.

Действительно, хопи заслуживают большой похвалы за свое трудолюбие, бережливость и предусмотрительность, и их следует похвалить за то, что они не гнушаются работой и потому, что по справедливости и мужчины, и женщины участвуют в труде на общее благо.

Рассказ об искусстве, которым занимаются в городах хопи, может оказаться интересным читателю, который хотел бы узнать кое-что о методах изготовления мокасин, гончара, ткача, резчика по дереву, плетения корзин и строителя домов, образцы ручной работы которых широко распространены среди коллекционеров художественных и примечательных вещей.

Словно для того, чтобы поддержать достоинство Мирных людей, жена "Гарри", нового Змеинового вождя Уолпи, часто носит громоздкую обувь, обычную вдоль Рио-Гранде. Несмотря на нехватку оленьих шкур, каждая невеста хопи должна иметь в своем приданом пару этих замечательных накидок для ног, для изготовления которых требуется большая оленья шкура. Когда обременительная церемония бракосочетания заканчивается, мокасины убираются или изнашиваются, и женщина больше никогда не может рассчитывать на то, что с нее снимут мерку для другой пары.

Но поскольку мокасины являются частью мужского костюма, без которых они не могут хорошо бегать по податливому песку, и поскольку в деревне нет сапожника, каждый мужчина должен сшить их сам или ходить босиком. Часто в деревнях можно встретить изготовителя мокасин, который, слоняясь без дела, грызет сыромятную кожу и деловито орудует своим шилом и сухожилиями. Непосредственно перед Змеиным танцем, когда каждый змеиный жрец должен приобрести для себя пару новых мокасин, это искусство очень ярко проявляется.

Производитель мокасин гордится тем, что скрывает свои стежки, и надо сказать, что он шьет исключительно хорошо, несмотря на грубые инструменты своего ремесла. С тем же мастерством, которое он проявляет в других ремеслах, хопи выделывает кожу для незаменимых мокасин. Самый простой способ придать цвет коже - втереть красную охру или другую глину в кожу мягкого загара, как это видно на красных мокасинах танцоров-Змей. Теплый коричневый цвет коже придает настой коры водяной березы, а черную краску получают путем выжигания смолы пиньона с добавлением неочищенных нативных квасцов. Иногда эстетические вкусы молодого человека удовлетворяются мокасинами, окрашенными в анилиновый красный или синий цвет в зависимости от его фантазии.

Если посетитель сделает заказ на пару *тотчи*, он может увидеть весь процесс на досуге. Изготавливается кусок хорошо выделанной воловьей кожи, предпочтительно со спины животного, на нем размечаются очертания стопы и резак оставляет край для подвертывания подошвы. Это все, что, по-видимому, требуется производителю мокасин, и его формула для определения высоты подъема не разглашается, но она должна быть эффективной,

потому что мокасины изготавливаются с большим искусством, чем это демонстрируют многие цивилизованные сапожники.

Подошвы зарыты во влажный песок, чтобы сделать их податливыми, а передняя часть верха прошита по краю, достигающему примерно до голеностопных костей. Затем мокасин выворачивают наизнанку и пришивают к лодыжке. Добавляются завязывающиеся шнурки или, если требуется особый стиль, их заменяют серебряные пуговицы, изготовленные Navaho из десятицентовиков или четвертаков.

Хопи живут очень далеко от ареала обитания оленей, что во многом объясняется использованием ими тканых тканей. Но олени шкуры, должно быть, всегда пользовались спросом, и их приобретали в обмен на навахо, хавасупай и других соседей. Таким образом, в древние времена шкуры буйволов и других животных попадали в Тусаян, а хлеб и одеяла хопи отправлялись в отдаленные горы и равнины.

Было бы интересно узнать, были ли хопи раньше людьми в сандалиях или мокасинах, и это знание открыло бы многое из того, что сейчас является лишь догадками относительно их истории. Люди, носящие сандалии, означают жителей юга Мексики, где, по-видимому, никогда не носили мокасин. Люди в мокасинах - это жители севера, племена наших гор и равнин, среди которых эта обувь типична. Возможно, хопи принадлежат к обоим классам. Обитатели скал носили сандалии, а на зиму у них были сапоги из сетки, к которым в качестве прикрытия были искусно прикреплены индюшачьи перья. Сандалии, найденные в скальных домиках, по-разному сплетены из тростника или полос агавы, или, возможно, имеют простую кожаную подошву со шнурком для носка, но те, что сделаны из хлопка с оригинальным рисунком, достойны высочайшего восхищения.

Те кланы людей со скал и кланы с юга, которые собрались в Тусаяне столетия назад, носили сандалии, в то время как местные кланы и те, кто пришел с севера, возможно, группы ютов, носили мокасины и произвели впечатление на хопи своим языком и мокасинами. Это было большим преимуществом хопи, учитывая, что они никогда не думали о лучшей защите от суровой зимы, чем сандалии.

Каждый, кто посетит Тусаян, привезет на память что-нибудь из работ Нампео, гончара, которая живет со своим мужем Лесу в доме своих родителей в Хане, маленькой деревушке Тева на большой горе Уолпи, недалеко от гэта. Дом принадлежит матери Нампео по праву собственности пуэбло, в котором она и ее муж, пожилой и румяный Тева, со своими детьми и внуками живут дружно, как это обычно бывает у Мирных Людей. Дом под горой, увенчанный "правительственной" крышей из светящегося красного железа, принадлежит Нампео, у которой, таким образом, два дома, но большую часть времени она проводит в родительском доме в Хане.

Нампео - замечательная женщина. Никакого чувства своей расовой неполноценности не возникает даже при первой встрече с этой индианкой, босой, без шляпки и одетой в свой причудливый костюм. Ибо Нампео - художница-гончар, единственная оставшаяся в живых в Хане из поколений женщин-художниц, которые передали изделия своего ремесла на попечение умерших.

В семье ее престарелые отец и мать являются окончательными авторитетами в интерпретации древних символических или культовых изображений в искусстве. Нампео также тщательно

копирует на бумаге украшения всей имеющейся древней керамики для использования в будущем. О ее археологических методах далее свидетельствуют ее поиски глин, используемых этими превосходными гончарами из старого Сикьятки, и ее подражание их технике.

Однажды в полдень под палящим августовским солнцем доктор Фукс и писатель поднялись на Восточную горную гору, первый - чтобы присутствовать на церемонии игры на флейте в Уолпи, а второй - чтобы проникнуть в тайны гончара Нампео. В доме, приятно прохладном и затененном, сидели пожилая пара и Лесу. Малышку привязывали к доске для послеобеденного сна, а Лесу пряла. Было приятно разглядывать причудливую обстановку и любопытные вещи, развешанные по стенам или подвешенные над огромными потолочными балками, — ниточки сушеной *вивы*, того раннего весеннего растения, которое до сих пор помогало мирным людям справляться с голодом, ярко раскрашенные куклы, одеяла, стрелы, перья и другие предметы, которых хватило бы для музея. Лесу оказал честь и сказал, среди прочего, что некоторые потолочные балки комнаты произошли от древнего Аватоби, разрушенного в 1700 году.

Небольшая ниша в задней стене гостиной, в задней части которой стояла короткая бревенчатая лестница, вызвала некоторые предположения. Совершенно неожиданно и несколько ошеломляющим образом было объяснено его назначение, поскольку, когда кто-то позвал отсутствующего Нампео, было видно, как по ступенькам лестницы спускалась пара ног, за которыми, наконец, последовал Нампео, который, сильно изогнувшись всем телом, с улыбкой вышел из узкого прохода в комнату.

Нампео был готов дать указания. Образцы различных глин были под рукой, и новичка посвящали в свойства *хисат чуока*, или древней глины, белой, маслянистой и ароматной, которой древние гончары Сикьятки были обязаны совершенством своей посуды; красноватой глины, *сиву чуока*, также из Сикьятки; твердой, окрашенной железом глины, *чоку чуока*, белой глины, которой покрывают сосуды для отделки, добываемой примерно в двенадцати милях к юго-востоку от Валпи. В отличие от четырех пластилинов Нампео, женщины хопи используют только две: серую глину для тела, *чакабутска*, и белую глину для скольжения, *куцацука*.

Продолжая свои инструкции, Нампео переложил пригоршню хорошо размоченной древней глины из чаши, стоявшей на полу рядом с ней, на гладкий плоский камень, похожий на те, что находят в разрушенных пуэбло. Глину выталкивали вперед основанием правой руки и возвращали назад крючковатыми пальцами, тщательно удаляя камни, палочки и волосы. После достаточной обработки глину намазывали на доску, которую вытаскивали, наклоняли к дому и подставляли полностью высушивающему солнцу и воздуху Тусаи. За короткое время глину перенесли с доски на каменную плиту и нанесли таким же образом, причина была незначительной, известной Нампео, — возможно, потому, что глина после высыхания в определенной степени может лучше прилипнуть к камню, чем к дереву. Быстрее, чем мог себе представить человек, просто знакомый с иссушающими свойствами насыщенного влагой воздуха Востока, глина была готова к обработке, а пластичная масса стала податливой под пальцами гончара.

Первым делом Нампео решил показать процесс намотки сосуда. Ровные “веревочки” из глины чудесным образом выкатывались из ее гладких ладоней, а попытки соперничать вызывали улыбки у семьи, сидевшей вокруг в качестве заинтересованных зрителей. Вогнутое блюдо под названием *табили*, с которого она начала свернутый сосуд и которое легко поворачивается на своем изогнутом дне, по-видимому, является ближайшим приближением пуэбло к гончарному

кругу. Кажущиеся следы неразбавленной намотки на основаниях некоторых сосудов могут быть отпечатками витков *табили*. Поскольку сосуд был небольшим, сворачивание шло до конца, и в перерывах между сушкой, соблюдаемых при изготовлении больших банок, не было необходимости. Затем тыква смягчающие, *tuhupbi*, были наняты, чтобы закрыть намотки канавки, а всегда опирается снаружи или внутри пальцами. Наконец гладкий “зеленый” сосуд был отставлен в сторону для просушки.

Затем начали делать игрушечную столовую, взяв комок глины, который при лепке вскоре принял форму низкой вазы. Маленькой палочкой с каждой стороны было пробито отверстие, рулон глины сложили вдвое для ручек, концы просунули через отверстия и разгладили внутри вазы, через отверстие. Аналогичным образом было вставлено горлышко фляги. Теперь проблема заключалась в том, чтобы закрыть отверстие в этом мягком сосуде снаружи. Нампео накинул катушку на край отверстия, прижимая слои друг к другу, постепенно втягивая внутрь, делая отверстия меньше, пока они не приобрели форму воронки. Затем воронку прижали к корпусу фляги, края соединили, спаяли, разгладили и вуаля! это было сделано, и все следы обращения были скрыты. Любой, кто знаком с трудностями, оценит эту удивительно ловкую манипуляцию. Позже Нампео изготовил небольшой сосуд в форме вазы, самостоятельно смоделировав его, без добавления намотки, как при придании формы столовой.

Посуду, когда она станет достаточно сухой, необходимо промыть белой глиной, называемой *хопи чуока* или *куцацука*, которая добела обжигается. После этого он тщательно полируется гладкой галькой, блестящей от длительного использования, и готов к декорированию. Использование блестящей белой глины в качестве основы для украшения было, вероятно, привезено тева с Рио-Гранде; древняя посуда хопи гораздо более художественна, ее полируют на корпусе или затирают пастой, которая обычно гармонирует с украшением.

Нампео выставила образцы своих красок, из которых она знает только красную и темно-коричневую. Красная краска - желтая охра, называемая *сикьято*, краснеющая при обжиге. Ее смешивали на вогнутом камне с водой. Темно-коричневая краска сделана из *тохо*, железного камня, привезенного с далекой горной горы. Его измельчали на плитке со средой, приготовленной из семян пижмы горчичной (*Sisymbrium canescens*). Кисти представляли собой две полоски юкки, *моху*, по одной для каждого цвета. С помощью этих тонких средств, без каких-либо измерений, Нампео быстро покрыл сосуды узорами, геометрическими или условными, человеческими или культовыми, — фигурами или символами. Узкая кисть, которую держат как полосовщик художника, эффективна для проведения тонких линий. В широких линиях или обширных участках декора контуры четко очерчены, а пробелы заполнены. Ошибок не делается, поскольку исправления невозможны.

Весьма кстати на следующий день приглашение посмотреть на обжиг керамики поступило от пожилого гончара, проживающего в Солнечном источнике. Когда большие часы хопи достигли назначенного места на небесах, согбенный, но активный гончар был обнаружен готовящимся к важной работе по обжигу посуды. В куче золы, пепла и каменных обломков, оставшихся от бывших пожаров, маленькая старушка извлекла вогнутое кольцо. Рядом лежала куча кусков сухого овечьего помета, собранного с пола загона, расположенного на выступе высоко на плато, и принесенного вниз в качестве незаменимого одеяла. В центре вогнутого пола печи горка этого топлива была подожжена с помощью немного истертой кедровой коры и спички,

позаимствованной у подходящего пахана, “народа дальней воды”, под которым известны белые люди. Когда огонь хорошо разгорелся, его постепенно разлили по полу почти до краев, и украшенные чаши, принесенные из дома, расставили вокруг вогнутыми сторонами к огню, в то время как гончарша принесла, завернув в одеяло, горку рыхлого песчаника с соседнего холма.

При первом нагревании посуда из белой превратилась в пурпурно-серую или лавандовую, постепенно приобретая свинцовый цвет. Вскоре она достаточно нагрелась и была готова к обжигу. Прикрыв ее руку складкой одеяла, горшечник отставил сосуды, теперь уже совершенно непривлекательные, в сторону, принялся разгребать огонь и через равные промежутки времени разложил на нем каменные обломки, которые служили подставками или сваями для посуды. Большие сосуды были установлены поверх меньших, и все они были расположены как можно компактнее. Кусок за куском, ловко, как каменщик, гончар соорудил вокруг сосудов стену из топлива, сужающуюся вверх, пока несколько плит не завершили купол сооружения, которое само по себе было печью и топливом.

Были приняты меры к тому, чтобы топливо не попало на сосуды, так как в результате этого посуда обесцвечивалась, что могло подвергнуть гончара насмешкам. Постепенно огонь снизу ползет вверх по стенам, пока внутренность не раскалится, а посуда не раскалится докрасна. Теперь требуется мало внимания, разве что закрыть прогоревшие отверстия новыми кусками топлива; гончар, который раньше, во время тщательной и точной расстановки, издавал негромкие восклицания, как будто разговаривал с маленьким ребенком, периодически навещает печь из соседнего дома. Здесь она ищет убежища от проникающего, неароматичного дыма и палящего солнца.

У хопи есть странное суеверие, согласно которому, если кто-нибудь заговорит громче шепота во время обжига керамики, дух, обитающий в сосуде, заставит его разбиться. Без сомнения, гончарша имела это в виду, когда шептала, и использовала все свои уговоры, чтобы склонить маленьких духов к добру.

Она заметила, что, когда солнце повиснет над вершиной горы на высоте, указанной ее старательными пальцами, посуда запечется, печь превратится в кучку золы, желтое украшение станет ярко-красным, а черное - темно-коричневым на насыщенном кремовом фоне. На следующий день, проявив истинную предусмотрительность, она принесла в лагерь свои необычные товары и заключила за них выгодную сделку, между прочим спросив: “Все спички кончились?”

По крайней мере, одна женщина в Тусаяне - ткачиха одеял. Жена Ановиты пользуется этим отличием, потому что она навахо, у которых ткачество является женской работой. У домохозяек хопи хватает забот по хозяйству, что для навахо не обременительно, и, как уже было объяснено, мужчины хопи владеют монополией на прядение и ткачество.

С незапамятных времен хопи выращивали хлопок на своих маленьких полях, и первым белым людям, которые познакомились с ними, были преподнесены “полотенца” их плетения в качестве мирного подношения. В домах древних людей на скалах находят хлопчатобумажные ткани и ковры из полосок кроличьего меха, подобные тем, что сейчас можно увидеть в пуэбло. У древних людей также была одежда из перьев, изготовленная путем привязывания оперения к сети шнуров. В руинах пуэбло часто находят семена хлопка, которые были похоронены вместе с умершими, а плетеные циновки из юкки или коры и кусочки ткани, к счастью сохранившиеся,

показывают, что люди прежних времен были искусными ткачами. Нет причин сомневаться в том, что продукты хопи ценились за их высокое качество по всему Юго-Западу в те давние времена, как и сейчас.

Когда испанцы завезли в пуэбло овец, ткачи и изготовители тканей, похоже, сразу оценили ценность шерсти, и древние одеяния из перьев и шкур быстро исчезли. Хлопок по-прежнему использовался только для изготовления церемониальных костюмов или шнура, используемого в религиозных церемониях. Мантии из кроличьего меха, которые когда-то шили на обширной территории Скалистых гор от Аляски до Калифорнийского залива, в более поздние годы были в значительной степени вытеснены одеялами, великолепно раскрашенными и искусно сотканными. Задолго до появления промышленных красителей хопи довольствовались сдержанными цветами; темно-синий и коричневый цвета, которые женщины придавали пряжи, были получены из растений. Даже сейчас ткачи хопи придерживаются своих цветов и отказываются повторять зигзаги племени навахо. По этой причине женщины всех пуэбло Юго-Запада одеваются в темно-синее и коричневое, поскольку хопи являются поставщиками одежды для всех своих собратьев по дому индейского происхождения. К тому же это хорошая ткань, достойная своей славы, потому что она чрезвычайно хорошо изнашивается. Не одно поколение часто пользуется его услугами, и когда люди постарше заканчивают со своими платьями-одеялами, малыши шьют из них одежду для себя.

Если кто-то изучит одеяла хопи, он будет удивлен искусному плетению, которое они демонстрируют. Платье-одеяло часто имеет корпус из однотонного плетения черного цвета, а два конца окаймлены дамастом или корзиночным плетением синего цвета. Иногда целое одеяло делается из дамаста, создавая поверхность, которая при ближайшем рассмотрении производит приятный эффект. На женском церемониальном одеяле из хлопка с синей и красной каймой иногда изображены три вида плетения и несколько разновидностей шнуровки. Пояса также отличаются замечательным разнообразием узоров. В целом, можно предположить, что хопи более искусны в ткачестве, чем их соперники, навахо.

Чесание и прядение выполняются тщательно, в результате пряжа получается прочной, ровной и туго скрученной простым веретеном. Иногда прядильщица отделяет пряжу с помощью кукурузного початка, разглаженного длительным использованием. Женщины, благодаря своим кулинарным способностям, обычно являются красильщицами, и краситель, который они готовят из семян подсолнечника или голубой фасоли, быстро приобретает синий цвет. В старые времена хлопок готовили к прядению, взбивая его тонкими палочками на песке, и этот процесс все еще необходим для получения хлопка, используемого для священных поясов. Сейчас почти каждая семья обеспечена банковскими картами, приобретенными у трейдеров. Эти карточки выглядят совершенно неуместно в руках священников в *киве*, где они используются для вычесывания хлопка для получения священного шнура, которым привязывают перья *клаосу*.

Когда кива не используется для церемонии, там часто можно застать ткача, занятого своим грубым ткацким станком и плетением паутины. К большим балкам крыши прикреплен верхний пучок пряжи ткацкого станка, а к колышкам в отверстиях в каменных плитах пола прикреплен нижний пучок пряжи. Между ними туго натянута основа. Ткач садится на корточки перед ткацким станком, приготовив несколько простых орудий своего ремесла, состоящих из деревянного ножа или рейки, тщательно отполированных от использования, для сбивания пряжи, деревянного гребня, также для прижатия гав, и бобин, которые представляют собой

просто палочки с намотанной на них спиралью пряжей взад и вперед. Он выбирает определенное количество нитей основы с помощью рейки, пропускает их через шпульку, с большим терпением наматывает пряжу и так продолжает, медленно продвигаясь вперед.

Есть несколько причин, по которым кива используется ткачами. В этих подземных помещениях, обычно принадлежащих мужчинам, прохладно и тихо, а свет струится сверху по поверхности полотна, позволяя хорошо видеть стежки. Лучшая причина заключается в том, что потолок kiva достаточно высок, чтобы позволить растянуть основу на всю длину одеяла, чего нельзя сделать в низких жилых комнатах жилых домов.

Пояса, подвязки и ленты для волос изготавливаются на небольшом ткацком станке с тростниковой или плетеной рамой, и обычно это женская работа. Как ни странно, поясной ткацкий станок представляет собой разновидность упряжи, поскольку основа натягивается между ногами женщины и хомутом, проходящим через ее спину. Пряжу, используемую для ремней, покупают у торговца. Старинные пояса представляют собой чудеса дизайна и являются одними из самых приятных образцов искусства хопи.

С появлением крашеной торговой пряжи и красок на основе каменноугольной смолы работа ткачей племени навахо ухудшилась. Среди хопи это не заметно, но, без сомнения, по этой причине вышивка на краях церемониальных одеял, кушаков и килтов более яркая, чем в прежние времена, когда были доступны только приглушенные минеральные цвета и растительные красители.

Каждого посетителя пуэбло хопи привлекают резные деревянные фигурки, раскрашенные в яркие цвета и украшенные перьями и т.д., которые свисают со стропил домов. Обычно их называют “Куклами”, но хопи знают, что это изображения духовных существ, живущих в невидимом мире, и их там великое множество. Тысячи таких фигурок сделаны хопи, многие для продажи приезжим, чего не стал бы делать ни один зуни, потому что в этом пуэбло эти изображения носят религиозный характер и спрятаны, в то время как хопи украшают ими дома.

Резчики этих странных статуэток должны обладать большим мастерством в своем искусстве, которое осуществляется с помощью нескольких простых инструментов. Вся страна далеко и близко разграблена в поисках тополя, которое используется для изготовления масок, кукол, молитвенных палочек и т. д. Мягкая древесина тополя, особенно корень, легко обрабатывается тупыми ножами, которыми владеют хопи. Под каждой рукой находится мягкий крупнозернистый песчаник для придания дереву формы, и большая часть работы не только закончена, но и сформована этим способом. По этой причине скалы вокруг деревни хопи покрыты бороздками и ямками, оставленными рабочими по дереву.

Если к фигурам нужно добавить какие-либо детали, такие как уши, волосы, завитки и т.д., они прикреплены довольно ненадежно. Некоторые из террас, возвышающихся над масками качина, представляют собой замечательные сооружения, построенные из скрепленного вместе дерева. Небольшой бечевки, нескольких веточек и кусочков тополя хопи хватает для изготовления цветов и сложных деталей украшения кукол, масок или других церемониальных принадлежностей. Используются кукурузная шелуха, крашеный конский волос, шерстяная пряжа, оленья шкура, хлопчатобумажная ткань, веточки, плетеные изделия и перья, и результат, хотя и грубый, эффектен.

Но в области механических устройств хопи опережают даже производителей игрушек из Шварцвальда. Для церемонии Палулуконг он устраивает поразительные эффекты, заставляя Огромную Пернатую Змею появляться через ширмы, из кувшинов или с потолка кивы в количестве девяти появлений, каждое из которых требует искусных приспособлений. Голова Змеи представляет собой тыкву, снабженную глазами, с прорезанной острыми зубами пастью, длинным языком, плюмажем и раскрашенной по всей поверхности. Корпус состоит из деревянных обручей, по которым проходят шнуры, и обтянут тканью. Часто два из этих гротескных чудовища, натягивая веревки, продвигаются вперед и удаляются через заслонки в экране и борются друг с другом с поразительной реалистичностью. Ничто в Хопиленде не является более примечательным, чем эта драма, как можно заключить из рассказа доктора Фоукса о ней, приведенного в другом месте.

Мало что из мастерства резчика и декоратора хопи относится к мебелировке или строительству дома; почти все уходит на церемониальные вопросы. Еще несколько лет назад стулья были неизвестны, как и любые другие домашние столярные изделия, за исключением масок хопи, молитвенных палочек и тысячи предметов, использовавшихся в его языческом богослужении, в изготовлении которых он был мастером на все руки. Как работник по камню и скорлупе, он все еще владеет искусством древних времен, но ему не хватает мастерства своих предков. Бирюзовая мозаика старых времен, так аккуратно уложенная на спинках морских раковин, уступила место неровным кусочкам бирюзы, беспорядочно уложенным на кусочки дерева, как на женских серьгах. Многие приспособления полностью исчезли, и вполне вероятно, что ни один хопи не мог сделать топор из твердого камня, подобный древним, или отколоть наконечник стрелы точной формы. Ручные камни для измельчения кукурузы изготавливаются до сих пор, и нередко можно увидеть и услышать женщину, откалывающую один из них каменным молотком.

Хопи никогда не занимались металлом, потому что свободных металлов на Юго-Западе мало. Их название серебра, с которым они познакомились в форме монет, - *шиба*, “маленький белый кекс”. К золоту они относятся с подозрением, поскольку оно напоминает медь или латунь, с помощью которых они время от времени были обмануты недобросовестными людьми. Несколько мастеров по серебру изготовили несколько грубых украшений, но хопи получают свои пуговицы, украшения для поясов и т.д. От искусных навахо, серебряных дел мастеров по профессии, через которых также поступают нитки бус из пуэбло на Рио-Гранде.

Скалы по всему Юго-западу свидетельствуют о том, что хопи умеют рисовать. В тысячах случаев он выражал свой смысл в символах или композициях, изображающих погоню оленя или горного козла. На одной из таких групп на гладких скалах близ Холбрука, штат Аризона, изображен мужчина, управляющий стадом индеек, и она чрезвычайно наглядна. На склонах скал ниже Валпи множество хорошо выполненных пиктограмм, и иногда можно наткнуться на недавние работы на вершине плато, которые вызывают восхищение. Со скульптурой в раунде хопи не сделал ничего примечательного, потому что его вкусы и материалы никогда не вели в этом направлении. В окрестностях пуэбло можно увидеть несколько довольно крупных фигур, грубо вырезанных из мягкого песчаника, а многочисленные фетиши, некоторые из очень твердого камня, изображающие волков, медведей и других животных, до сих пор хранятся в обществах. Некоторые из них выполнены очень хорошо, но демонстрируют небольшой прогресс в скульптуре. Посетителю следует остерегаться маленьких фетишей, вырезанных из мягкого камня и выставленных на продажу как подлинные коварными хопи в поисках *сиба*.

Ремесло, которым женщина хопи полностью владеет, - это плетение корзин, и работа распределяется между теми, у кого есть для этого навыки и пристрастие, как если бы существовало разделение труда. Женщины трех городов на Восточной горе вообще не плетут корзин, женщины Средней горы шьют только спиральные корзины, в то время как женщины Ораиби плетут исключительно плетеные корзины. Таким образом, нетрудно сказать, откуда взялась корзина хопи, и также нет оправдания тому, что мы не узнаем эти образцы женской работы хопи с первого взгляда, поскольку они обладают ярко выраженной индивидуальностью, которая отличает их от всех других корзин индейцев.

Если бы кто-нибудь посетил самую искусную плетельщицу корзин в Средней Месе, Кучьямпси, эту скромную маленькую женщину, можно было бы увидеть за работой, и от нее можно было бы многое узнать об устройстве плетеных корзин. Но потребуется некоторое время и терпение, чтобы выяснить, что трава, стебли которой она собирает для тела спирали, называется *такашу*, которую ботаники знают как *Hilaria jamesii*, и что полосы, которые она пришивает и соединяет спиралью, сделаны из листьев полезного *моху* (*Yucca glauca*).

Затем, когда Кучьямпси возвращается домой, нагруженная своими принадлежностями для корзинки, нужно взять дополнительные уроки по очистке листьев юкки, измельчению их ногтем большого пальца до однородного размера и окрашиванию некоторых из них в различные цвета, для чего в наши дни упадка в основном используются анилины. Нужно обращать внимание на цвет натуральных листьев юкки и выбирать желтый или желтовато-зеленый для старых листьев, ярко-зеленый для молодых листьев и белый для сердцевинных листьев, поскольку плетельщица корзин различает все это и использует в своей работе.

Конечно, у Кучиампси уже готов весь материал, полосы зарыты во влажный песок, трава увлажнена, и, возможно, у нее начинается налет. Тонкий жгут в центре слишком мал, чтобы его можно было сделать из стеблей травы, поэтому она соорудила его из кусочков обрезанных листьев, обернула полосками юкки и сделала всего несколько стежков обвивающей спиралью, поскольку костяное шило слишком неуклюжее для непрерывного сшивания с самого начала. После третьего раунда вводят костяное шило, непрерывно прокалывая его под катушкой и захватывая швы под полосками. После того, как сделано отверстие, в него продевается полоска юкки и туго натягивается на травяной рулон, и так терпеливая работа продолжается до тех пор, пока корзинка не будет готова. Узоры, которые появляются на корзинках, сохраняются в мозгу изготовителя и раскрываются по мере намотки с той же точностью, что и у декоратора керамики. Конец катушки дает интересный комментарий к верованиям хопи. Говорят, что женщина, которая оставляет конец катушки незаконченным, не завершает его, потому что это закрыло бы ее жизнь и больше дети не благословили бы ее.

В Ораиби можно увидеть женщин, изготавливающих плетеные корзины-подносы. Три или четыре тонкие веточки сумаха сплетают вместе бок о бок в середине, и еще один такой же пучок укладывают поперек первого под прямым углом. Затем между веточками вплетаются окрашенные веточки пустынного растения, известного как "кроличья щетка", и по мере того, как корзинка растет, она добавляет другие радиальные стержни, пока корзина не станет достаточно большой. Она заканчивает края, загибая ребрышки сумаха, формируя сердцевину, вокруг которой оборачивает полосы юкки.

Нельзя не восхищаться точностью, с которой продуман дизайн и вплетены в структуру корзины разноцветные лубки или полосы прочной юкки. Воплощение рисунка в расходящемся шитье

спиральной корзины или горизонтальном наполнении плетеной корзины показывает необходимость различных методов обработки, контрастирующих со свободой, которую гончар имеет привилегию демонстрировать на гладкой поверхности своих изделий. Насколько известно, женщины хопи никогда не ошибаются в нанесении своих рисунков, какими бы замысловатыми они ни были. Часто эти рисунки изображают мифических птиц, бабочек, облака и т.д.

Среди хопи некоторые деревни известны своими местными изделиями. Таким образом, Валпи и Хано - практически единственные города, где производят керамику, города Средней Месы являются центрами производства плетеных корзин, а Ораиби поставяет плетеные корзины. Возможно, смысл этого в том, что эти искусства принадлежат кланам, которые сохранили их и знают секреты, а с вымиранием работников или миграцией кланов искусства исчезли или были трансформированы. Еще одна причина, которая напрашивается сама собой, - это местное изобилие и качество материалов, которые необходимо найти на окружающих равнинах и горах.

Плетение корзин используется у хопи по меньшей мере так же широко, как и керамика, и коллекционеры охотно разыскивают ряд видов, помимо знакомых табличек с символическим орнаментом. Урожай с полей доставляется к домам на горных склонах в корзинах, напоминающих корзиночные корзины, которые сделаны из лозы на каркасе из двух изогнутых палок, перекрещенных под прямым углом. В доме вы найдете свернутые в рулон и плетеные подносы, доверху наполненные кукурузной мукой, корзину для сушеной кукурузы и просеивающую корзину рядом с камнями для измельчения кукурузы. В помещении для выпечки хлеба стоит грубый, но эффектный противень для *пики*, а иногда еще можно увидеть аккуратно застеленный коврик на полу. Тонкий мат в клетку древних времен давно вышел из употребления, но раньше в такие маты заворачивали умерших перед тем, как предать земле.

Над камином - колпак из плетеной ткани, заштукатуренный, чтобы предотвратить возгорание. Нельзя забывать о плетеной колыбели, к которой привязан младенец хоупул. Среди домашнего скарба также могут быть выставлены несколько небольших плетеных корзиночек шаровидной формы различного назначения. Цинковка из стеблей травы, в которую сворачивается свадебное покрывало, также является разновидностью плетения корзин, как и плетеные циновки для прикрытия люка кивы и плетеной изгороди вокруг полей.

Обладая всеми своими собственными ресурсами, хопи являются великими собирателями корзин от других племен. Не следует удивляться, увидев в домах хопи бутылки для воды, покрытые смолой, ихорощо сделанные корзиночные чаши из племени хавасупаи из каньона Катаракта, племени пима из южной Аризоны и других племен, затронутых торговлей хопи.

Козырьки старых масок, использовавшихся на церемониях, были плетеными, обычно представляли собой отрезки от плетеной чаши, что демонстрирует одно из самых интересных применений корзин у хопи. Можно также сказать, что богато украшенные подносы имеют священный характер из-за их частого появления на церемониях, где они используются для хранения молитвенных палочек, еды и т.д. Соответственно, на женских церемониях на алтарях выставляется множество корзин, а во время публичных танцев каждая женщина несет яркую табличку. Один из эпизодов этих церемоний полон действия, когда женщины бросают корзины мужчинам, которые энергично борются за них. По этой причине эти церемонии были названы танцами корзин.

Одна из частых достопримечательностей города хопи - женщина, несущая тарелку с едой собственного помола в подарок какому-нибудь другу. Обычно это происходит накануне церемонии, как наши рождественские подарки, но никто не должен упускать из виду, что взамен преподносится такой же подарок.

Хопи ценят свои корзины; они по достоинству ценят красивые вещи, и это объясняет, почему у одного из мужчин племени сичомови, у которого много корзин хавасупаи, хватило вкуса украсить стены лучшей комнаты своего дома этими трофеями из каньона Катаракта.

Судя по количеству руин на Юго-западе, можно подумать, что прежние жители тратили большую часть своего времени на возведение стен и считали эту работу легкой. Что действительно убедительно демонстрируют эти руины, так это организацию строителей и то, чего может достичь взаимопомощь.

Отбросьте идею о том, что современные архитекторы, строители, чернорабочие, кирпичники, строгальщики, водопроводчики и т.д. Объединяются, чтобы подготовить жилье для семьи, и замените их всеми индийскими родственниками, от младенцев до престарелых, протягивающими руки для “воспитания”. Здесь есть первобытный архитектор, а также строители, обладающие мастерством и опытом, и целый отряд тех, кто поставляет строительные материалы, включая малышку, которая носит немного песка в своем платье, и тех, кто рыщет по округе в поисках хвороста, глины, балоков, камней и воды.

Прежде чем идти дальше, следует понять, что строительство дома у хопи - это женская работа, и они также являются домовладельцами. Таким образом, кажется довольно поразительным, что все стены необитаемых домов и разрушенные стены руин, преобладающих на Юго-западе, должны быть в основном работой женских рук, чье прикосновение мы могли бы ожидать найти на украшенной керамике, но не на сооружениях, из-за которых народ пуэбло известен как домостроители. Отсюда начинаешь понимать важность женщины в этих маленьких народцах пустыни.

Предположим, что в деревне хопи необходимо пристроить дом с одной комнатой, построенный без учета будущих пристроек, которые позже могут образовать группу домов. План такого дома был бы знаком любому ребенку хопи, поскольку это всего лишь прямоугольная коробка. Когда местоположение определено, среди родственников передается информация и начинается сбор камней, балоков и т.д. В качестве пожертвования закладываются тополя на много миль вокруг. Некоторые балки могут быть получены с деревьев, растущих поблизости вдоль промоин и на кукурузных полях, а для некоторых может потребоваться путешествие в восемьдесят или сто миль, что представляет собой огромный труд. Балки ценны, и в этом сухом климате они служат бесконечно долго, так что можно не удивляться, обнаружив в нынешних домах древесину из Аватоби или более древних руин, или времен испанской миссии. Также вероятно, что часто, когда пуэбло были заброшены, их посещали позже, а бревна вырывали и переносили на новое место, таким образом, руины могли казаться более древними, чем они есть на самом деле. С появлением ослика, лошади и железного топора изготовление бревен стало проще, чем в каменном веке, но это все еще не было синекурой.

Камни собирают со склонов плато неподалеку, отбирая те, которые не крупнее средней тяжести. Песчаная порода плато мягкая, и с помощью молотка можно отколоть подходящие каменные массы. В настоящее время на плато Уолпи есть карьер; блоки, извлеченные с

помощью топоров, более правильные, чем блоки в старых домах, на которых практически нет следов обработки. Между слоями породы находятся пласты глины, которые требуют только увлажнения водой, чтобы стать готовыми для каменщика.

Архитектор изучил местность и определил размеры дома, предоставив ручное измерение бревен бригаде лесозаготовителей, которая вместе с остальными подготовила материалы. Следующий шаг - найти главу дома и получить от него четыре молитвенных пера из орлиных перьев. Их кладут под четыре краеугольных камня с соответствующей церемонией дыхательных молитв о благополучии дома и его обитателей. Перья посвящены богу подземного мира, солнцу и другим божествам, связанным с домашней жизнью. Затем строитель определяет, где должна быть дверь, и размещает подношения с едой по обе стороны от нее; затем он обходит участок слева направо, посыпая смесью из крошек *пики* и другой еды с табаком вдоль линии стен, напевая солнцу свою *китдауи*, “домашнюю песню”; *Си-си, а-хай, си-си, а-хай*, значение которой давно забыто.

Стены кладутся неравномерными рядами, при этом раствор используется экономно. Нанесение штукатурки снаружи и внутри дома отложено на некоторое время, хотя иногда работы по нанесению наружного слоя откладываются из-за постоянно исчезающей *маньяны*. Когда стены дома высотой семь или восемь футов и разной толщины от семнадцати до двадцати двух дюймов закончены, женщины приступают к работе на крыше. Балки укладываются поперек боковых стен с интервалом в два фута; над ними параллельно боковым стенам укладываются жерди; поперек них укладывается слой прутьев или ивовых зарослей, а поверх этого насыпается трава или мелкие веточки. Затем наносится слой грязи, и когда он высыхает, на него насыпают землю и утрамбовывают до тех пор, пока он не станет твердым. Крыша, которая сложна и изобретательна, почти ровная, но предусмотрена для отвода воды с помощью желобов.

Когда крыша закончена, женщины покрывают пол толстым слоем глины и штукатурят стены. В Зуни полы почти всегда сделаны из каменных плит, но в хопи правилом является грязь. Процесс оштукатуривания пола интересен стороннему наблюдателю. Глину, добытую из-под скал, измельченную и размяченную в воде и закаленную песком, размазывают по полу рукой, понемногу за раз. Пол может быть сухим, и иногда грязь становится слишком твердой; капля воды исправит это. Когда грязь высыхает до нужной степени, ее натирают гладким камнем с плоской поверхностью, придавая готовому полу изящный вид, подобный керамическому. В качестве дополнительной отделки комнаты по всей стене нанесен рисунок дадо красной охрой с помощью кроличьей шкурки, используемой в качестве кисти. Раньше небольшое пространство на стене оставалось неоштукатуренным; считалось, что *пришел качина* и закончил его, и хотя пространство оставалось пустым, считалось, что оно покрыто невидимой грязью.

Прежде чем дом может быть заселен, строитель подготавливает четыре пера для его освящения. Он привязывает *накваквоци*, или дыхательные перья, к ивовому пруту, конец которого прикрепляется к одной из центральных балок крыши. Строитель также умиротворяет Масауа, Бога Смерти, подношением, в ходе которого дом “питается”, подкладывая кусочки пищи между стропилами или в нишу в дверных перемычках, умоляя бога не торопить уход кого-либо из семьи в подземный мир. На праздник Соялуна в декабре перья, составляющие “душу” дома, обновляются, и в это время года, когда солнце возвращается на север, деревенский староста посещает дома, построенные в течение года, и совершает над ними церемонию.

В одном углу крыши оставляют отверстие, под которым женщины сооружают глинобитный очаг с ручкой и ободками и колонной из горшков с выбитыми донышками, образующих дымоход. Над камином вытяжка дымохода, обычно опирающаяся на столбы, сделана из плетеных досок, обмазанных глиной. Нельзя забывать о ряде камешков для муки, наклонно уложенных в углублениях в полу, и никто в Хопиленде не мог вести домашнее хозяйство без гладкой каменной плиты, на которой можно было бы испечь *пики*. В некоторых домах вдоль одной или двух сторон комнаты установлены низкие скамейки, образующие удобные сиденья. Окна маленькие, часто это просто щели, через которые любопытный может незаметно подсмотреть. Обычно под рукой есть камни, с помощью которых, а также грязи, можно закрывать окна и двери, когда семья уезжает на довольно длительное пребывание.

Этот однокомнатный дом является ядром деревни. Когда дочери выходят замуж и им требуется место для себя, перед первым домом строится еще один дом, примыкающий к нему, и к первоначальному дому может быть пристроен второй этаж. Таким образом, кластер растет, и вокруг пространств, отведенных под улицы и площади, растут другие кластеры, пока они не соприкасаются друг с другом и не поднимаются на три или четыре этажа, при этом внутренние комнаты темные из-за пристройки к более поздним домам, и они становятся складскими помещениями.

В то время как в старые дома входили через люки на крыше, в новых домах двери расположены на уровне земли, а окна часто застеклены в наиболее одобренном стиле. Часто на пути прогресса в старых домах прорезают двери, и улицы начинают приобретать вид мексиканского городка; но старое ядро, погребенное под сменяющимися друг друга зданиями, редко проявляется, и его можно проследить с трудом. Зимой люди покидают открытое пространство и уединяются в старых закрытых помещениях, сбиваясь в кучу, чтобы согреться, оживляя свое заточение множеством песен, легенд и преданий.

Вот и все для женщин-строителей Тусаяна, которым все оказывают честь.^[1]

^[1] Тот, кто желает изучить эту тему более подробно, должен ознакомиться с статьей Минделеффа об архитектуре пуэбло в 8-м ежегодном отчете Бюро американской этнологии за 1886-1887 годы.

V РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Завидное звание "Создателей песен" заслужили любящие музыку индейцы Тусаяна, и их слава как певцов распространилась среди всех племен "Страны Малого дождя". Многие менее изобретательные индейцы проделали долгий и утомительный путь, чтобы научиться песням у хопи, принеся также свой гонорар, поскольку песни, которые дают певцу магическую власть над богами и силами природы, нельзя получать по просьбе, к тому же для их изучения человек должен отдавать всю себя и смиренно сидеть у ног своих наставников. Земля, где живут хопи, может показаться слабым стимулом для пения, особенно когда чье-то представление о пустыне

сводится к ее унынию и запустению; но когда кто-то ступает ногой в священные пределы таинственной пустыни, к нему приходит новое откровение, и он вместе с этими индейцами видит, что пустоши, открывающиеся с высоких горных гор, полны красоты форм и яркости красок. Восход и закат солнца приносят чудесные оттенки в пейзаж — далекие голубые горы, фиолетовые тени облаков, рыжевато-коричневые, кружащиеся столбы песка, далекая гроза, вибрация полуденного воздуха и сверкающее ночное небо должны вдохновить самый прозаичный ум. В таком окружении к человеку приходит чувство свободы, а также ощущение необъятности, прозрачности и таинственности пустыни, которые будоражат эмоции и делают замкнутую жизнь перенаселенных городов, оставшихся позади, всего лишь несбыточной мечтой. Здесь хопи всегда были свободны; изолированная жизнь на узких горных плато приводит к тесному общению и, кроме того, к настоящей домашней жизни. Воздух пустыни делает человека здоровым и голодным, поэтому не может не последовать бодрость духа, выраженная в песнях, идущих от души.

Следует признать, что впечатление от индийской музыки, которое складывается из различных источников, состоит в том, что она состоит из возгласов, воплей и странных гортанных звуков, но это далеко от описания музыки хопи. Между легкими и воздушными *песнями о качине* и волнующими, хотя и несколько жутковатыми песнопениями Змеиной церемонии есть множество композиций, многие из которых самые просвещенные меломаны послушали бы с удовольствием.

Музыка флейты особенно приятна. Летом 1896 года писателю посчастливилось стать свидетелем церемонии игры на флейте в пуэбло хопи в Валпи. В ходе ритуала, представляющего собой призыв дождя, каждый день в течение нескольких дней повторяется серия песен. Для того, кто впервые услышал индийскую музыку, ощущение было совершенно новым. Хор священников с трещотками в руках пел в унисон перед алтарем Флейты, в узкой, низкой комнате без окон, что значительно усиливало громкость звука. Время было установлено главным спикером, который равномерно раскачивал своей погремушкой восемь ударов за пять секунд для всех песен и для песен каждого дня с точностью метронома. В каждом такте было по три удара. Высота звука была низкой, диапазон ограничен, и глубокие, вибрирующие голоса, казалось, изображали ветер, гром, дождь, стремительный бег воды и стихийные силы природы.

Нотация хроматическая, ее невозможно воспроизвести ни на одном инструменте, кроме скрипки или поперечных флейт с пятью отверстиями, которые позже сопровождали пение. Эти флейты звучали в унисон на октаву выше голосов, и их пронзительные, резкие ноты искажали пение. В целом музыка минорная, но часто мажорные мотивы необычайной красоты возникают из глухих монотонных миноров. Иногда за мажорным мотивом следует его минорный аналог. В нем много невнятного, и случайное дублирование дает большой эффект. Ряд песен монотонны, время от времени с энергичным движением. Заключительная песня энергична и ее действительно можно назвать красивой. Она состоит из нескольких куплетов легато, каждый из которых завершается поворотом, быстрой вибрацией погремушки и торжественным припевом. По структуре и мелодике он напоминает христианский гимн. Музыка напоминает одно из григорианских песнопений, и слушателю некоторые мотивы казались вполне схожими с теми, на которых Гендель строил свои великие оратории.

Жаль, что многие прекрасные песни Тусаяна не могут быть записаны и сохранены, но это, без сомнения, скоро будет достигнуто. Возможно, какой-нибудь гений, подобный Листу,

подарившему миру дух венгерской народной музыки, восстанет, чтобы услаждать наш слух этими музыкальными выражениями, переданными от певцов-аборигенов Америки.

В то время как музыка, которая больше всего привлекает наше внимание в Хопленде, - это музыка различных церемоний, все еще существует цикл песен, которых много, о любви, войне или для развлечения; их поют матери своим младенцам или пронзительно кричат женщины, перемалывающие кукурузу. Мужчины поют за своей работой, дети играют в этой стране Создателей Песен.

Если песен у хопи бесчисленное множество, то игр, способствующих их развлечению, также больше, чем можно найти у многих других племен. Можно предположить, что эти игры были принесены кланами, которые пришли со всех сторон света, чтобы составить хопи, и которые, должно быть, соприкасались локтями с другими племенами другого происхождения во время скитаний. Кажется, что все игры были заимствованы, и никто не может в свете современных знаний сказать, когда, где и кем была изобретена какая-либо из типичных игр, так же как отец пословицы или шутки не может приписать себе происхождение.

Но хопи не беспокоят подобные философские соображения, и они придерживаются традиционных и освященных временем игр, которые они знают, без стремления к инновациям. У них наиболее популярны спортивные игры, они проводятся беззаветно и сопровождаются шумом и грубой игрой; но скачки и игры, связанные с религиозными церемониями, проводятся с должным благопристойностью. Толстые блестящие дубовые палки, привезенные с севера, показывают, что хопи знают этот широко распространенный вид спорта, который согревает кровь многих американских мальчиков, но, увы! здесь нет льда, чтобы насладиться им в полной мере. Среди других атлетических видов спорта можно назвать метание дротиков, стрельбу из лука в цель или метание дубинки, похожей на бумеранг, которая является древним оружием, или даже импровизированные испытания мастерства в метании камней или в поединках дружеской борьбы. Самая забавная игра-борьба - это *Нуитива*, в которую играют представители обоих полов после завершения церемонии Змеи. Мужчины и мальчики покупают себе какую-нибудь глиняную посуду или другой ценный предмет и бегут по деревне с криками "Уа-ха-ха! Ва-ха-ха!", преследуемые быстроногими женщинами, которые гонятся за ними и борются за приз со смехом и одышкой. Мужчины принимают меры предосторожности и снимают свои рубашки, если они им дороги, перед началом игры, поскольку эта одежда не стоит и ломаного гроша, когда девушки тянутся за призом, который держат на расстоянии вытянутой руки над головой.

Многие священные игры носят атлетический характер. Из них можно упомянуть многочисленные забеги, включая забег ногами, в котором камни носят на одной ноге, и священную игру в мяч. Можно было бы включить в список лучниц церемонии *Мамзраути* и метательниц корзин церемонии *Лалаконтти*, поскольку можно видеть, что игры тесно связаны с примитивными религиозными верованиями и, возможно, все они возникли как форма гадания или какие-то другие ранние попытки человека либо влиять на существа, либо шпионить в будущее. Возможно, некоторые игры являются остатками давно забытых церемоний, когда-то имевших большое значение для первых верующих.

Сидячих игр существует целый ряд. Одна из игр, подобная "лисе и гусям", называемая *тотолоспи*, является *патоли* мексиканцев, которая, как говорят, в свою очередь является *пачисе* индусов, и прямоугольную форму этой игры иногда можно найти на скалах возле деревень. Есть "чашка и шар", игра в угадку, в которой четыре чашки, вырезанные из

дерева, и камень размером с мрамор образуют атрибутику; и есть игра, в которой бросаются тростниковые игральные кости с пометками. Набор таких игровых костей был найден в древних руинах близ Уинслоу, штат Аризона, и они изображены на древней чаше из Сикьятки, руин близ Уолпи.

Что касается всех этих игр, то хопи не являются азартными игроками и, по-видимому, испытывают к ним такое же отвращение, как к огненной воде, отличаясь в этом отношении от навахо, зуни и многих других племен индейцев. Большинство их игр, как и у древних греков, полны радости жизни, азарта физической подготовки, стремления чем-то заслужить благосклонность богов.

При этом нельзя упускать из виду детей. Подражая обычаям своих старших товарищей, они не только проводят большие игры, но и самозабвенно увлекаются детскими забавами - гоняются за рози, ставят пятнашки, кружатся вокруг мяча и других подростков. Волчки и хлопушки не редкость, и если у мальчика есть дробовик, сделанный из стебля агавы с пружиной из упругого дерева, он может зайти в озорстве так далеко, как это делают дети хопи, но он никогда не выбрасывает горох или фасоль, потому что они слишком ценны.

Возможно, здесь уместно рассказать о выносливости хопи в их великом национальном достижении — беге на длинные дистанции с рекордной скоростью.

Однажды утром около семи часов в Уинслоу, штат Аризона, в отель принесли сообщение о том, что индеец желает видеть руководителя исследовательской группы. Выйдя на улицу, индеец был обнаружен сидящим на бордюрном камне с разинутым от изумления ртом при виде поездов, движущихся по Тихоокеанской железной дороге Санта-Фе.

Он передал записку от белого человека в Ораиби, и было установлено, что он выехал оттуда в четыре часа дня накануне и прибыл в Уинслоу примерно в середине ночи. Когда известно, что расстояние составляет шестьдесят пять миль и индеец бежал по местности, с которой он не был знаком, этот подвиг кажется замечательным. Предполагается, что он бежал до тех пор, пока не стемнело, а затем дождался восхода луны, завершив путешествие при лунном свете.

На спине он нес флягу с водой, завернутую в одеяло. Он взял только бутерброд, объяснив, что если поест, то не сможет бежать, и, получив ответ на записку, возобновил свое путешествие в Ораиби. Позже стало известно, что бегун добрался до Орайби с ответом в тот же день, и ему пообещали премию, если он совершит поездку за один день. Дистанция бега не может быть меньше 130 миль, довольно длинная трасса, которую нужно преодолеть за время, и этот индеец не лучший бегун в Ораиби. Есть один человек, который проводит утреннюю тренировку в тридцать миль или около того, чтобы подготовиться к утренним забегам на некоторых церемониях, и говорят, что он выиграл в такой гонке несколько лет назад, обойдя всех участников.

Во всем царстве движений животных нельзя представить себе ничего более грациозного, чем движения одного из этих бегунов, когда он проходит мимо по пустыне, его отполированные жилистые мышцы играют с предельной точностью — ничто, кроме полета, не может сравниться с этим. Индейцы говорят, что мокасины - лучшая обувь для путешествий по песчаной местности, поскольку нога, одетая в них, уплотняет сыпучий песок в твердую округлую массу, создавая точку опоры для прыжка вперед, но голые ступни разбрасывают песок, и экспериментально было установлено, что это правда.

Однажды во время раскопок в Уинслоу кто-то из рабочих посмотрел на север и закричал: *Хопи ту, Хопи ту* “Хопи идут”. Прошло некоторое время, прежде чем наши глаза смогли различить их, но вскоре мы увидели бегущих троих мужчин, гнавших впереди на предельной скорости маленького ослика. Это были люди из племени Уолпи, которые направлялись к ручью в нескольких милях за Уинслоу, чтобы набрать священной воды для одной из своих церемоний. Аналогичные поездки совершаются в горы Сан-Франциско за сосновыми ветками и к водопаду Колорадо для торговли с хавасупаи. Испанские завоеватели были поражены способностями хопи к бегу, и они сообщают, что индейцы могли легко пробежать за один день через пустыню до Большого Каньона - расстояние, на преодоление которого испанцам потребовалось три дня марша.

Часто толпа молодых людей хопи отправляется пешком охотиться на кроликов, и горе тому кролику, который оказывается в пределах досягаемости! Вскоре его догоняют и убивают их изогнутыми бумерангами.

Хотя бейсболу, футболу и многим другим спортивным играм цивилизации нет места среди видов спорта хопи, пешие бега они любят так же страстно, как даже древние греки. Почти на каждой из многочисленных церемоний есть свой пеший забег, к которому весь пуэбло проявляет наибольший интерес, поскольку все хопи чтят быстрых бегунов.

Это наводит на мысль об истории о том, как Сикьяботома потерял свои волосы. Сикьяботома, носящий в школе имя Джон, является лучшим образцом физической зрелости в Восточной Месе. Джон не может не знать об этом даре природы, поскольку позирует по всем поводам из чистой гордости.

Нельзя заметить, что Джон получил что-либо от своего американского образования; он, по-видимому, не говорит ни слова по-английски и необычайно молчалив для хопи. Возможно, Джон - отступник, забывший или забросивший свое раннее образование и вернувшийся к своему нынешнему состоянию под влиянием язычества хопи.

Как посыльный Общества флейтистов Вальпи, он обязан нести подношения к различным святилищам и источникам, огибая в первый день весь круг возделанных полей пуэбло и с каждым днем подходя все ближе и ближе, пока не вознесет молебен богам у самых дверей Вальпи. Включить все поля в список благословений, испрашиваемых жрецами-Флейтистами, - непростая задача, поскольку протяженность маршрута должна превышать двадцать миль. Каждый день Сикьяботома, одетый в вышитый килт вокруг чресел, с распущенными длинными блестящими волосами, стоит перед жрецами-Флейтистами - смелое зрелище. Они прикрепляют к его боку маленький мешочек со священной мукой и смазывают медом кончик языка, лоб, грудь, руки и ноги, возможно, для того, чтобы сделать его быстрым, как пчела. Затем он получает молитвенные палочки и спускается с холма так, словно прыгнул с высоты пятисот футов, его длинные черные волосы развеваются. Он останавливается у источника, затем у святилища, и через очень короткое время его едва можно различить, убегая далеко за русло, окаймляющее поля. Джон в этой роли - зрелище, которое не скоро забудется.

Это подводит нас к истории Ватерлоо Джона. На восходе солнца в последний день церемонии *Ваваш* проводятся пешие забеги в честь богов, и любопытным условием этих забегов является то, что проигравший лишается своих волос. Теперь хопи похожи на китайцев в том, что испытывают отвращение к потере этого украшения. Лысые хопи - большая редкость, и у

большинства мужчин длинные, красивые локоны, черные, как вороново крыло, вымытые мыльным корнем и волнистые, если их туго завязать в узел на затылке. Сикьяботома уверенно вступил в гонку *Ваваш*, но когда бегуны вернулись на извилистую тропу вверх по скалам, Сикьяботома был вторым. Пара овечьих ножниц в руках его противника вскоре растрепала его локоны. На момент написания этого наброска волосы Джона снова отросли до приличной длины.

Совершая свой туалет в качестве Посыльного Флейты, свидетелем которого был писатель, Джон счел необходимым подстричь челку. Эту услугу оказал пожилой мужчина, который подобрал с пола сомнительного вида щетку, сделанную из жестких стеблей травы, время от времени смачивал ее языком, расчесывая волосы Джона, и, наконец, парой расшатанных ножниц подстриг челку до нужной формы.

Сикьяботома, несмотря на указанные недостатки, по происхождению является одним из львов Уолпи; он также принадлежит к первым семьям. Лишенный цивилизованной одежды, и как крылатый Меркурий, летящий с посланиями к добрым существам, он представляет собой объект, на который можно смотреть с восхищением, располагая к снисхождению к его одолеваящему тщеславию.

VI РОЖДЕНИЕ, БРАК И СМЕРТЬ

Одеяло висит над обычно открытой дверью, а слабый плач, доносящийся из темного дома, предвещает, что на свет появился младенец, которому нужно только имя, прежде чем он станет членом содружества хопи. Церемония посвящения младенца солнцу и наречения имени, которое неразрывно свяжет его с религиозной системой его народа, интересна тем, что она проливает свет на обычаи хопи и проводит параллели с обрядами рождения других народов.

На оштукатуренной глиной стене дома мать изо дня в день делала несколько царапин, которые обозначали возраст младенца или, возможно, отсчитывали время по ее пальцам, пока не прошло девятнадцать дней. Утром двадцатого дня начинается церемония.

Тем временем малышу пришлось познать некоторые жизненные испытания. В первый день его выхода на арену его голову моют в мыльной пене, а миниатюрное тело натирают золой, которая, как утверждается, убивает волосы, и его мать также должна пройти церемониальное мытье головы, которое должно быть повторено на пятый, десятый и пятнадцатый дни с использованием корня амолы, который является единственным мылом, известным хопи. Кроме того, в течение первых пяти дней матери ни в коем случае нельзя прикасаться к прямым лучам солнца, что объясняет, почему одеяло часто вешают перед дверью; она также не может надевать мокасины, опасаясь несчастья.

Наконец, вечером девятнадцатого дня приходит бабушка по отцовской линии, которая, по обычаю, является распорядительницей церемоний, что кажется немного странным, поскольку, хотя ребенок ведет свое происхождение от матери, люди отца дают ребенку имя и проводят церемонию. Бабушка следит за огнем и заботится о рагу из баранины с очищенной кукурузой,

называемом *нуквиби*, и сладком кукурузном пудинге, называемом *лигаме*, которые готовятся к празднику утром. Пока она хлопочет, заваривая чай из можжевельновых веточек, подкладывая в огонь несколько камней, чтобы разогреть их для употребления утром, и толоча мыльный корень, родственники приносят корзинки, доверху набитые вкусной едой, в качестве подарков новорожденной. Мать принимает их со словами благодарности, *эсквали* — мужское слово *ква кви* — и приглашает гостей отведать угощение. Родственники уезжают поздно, и мать занята приготовлением ответных подарков, добавляя, возможно, щедрой рукой больше, чем было подарено, в то время как объект всех этих приготовлений спит в забытии, укрывшись своим одеялом.

С первыми проблесками зари крестная мать встает, разжигает огонь и рисует тонкой мукой четыре короткие параллельные линии на стенах, полу и потолке комнаты, а по линиям на полу кладет молитвенное перо, привязанное к хлопчатобумажной нитке, а поверх него ставит миску с молочной пеной. Мать становится на колени у чаши, ее длинные черные волосы падают в пену, и крестная мать четыре раза окунает початок кукурузы в пену и каждый раз прикасается концом к голове матери, затем оmyвает ее голову. Возможно, другие гости, пришедшие на церемонию пораньше, используют пену по очереди, надеясь получить какую-то воображаемую пользу; практическая польза от чистоты достигается в любом случае. Руки и ноги матери купают в можжевельном чае; нагретые камни, помещенные в треснутую миску, и немного чая, пролитого на них, образуют импровизированную ванну для потения, пока она стоит, завернувшись в одеяло, над паром. На этом завершается часть церемонии, предназначенная для очищения.

Пожилая женщина тщательно подметает комнату и складывает весь мусор в миску, которую она бросает на стол, в то время как другая женщина разбрызгивает воду по полу, произнося “облака и дождь”, два волшебных слова, которые часто звучат на устах и в их мыслях. Теперь ребенка будят от его блаженного сна, купают в мыльной пене и ополаскивают рот водой, наносимой на манер китайской прачки. На этот раз его натирают не золой, а белой кукурузной мукой, и вся компания натирает ему голову пеной из кукурузных початков, опущенных в таз для мытья посуды. Крестная мать кладет муку на лицо и шею ребенка и, размахивая початком кукурузы, молится над матерью и ребенком. Это молитва: “Пусть ты доживешь до старости, пусть у тебя будет хорошая кукуруза, пусть у тебя все будет хорошо, а теперь я назову тебя Самивики” (“жареные початки”), или она назовет тебя любым именем, которое придет ей в голову. Все остальные родственники дают ребенку имя, и то, кто из них выживет, зависит от случая.

Когда наречение имени ребенку завершено, следующим по порядку является посвящение ребенка солнцу. В качестве предварительного ознакомления с твердой поверхностью колыбели. Колыбель может представлять собой изогнутую палку, перевитую прутьями, на нее кладется подушка из истертой коры можжевельника, а к верхнему концу прикрепляется бантик для защиты лица ребенка. Одно или два маленьких одеяльца образуют укрытие. Мать укутывает малыша, укладывая его руки прямо по бокам, и заканчивает тем, что обвязывает его поясом, пока он не станет похож на миниатюрную мумию. Крестная мать тем временем не сидела сложа руки. Она поела и проложила белую дорожку к двери, и по сигналу отца, который с тревогой наблюдал за восходом солнца с крыши соседнего дома, она быстро берет колыбельку и несет ее низко над дорожкой для еды, туда, где можно увидеть солнце. Женщины надели свои чистые манти, мать облачилась в свое вышитое хлопчатобумажное свадебное покрывало, и они стоят в лучах ясного рассвета — живописная группа солнцепоклонников. Крестная мать откидывает

одеяло с лица ребенка, подносит горсть муки ко рту, произносит над ней короткую молитву и бросает ее к солнцу; то же делает и мать, и церемония заканчивается.

Затем собрание переходит к *нуквиби*, *пигамеи* другим вкусным блюдам, ибо у хопи пир всегда следует за церемонией, точно так же, как просветленные люди наслаждаются хорошим обедом после церкви; но прежде чем они приступят к трапезе, щепотку пищи нужно вынуть и бросить с лестницы или во внутреннюю комнату в качестве подношения солнцу. Ребенок, будучи почетным гостем, должен первым отведать угощение, хотя этот акт мог бы показаться простым притворством. Как только его укладывают в сторону, он возобновляет свой прерванный сон, в то время как все собравшиеся набрасываются на еду с острым аппетитом. Вскоре гости встают, чтобы разойтись, и, получив свои “индийские подарки”, возвращаются по домам.

Обычай, однако, требует, чтобы для благополучия ребенка делались и другие вещи. Мальчику следует привязать к запястью быстрое насекомое под названием *бимонну*, чтобы он мог бегать, а девочке - кокон бабочки, чтобы у нее были сильные запястья для измельчения кукурузы. Позже, по какой-то причине, ребенку надевают повязку из юкки на запястье и лодыжку и оставляют на несколько дней, когда ребенка держат над муравейником, повязки снимают и оставляют муравьям.

Приятно сознавать, что хопи хорошо относятся к старикам. На только что описанной церемонии им преподносят особые подарки в виде еды, а если бабушка - инвалид, ее бережно несут на посвящение.^[2]

^[2] Из нательных церемоний индейцев хопи. Дж. Дж. Оуэнс, Журнал американской этнологии и археологии, том. II, 1892.

Если учесть количество рождаемых детей, то, по-видимому, нет причин, по которым население хопи вскоре не должно было бы стать плотным, вместо того чтобы оставаться стационарным. Однако, когда становится известно больше о незрелых дынях и другой зелени, которую дают детям есть по их собственному желанию, становится удивительно, что кто-то из них когда-либо достигает возраста благоразумия. Мудрый обычай гласит, что от детей не требуется носить какую бы то ни было одежду, и вскоре человек привыкает к изящным, оживленным маленьким бронзовкам, которые кишмя кишат в причудливых пуэбло с террасами.

Нигде эти маленькие цветочки древа жизни не кажутся более хитрыми и интересными. Как и японские дети, они, кажется, не заслуживают никакого наказания, и это такое же редкое зрелище, как зеленая трава в стране Тусаян, когда родитель бьет ребенка. Вместо этого всегда присутствуют доброта и привязанность, достойные высшей похвалы. Приятно наблюдать за общением детей со своими родителями или ближайшими родственниками, а также за тем, насколько они тихи и послушны. Это пристальное родительское внимание должно быть секретом хороших детей, где бы ни находилась страна. Детям хопи повезло, что у них много учителей, которые дома, в поле или в деревне объясняют им полезные вещи, которые они должны знать, чтобы стать добропорядочными гражданами Тусаяна. Посетители с удивлением узнают, как многому научились маленькие люди не только о птицах, растениях и других сторонах природы, но и о своих будущих обязанностях в доме, на полях и в деревне, и начинают уважать детский сад хопи, в котором детей обучают с помощью игр, и они подсознательно приходят к “знанию как”. Даже странного вида куклы, которых дети хопи любят с тем же пылом, что и остальных маленьких мужчин и женщин детского мира, помогают в обучении. Эти куклы,

вырезанные из тополя и блестяще украшенные краской, перьями и раковинами, представляют многочисленных существ, населяющих духовный мир, которые, как предполагается, правят судьбами хопи. Детям дают поиграть с этими деревянными фигурками, и таким образом они узнают облик богов и в то же время получают урок мифологии.

В своей забаве несколько маленьких мальчиков, вооруженных луками и стрелами, могут притворяться, что охраняют пуэбло, и, без сомнения, они испытывают такое же чувство гордости при владении этим диким боевым оружием, какое испытывает маленький белый мальчик, владея игрушечным пистолетом. Маленьких карапузов, едва умеющих ходить, поощряют стрелять по мишени, сделанной из пучка полыни, установленной на песке на небольшом расстоянии, и громкие аплодисменты родителей и других зрителей раздаются, когда один из этих малышей пролетает над мишенью. Девочки собираются на уединенной улице и играют, их тихие голоса резко контрастируют с любой подобной группой белых детей. Возможно, игра называется “поиграй в дом”, с помощью нескольких камней и большого воображения. Однако в тот момент, когда посетитель бросает взгляд в их сторону, игра прерывается, и все болезненно осознают его присутствие. Если во время дождя водоемы на плато заполняются водой, дети устраивают отличное спортивное купание, плещутся, как утки, и гоняются друг за другом. Должно быть, это редкое угощение для детей, потому что, как и на Рождество, счастье искупаться в дождевой воде выпадает только раз в год.

Куда бы ни пошли взрослые, дети идут вместе с ними, собирая ягоды, траву и юкку для корзинок или семена диких растений для еды, наблюдая за кукурузным полем или собирая урожай, каждый принимает участие в работе и получает хорошую порцию развлечений. Вскоре становится ясно, что дети хопи помогают во всем, что происходит, и стараются не мешать. Если строится дом, малыши работают так же усердно, как и старшие, неся в своих корзинках крошечный груз камней или земли для постройки с такой серьезностью, что это действительно забавно. За пределами городов хопи обычно находят множество надписей, написанных картинками на скалах. Помимо надписей, здесь есть множество углублений в форме чаши, которые озадачили не одного посетителя. Однажды было замечено, как несколько детей усердно стучали ручными камнями по камням, и было обнаружено, что они выкапывают в мягком песчанике углубления в виде чашечек, возможно, делая крошечные игровые резервуары для сбора дождевой воды. Дети также могут быть ответственны за многие причудливые рисунки, украшающие гладкие склоны скал вокруг деревень; и кто не знает, что многие древние надписи на скалах Аризоны были вырезаны детскими руками.

В жизни каждого ребенка хопи наступает время, когда он должен вступить в какое-либо из братств или обществ, которые охватывают почти все пуэбло, так что молодой человек, чтобы иметь какое-либо положение, должен принадлежать по крайней мере к одному из братств качина. Мальчиков во время их торжественного посвящения хорошенько секут “флоггером”, чье имя достаточно упомянуть малышам, чтобы заставить их пуститься вскачь.

Но это уводит нас за пределы возраста нежного детства в детском раю. Для друга детства малыши хопи - вечная радость. Их ясные глаза полны признательности, хотя застенчивость может заставить их прятаться за материнскими юбками, но есть волшебное слово, которому они научились у белых людей, которое преодолевает это. В памяти писателя до сих пор живет картина маленького человечка, который подошел к некоторым посетителям так близко, как

только осмелился, и произнес два слова на английском, которые знал: “Привет, кенте” (конфетка).

Хотя церемония бракосочетания не имеет большого значения по сравнению с бесконечными церемониями жрецов хопи, все же вокруг нее сосредоточен большой интерес, и это действительно сложное дело. Трудная предшествующая стадия ухаживания, столь забавная для тех, кого это не касается, такая же, как у цивилизованных молодых людей и девушек. Один из первых вопросов, который задают женщины хопи, звучит так: “У тебя есть жена?”, и если ответ отрицательный, они выражают соболезнование и сочувствие, если не заходят так далеко, чтобы поинтересоваться причиной. Как и везде, молодой человек должен продемонстрировать некоторую собственность, а также способность обеспечивать, прежде чем он сможет сделать шаг к вступлению в брак, и, конечно, при выборе жены соблюдается самое негибкое правило из всех, которые регулируют дела в Хопиленде — абсолютный запрет на брак между членами одного клана. Например, если у обоих есть тотем табачного растения, было бы безнадежно думать о союзе, даже если бы можно было представить, что такая вещь когда-либо придет в голову хопи. Родства может и не быть, но если название клана одно и то же, то существует эффективная планка.

Один из верных признаков того, что дела идут гладко, - это когда видят девушку, расчесывающую волосы молодому человеку, возможно, сидящую в дверях, куда может смотреть весь мир. Считается, что это означает помолвку, но задолго до этого в сообществе, где дела каждого известны, “брак” не был секретом. Ухаживание хопи имеет свои преимущества. Не нужно спрашивать разгневанных родителей; миролюбивые Люди не ставят шипов на пути истинной любви, но позволяют всему улаживаться простым, естественным образом. В этой совершенной демократии нет знатных семей, гордящихся своим происхождением или богатством, нет эксклюзивных кругов или клик, нет ничего, кроме тотема.

Когда молодые люди решают пожениться, девушка сообщает об этом своей матери, которая ведет свою дочь, неся поднос с едой, приготовленной из белой кукурузы, в дом жениха, где ее с благодарностью принимает его мать. В течение этого дня она должна работать на мучных камнях, перемалывая белую кукурузу, тихо и незаметно; на следующий день она должна продолжить свою работу с белой кукурузой. На третий день этого трудоемкого испытания она перемалывает темно-синюю кукурузу, которую хопи называют черной, и, без сомнения, рада, когда вечером приходит группа ее друзей, нагруженных подносами с едой их собственного помолы в качестве подарков, и, согласно обычаю, эти подарки возвращаются натурой, а на следующий день подносы отправляются обратно, нагруженные отборными початками кукурузы.

После этого трехдневного испытательного срока, который указывает на то, что девушка хопи должна быть очень преданной, чтобы взяться за это дело, наступает свадьба. В этот день мать подстригает волосы невесты спереди на уровне подбородка и заплетает более длинные пряди в два кольца, которые она всегда должна носить на груди в знак того, что она больше не девушка. На рассвете четвертого дня собираются родственники обеих семей, каждый приносит небольшое количество воды в сосуде. Две матери растирают корни юкки, используемые в качестве мыла, и готовят две миски пенящейся пены. Молодой человек становится на колени перед чашей, приготовленной его будущей тещей, как невеста перед чашей матери молодого человека, и их головы тщательно моются, и родственники принимают участие, выливая пригоршни пены на склоненные головы пары. Пока происходит это церемониальное мытье

головы, некоторые женщины и девушки прокрадываются между парой и пытаются удержать их головы над чашами, в то время как другие пытаются отогнать незваных гостей, и за этим следует большое веселье. Когда мытье головы заканчивается, посетители ополаскивают волосы молодоженов водой, которую они принесли, и возвращаются домой. Затем молодожены берут по щепотке кукурузной муки и, выйдя из дома, молча направляются на восточную сторону плато, на котором стоит пуэбло Ораиби. Поднеся блюдо к губам, они встречают рассвет, произнося молитву о долгой и благополучной жизни, и возвращаются в дом мужем и женой.

По окончании церемонии мать невесты разводит огонь под плитой для выпечки, в то время как дочь готовит тесто и начинает выпекать большое количество бумажного хлеба. После этого практичного и красивого старта молодых людей в жизни мать возвращается в свой дом. Ноеще многое предстоит сделать, прежде чем молодожены сольются со степенными женатыми людьми Тусаяна. Свадебный завтрак следует непосредственно за церемонией, и отец молодого человека должен пробежаться по пуэбло с мешком хлопка, пригоршнями раздает его родственникам и друзьям, которые выбирают семена и возвращают хлопок ему. Этот хлопок предназначен для свадебных покрывал и кушака, которые станут приданым невесты.

Практическая сторона и взаимопомощь хопи особенно ярко проявляются здесь, когда несколько дней спустя громкоголосый глашатай объявляет время прядения хлопка для одеял невесты. Это происходит в кивах, где обычно все ткачество выполняет мужчина, и с весельем и множеством историй работа вскоре завершается. Пряденый хлопок передается жениху в качестве взноса от деревни, который, как и все остальное у хопи, оплачивается роскошным угощением, приготовленным женщинами для прядильщиц. Около десяти откормленных шалфеем овец и коз, невообразимо жестких, размягчают в рагу, состоящем в основном из кукурузы; испекли стопки бумажного хлеба; приготовили различные другие блюда, и все готово, когда глашатай зовет голодную толпу. Они, как и гений голода, обходятся без ножей и вилок, но с активными, хотя и не слишком чистыми пальцами в начале. Когда они заканчивают, мало что остается для изможденных, полуголодных собак, которые чуют запахи пиршества за дверью. Если кто-то хочет увидеть хопи самым счастливым, он должен найти его сидящим на корточках перед обильным и хорошо накрытым пиршеством.

С прядения хлопка начинается серьезная работа для жениха и его родственников мужского пола, длящаяся несколько недель. Необходимо соткать большое белое одеяло размером пять на шесть футов и одно размером четыре с половиной на пять футов, а также сделать тростниковую циновку, в которую будут завернуты одеяла. Белый пояс с длинной бахромой и пара мокасин, в каждой из которых вместо леггинсов по половинке оленьей кожи, наподобие тех, что носят женщины пуэбло Рио-Гранде, завершают костюм. Покрывала должны быть украшены искусными кисточками по четырем углам. Незадолго до восхода солнца невеста, облаченная в свой наряд, исполняет последний акт драмы под названием “возвращение домой”. Следует объяснить, что до этого времени невеста оставалась в доме людей своего мужа. В большом белом одеяле, живописно накинутом на голову, и с маленьким одеялом, завернутым в тростниковую циновку, в руках она идет к дому своей матери, где ее встречают несколькими словами приветствия, и долгая церемония заканчивается.

В этой стране прав женщин муж должен жить с родственниками своей жены. Дети также принадлежат ей, ведут свое происхождение от нее и являются более близкими родственниками ее братьям и сестрам, чем отцу. Дом, в котором они живут, принадлежит ей, и все зерно и другие

продукты питания хранятся в зернохранилище. В случае домашних неурядиц только она имеет право на раздельное проживание и может выставить мужчину за дверь. Хотя иногда проявляется эта темная сторона картины, правило таково, что муж и жена верны и живут счастливо, как и подобает Мирным Людям.

Возможно, будет интересно проследить за историей свадебного костюма, который играет такую заметную роль в церемонии. Мокасины вскоре приходят в употребление и изнашиваются, и после этого женщина ходит босиком, как и остальные ее сестры. Пояс и одеяла скатаны в циновку и подвешены к потолочной балке в задней комнате. Возможно, большее одеяло вышивают, когда оно становится церемониальным одеялом, или его можно использовать для переноски кукурузы и арбузов с полей. Меньшее одеяло хранится как одна из самых священных вещей; молодая мать надевает его только на церемонию наречения своего первенца, и часто в него она закутывается для последних обрядов среди скал под плато, где хоронят умерших. На церемонии прощания Качина все невесты года надевают свои белые одежды и появляются среди зрителей, некоторое время смотрят, а затем возвращаются по домам. Этот отзыв невест многое добавляет к живописности этого праздничного мероприятия.^[3]

^[3] Подробности церемонии бракосочетания взяты из статьи Х. Р. Вон в "Американском антропологе", N. S., том 2, № 2, апрель-июнь 1900г.

Нет никаких сомнений в том, что мудрым обычаям жителей пуэбло объясняется их выживание в пустынях Юго-Запада. Можно только восхищаться действием неписаных законов, которые опирались на опыт прошлых веков и до сих пор продолжают регулировать жизнь Тусаяна.

Нет более интересной главы в истории человеческих верований, чем та, которая посвящена представлениям первобытных народов о смерти и загробной жизни. Хопи, как и другие народы, продумали глубокие вопросы происхождения и судьбы, населили таинственные пространства духовными существами и проникли в царство загробной жизни, чтобы описать жизнь после смерти. Таким образом, они говорят, что дыхательное тело путешествует и испытывает различные переживания на своем пути в подземный мир, и “как каждый поднялся из *сипалу*, или пупка земли, так и через *сипалу* в подземный мир духов он должен отправиться после смерти. Далеко на запад по пути солнца он должен отправиться к *сипалу*, который ведет вниз через озеро. У него должна быть еда для путешествия, а также деньги в виде ракушек и зеленой бирюзы; поэтому миски с едой и сокровища мы кладем в его могилу. Масауа, правитель подземного мира, первым получает дух. Если это дух хорошего человека, он сразу же устремляет его по пути солнца к счастливой обители, где предки пируют, танцуют и проводят церемонии, подобные церемониям хопи на земле. Воистину, мы получили церемонии от них давным-давно”.

Если спирт нехорош, его нужно попробовать, поэтому Масауа отправляет его хранителю первой печи, в которую помещен спирт. Если он выходит чистым, сразу же освобождается; если нет, то переходит ко второму или третьему мастеру печи, но если третье испытание огнем не очищает дух, демон захватывает его и уничтожает, потому что это *паш калоломи*, “очень нехорошо!” Насколько на это повлияли более поздние учения, является спорным вопросом, и его следует оставить открытым.

В подземном мире духи предков представлены живущими в постоянном наслаждении. Они часто посещают верхний мир, и поскольку хопи верят, что их главная забота - защищать

интересы пуэбло Тусаяна, их нужно умиротворять молитвами и подношениями, чтобы заручиться их доброй волей.

Последние службы умерших очень просты. В сидячей позе, с головой между колен, с хлопчатобумажной маской, символизирующей дождевое облако, закрывающей лицо и наскоро завернутое в церемониальное одеяло, тело несут вниз среди скал двое мужчин, которые своими мотыгами расчистили место. Родственники следуют за ним, и, не говоря ни слова, тело опускают в грубую могилу. Миску с едой ставят рядом, под камнями, и все возвращаются, женщины моют ноги, прежде чем войти в дом.

В течение четырех дней родственники посещают могилу и ставят на нее миски с остатками пищи, а также кладут туда молитвенные палочки с перьями. По истечении четырех дней “тело дыхания” спускается в подземный мир, откуда оно пришло, и подвергается испытанию огнем. В таком плотнозастроенном городке, как Уолпи, дом не освобождается после смерти, но, похоже, этот широко распространенный обычай соблюдается в некоторых пуэбло. Навахо, следуя этому обычаю, бросают поверх мертвых покрытый землей хоган, и со временем на этом месте образуется насыпь, заполненная гниющими бревнами. Погребальные обычаи хопи не менялись веками; они никогда не сжигали своих умерших, как это раньше делали зуни и народы долины Гила. Древние церемонии хопи содержат почти единственные упоминания об их прошлой истории в виде керамики, украшений, оружия и реликвий из кости, раковин, камня, следов молитвенных палочек, ткани, корзин и циновок. Они дают представление о жизни и искусстве древних американцев, которые не оставили письменных свидетельств.

Когда спрашивают о человеке, который, возможно, умер, хопи говорят, что он *шилуу*, что означает “ушедший”. При более тщательном исследовании они могут рассказать о таинственном путешествии мертвых через *сипалув* страну подземного мира, которая находится под далеким озером.

VII РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ

Главной особенностью, привлекающей общественный интерес к хопи, является количество и примечательный характер их церемоний. Эти “танцы”, как их обычно называют, кажется, продолжаются с небольшими перерывами. Каждого хопи затрагивает какая-либо из многочисленных церемоний, и почти каждый трудоспособный житель семи городов принимает активное участие в течение года.

Это предохраняет хопи от проказ и создает им хорошую репутацию людей, занимающихся своими делами, к тому же предоставляет им лучший набор бесплатных театральных развлечений, которыми пользуется любой народ в мире, поскольку почти каждая церемония имеет как развлекательную, так и серьезную сторону, поскольку религия и драма здесь объединены, как в первобытные времена. Хопи живут, перемещаются и находят свое воплощение в религии. Они населили невидимый мир множеством существ и рассматривают

всю природу как полную жизни. Солнце, луна, звезды, камни, ветры, дождь и реки - члены пантеона хопи, с которыми следует считаться в их сложном поклонении.

Каждая луна приносит свою церемонию, и цикл различных "танцев" завершается примерно через четыре года; в некоторых танцах действительно могут быть еще более длительные интервалы, но эти танцы, похоже, не попадают в календарь и проводятся по решению соответствующего вождя. Некоторые танцы также чередуются, например, Танец Змей проводится в одном году, а Танец флейты - в следующем. В течение полугода, с августа по январь, актеры церемоний носят маски, в то время как до конца года танцоры появляются без масок; и поскольку у каждой церемонии есть свои особые костюмы, ритуал и песни, в Тусаяне для зрителей найдется большое разнообразие. Так много церемоний, которые более или менее различаются в разных деревнях, и так велико количество незапамятных деталей их исполнения, что можно отчаяться записать их, не говоря уже о том, чтобы выяснить хотя бы десятую часть их значения.

Вокруг этих танцев сгруппированы знания кланов прошлых веков, бесчисленные песни, молитвы и обряды, собранные здесь и там во время утомительного марша, усеянные ракушками старых городов забытых дней. Не стоит опасаться, что исследователи раскопают этот неисчерпаемый запас до того, как он полностью исчезнет; удивительно, что он так долго просуществовал в наш прозаический век анти-басни. Перед нами самое полное в мире масонство, которое, если его сохранить, составило бы важную главу в истории человеческих культов, и, по мнению просвещенных людей, о нем должна быть запись, прежде чем марш цивилизации втопчет его в пыль.

Тот, кто ищет истину на дне колодца хопи, скорее всего, получит различные ответы. Видя важность солнца в мыслях и обрядах хопи, хочется сказать "поклонение солнцу", но облака, ветер, дождь, камни, источники, реки, которые входят в это язычество, означают "поклонение природе"; затем птицы и звери означают "поклонение животным"; растения для еды и церемоний - "поклонение растениям"; змея означает "поклонение змеям", а общение с обожествленными предками показывает "поклонение предкам" с безошибочной ясностью.

Древнейшие боги в представлении хопи о невидимом мире - это обожествленные проявления Природы и природные объекты, которые привлекают его внимание. Молния, облако, ветер, снег, дождь, вода, радуга, рассвет, огонь - все это живые существа. Солнце, луна, определенные планеты и созвездия, а также небо - это могущественные существа. Поверхностью земли правит могущественное существо, чья власть простирается до подземного мира и над смертью, огнем и полями; источники, реки и горы имеют своих главенствующих божеств. Среди животных также есть много богов — орел, медведь, олень, горный лев, барсук, койот и крот среди остальных. Среди насекомых наиболее важны бабочка, стрекоза и паук, причем последний известен как Женщина-паук или Богиня Земли. Она супруга Солнца и как мать культуры воинов-героев расы почитается хопи. На растения, однако, список существ не распространяется, за исключением нескольких примеров, таких как Кукурузная Дева или Богиня Кукурузы, и, возможно, Богиня Микробов. Есть существа шести направлений; бог удачи в играх и обмена; боги войны и охоты; бог печи и бесконечное множество существ, хороших и плохих, которые возникали в воображении хопи по мере того, как проходили столетия с их культурными изменениями.

В какой-то период в пантеон была добавлена группа существ, называемых *Качина*s, которые были новичками в поклонении хопи. Большинство из них были завезены кланами барсука, как гласит традиция, с Востока, что означает верховья Рио-Гранде, а некоторые, вероятно, были завезены во время великого переселения на запад других кланов из этого региона. *Качина* в какой-то степени считаются духами предков, но поклонение *качина* примечательно разнообразием существ, которые оно включает, от представления племени как апачи *качина*, до природных существ как солнце, но многие из них не являются настоящими *качина*. (См. Главу X, Intiwa, стр.227.)

Как можно было бы ожидать из того факта, что хопи состоят из кланов и фрагментов кланов различного происхождения, каждый со своими отдельными идеями и практиками, их верования и обычаи в отношении невидимого мира демонстрируют удивительное разнообразие и включают в себя верования более низкого и более высокого сравнительного ранга. Однако одна идея, проходящая через все церемонии, дает ключ к их намерению, очевидному для любого жителя Юго-Запада, будь его кожа белой или коричневой, желание дождя, чтобы была пища и жизнь. На подхалимаживание, умиротворение или принуждение сил, которые, как считается, способны вызывать дождь, направлена вся энергия хопи. Среди этих прошений есть молитвы о других вещах, которые кажутся хорошими и желанными, а церемонии также охватывают такие эпизоды, как установление вождя или посвящение послушников, охота, скачки и т.д.

Из этих церемоний, которые приходятся на ту или иную из тринадцати лун, мы можем выбрать наиболее яркие для краткого описания их наиболее характерных особенностей.

Никто не может определить, с какой церемонии начинается календарь хопи, но, возможно, Соялуна, отмечаемая в последних числах декабря, должна удостоиться такой чести. Не потому, что он почти совпадает с нашим Рождеством, а потому, что он знаменует астрономический период, известный как зимнее солнцестояние, важную дату, с которой по праву должен начинаться новый год. Мало кто из посторонних видит Соялуну, но те, кто выдержал зиму, чтобы присутствовать на ней, говорят, что это одна из самых замечательных церемоний хопи. Все кивы используются различными обществами, принимающими участие, и, хотя это всего лишь простой публичный “танец”, в местах собраний происходят драматические обряды удивительного характера.

Когда слабое зимнее солнце опускается в его “южный дом”, который находится на возвышенности Элден-Меса недалеко от Флагстаффа, в пуэбло хопи царит оживление, и как и в наш праздничный сезон, люди обмениваются приветствиями с добрыми пожеланиями и дарят *накваквоши*, состоящие из пушистого орлиного пера и длинных сосновых иголок, привязанных к хлопчатобумажной нитке. Декабрь - священный месяц, когда ограничены все занятия и разрешено мало игр, так что Соял находится в центре “священного перемирия”, времени “мира на земле и доброй воли к людям”, но странным образом отмечается языческими солнцепоклонниками. Ибо соял - это особая церемония, привезенная в Хопленд народом патки, пришедшим с юга, где в прошлые века они поклонялись богу дня. Общества воинов пуэбло сделали это своим великим праздником и занимают самое видное место в его праздновании.

В главной киве традиционный тщательно продуманный ритуал проводился в течение девяти дней братством Соял, состоящим из членов обществ Агавы, Рога, Певцов и Нового Огня. На одном конце кивы расположен алтарь, состоящий из рамы с параллельными рейками, к

которым привязаны пучки травы, а в эти пучки воткнуты сотни ярко раскрашенных искусственных цветов. Наверху изображены банты, обтянутые хлопком и представляющие снежные облака. Перед алтарем сложена в виде стены куча кукурузы, которую собрали в деревне, чтобы после церемонии вернуть наполненной плодородием. Перед кукурузной стеной находится песчаная насыпь, на которой установлены кукурузные фетиши из камня и дерева. Чаша для лекарств и множество трубочек, молитвенные палочки из перьев и т.д. Лежат на полу. В церемонии Вальпи также присутствует представление Огромного Пернатого Змея, который просовывает свою гротескную голову в отверстие в ширме и рычит в ответ на молитвы священников.

После серии музыкальных песен, сопровождаемых трещотками, флейтами, свистками и ревом быков, перемежающихся молитвами, происходит посвящение послушников. Затем входит первый человек-птица, тщательно одетый, чьи позы и пантомима имитируют птицу. Затем появляются еще один человек-птица и служанка Соялуна, которые исполняют странный танец, затем появляется Эотото, предтеча *Качина*с, приносящий кукурузу, и этот эпизод завершается зажигательным танцем священников вокруг камина, сопровождаемым песней.

Затем происходит ожесточенное нападение членов различных кив на сояльского щитоносца. С дикими криками и драматическими действиями они ударяют своими щитами по солнцезащитному щиту, как в смертельной схватке, но носитель солнечного щита оттесняет их назад и, в свою очередь, побеждает. Эта замечательная драма, возможно, представляет собой возвращение солнца на его северный путь, чтобы оно могло принести жизнь хопи. Общественный танец *Soyal* исполняется *Качиной* и двумя *служанками*- *качинами* и является простым по сравнению со сложным, разноцветным представлением других танцев. В конце публичной церемонии жителям деревни раздают кукурузу, и в течение четырех дней в святилища кладут освященные пахо, некоторые для умерших, а некоторые для увеличения стада, кукурузы, персиков и всего хорошего, духовного и мирского, и люди празднуют и счастливы.

В феврале проводится церемония под названием *Rowatu* с вводной церемонией под названием *Rowalawu*. В воздухе витает некоторое ожидание предстоящих действий на полях, и, следовательно, как следует из названия, церемония связана с подготовкой, расчисткой полей и т.д. Одной из главных особенностей является проращивание фасоли в кивах и раздача ростков разным людям. Другой - инициация молодых кандидатов, сопровождаемая жестокой поркой хлыстами из юкки в руках свирепых *качина*с. Церемония длится девять дней и проходит под председательством главы братства *Поваму*, которому помогает *вождь Качина*. В кивах проводятся различные обряды и сооружаются алтари из яркого песка. Самым интересным событием является пересказ мифа о *поваму*, на котором основана церемония. Этот рассказ сделан ряженым священником, представляющим *Качину* Муйингву, бога микробов, и рассказывает о странствиях определенных кланов и их прибытии в *Тусаян*.

В девятый и последний день группы различных *качина* бродят по деревне, одни развлекают людей, другие наводят ужас на непослушных детей, в то время как третьи раздают ростки фасоли или выполняют различные поручения. С этой церемонии начинается радостный сезон *качина*с. Доктор Февкс говорит:[4]

Происхождение этого праздника восходит к приключениям героя из *племени* *Ка-тчи-ню-му*, "народа *Ка-тчи-ни*". Сохранилась следующая легенда об этом народе. Пока группа родов,

известных под этим названием, путешествовала, они остановились недалеко от гор Сан-Франциско и построили дома. В течение этой луны герой отправился поохотиться на кроликов и попал в местность, где не было снега. Там он увидел другого *народа* Ка-тчи-на, танцующего среди прекрасных садов. Он получил от них дыни и, неся их домой, рассказал странную историю о народе, населявшем страну, где в середине зимы цвели растения. Героя и его товарища отправили обратно, и они оставались с этими людьми, возвращаясь домой, нагруженные фруктами, в течение февраля. Они выучили песни тех, с кем жили, и обучали их на киб-ва своего собственного народа.

[4] Для подробного изучения этой церемонии см. "Церемонию Ораиби Поваму" Х. Р. Вота, публикация 61, Полевой колумбийский музей, Чикаго, 1901 г., и "Тусаян Катчинас" доктора Дж. Уолтера Февкса, 15-й ежегодный отчет Бюро американской этнологии.

Великий Пернатый Змей, фигурирующий в мифологии многих американских племен, является главным действующим лицом церемонии Палулуконг, которая проводится в марте. Это драма о змее, в которой солнцу также уделяется большое внимание. Актеры в масках, поскольку церемония находится под контролем *качинас*, которые искусны в театральных представлениях, когда их представляют плодородно мыслящие хопи.

Кланы собрались в своих соответствующих кивах, где в течение нескольких дней продолжались раскрашивание масок и другой атрибутики, репетиции и т.д. В киве, которая на данный момент является театром, собралась толпа посетителей, и посреди комнаты два старых вождя кива сидят вокруг костра, в который они подбрасывают маленькие веточки сального дерева, чтобы получился неуверенный, мерцающий свет.

О прибытии первой группы актеров возвещают странные крики из-за кивы, а на шарик кукурузной муки, брошенный в люк, отвечают приглашением войти. Огонь затемняется натянутым на него одеялом, а актеры спускаются по лестнице и расставляют свои вещи. Пожарные сбрасывают одеяла, и на полу виднеется миниатюрное поле кукурузы, сделанное путем закрепления проросшей кукурузы на глиняных подставках. За этим кукурузным полем находится матерчатая ширма, украшенная фигурами людей, кукурузы, облаков, молний и т.д., развешанная поперек комнаты, а вдоль ширмы шесть отверстий, замаскированных клапанами. По обе стороны экрана стоят несколько мужчин в масках, один в женском костюме держит корзину с едой и початок кукурузы. Начинается песня, и актеры танцуют под музыку; хриплый рев тыквенного рожка разносится по киве, и мгновенно створки экрана поднимаются, и в шести отверстиях появляются головы гротескных змей с выпученными глазами, гребнем из перьев, рогом, свирепыми зубами и красными языками. Кажется, что они выступают все дальше и дальше, пока не становятся видны четыре фута нарисованного тела. Затем, когда песня становится громче, змеи с перьями раскачиваются в такт музыке, кусая друг друга и бросаясь к актерам. Внезапно они наклоняют головы и сметают имитацию кукурузного поля в беспорядочную кучу, затем поднимают свои виляющие головы, как и раньше, и становится видно, что у центральной змеи есть вымя, и она кормит грудью остальных. Под рев рога и великое возбуждение змеям с перьями возносятся подношения в виде еды и молитв. Актер, переодетый женщиной и представляющий мать *Качинас*, теперь предлагает зерно и муку змеям в качестве пищи и предлагает им свою грудь.

Теперь песня стихает, чучела убирают и опускают клапаны с нарисованным на них символом солнца; одеяла снова раскладывают вокруг костра, представление разыгрывается, актеры

выходят гуськом, и люди, среди которых были розданы кукурузные горки, ждут появления других актеров, в то время как иностранные гости удивляются механическому мастерству, проявленному при изготовлении чучел и манипулировании ими.

Теперь актеры Тевана из Хано исполняют замечательный танец буйволов. Они носят шлемы, изображающие головы буйволов, и одеты в шкуры черных овец. В руках они держат зигзагообразные жезлы-молнии и под бой барабана танцуют в характерных позах; с ними танцуют мужчина и мальчик, одетые орлами, которые издают пронзительные птичьи крики. Этот танец - вступление из Рио-Гранде-Пуэблос.

За ними следует еще одна группа актеров, одетых в церемониальные килты и шлемы-маски. Они называются “Каменный боевой клуб *Качинас*”, и с ними двое мужчин, одетых как женщины; один, представляющий Женщину-паука, танцует перед огнем грациозными движениями рук и тела под звуки пения и бой барабана. В конце танца она раздает семена кукурузы, дынь и полезных растений.

Четвертый акт - это действие Первых измельчителей кукурузы. Сначала двое мужчин в масках спускают по лестнице свертки с двумя шлифовальными досками и точильными камнями и раскладывают их на полу. За ними следуют две девушки в масках в тщательно продуманных церемониальных нарядах, за ними вскоре следует шеренга танцоров в масках, которые образуют припев. По сигналу хор начинает петь и принимать позы, пока служанки молоты кукурузу в такт песне. Затем они покидают мельницы и танцуют посреди комнаты грациозными движениями, указывая на зрителей початками кукурузы, в то время как носильщики мельничных камней кладут щепотки муки в рот зрителям.

Пятый акт чем-то похож на первый, за исключением того, что в нем изображены две огромные змеи, и несколько актеров в качестве хора, с комками грязи на масках, борются со змеями самым реалистичным образом и доставляют большое удовольствие.

После этого акта другая группа исполнителей разыгрывает более замечательную драму о змее. Позади поля кукурузы на полу видны две большие глиняные вазы, и, словно по волшебству, крышки ваз отлетают назад, и из них появляются две змеи, пикируют вниз и переворачивают кукурузные холмики, борются друг с другом и совершают множество вращений, затем убираются в вазы. В тусклом свете костра кива не видны веревки, с помощью которых управляют змеями, и реалистичность этого действия поражает. В другие годы действия становятся еще более поразительными, например, когда люди в масках борются со змеями, которые, кажется, пытаются обвиться вокруг своих жертв. Актер засовывает одну руку в тело змеи, чтобы воспроизвести эти движения, в то время как к его плечу привязана накладная рука. Иногда также измельчители кукурузы представлены соединенными фигурами, окруженными рамкой. Они предназначены для того, чтобы сгибать кукурузу вперед-назад и измельчать ее на небольших *надрезах*. Время от времени они поднимают руку и натирают лицо мукой, как измельчители кукурузы хопи в повседневной жизни, в то время как над ними на каркасе две птицы, вырезанные из дерева и раскрашенные, расхаживают взад-вперед. В день публичных танцев кукурузные горничные в сопровождении множества *качино* в масках танцуют на танцевальной площади.

Великий Пернатый Змей, повелевающий всеми водами земли и часто посещающий источники, однажды, как гласит легенда, вызвал великое наводнение и был умиротворен только

принесением в жертву мальчика и девочки. (Смотрите Мифы.) Родиной этого монстра была Красная Земля на Юге, откуда пришли некоторые кланы хопи. Уолтер Фукс считает, что великий змей мексиканской и центральноамериканской мифологии - это то же самое существо, которое показывает долг хопи культуре юга.

Теперь *качинас* наводняют пуэбло, и среди радостных хопи царит настоящий карнавал. Существует ошеломляющий обзор ведущих о хороших и плохих вещах, переплетенный с бесчисленными эпизодами. Необычайной красоты песни, странные представления в масках, ярко окрашенные *пики* и *Kachina* сильно притягивают три чувства, и хопи в полной мере наслаждаются сезоном, зная, что на полях под горной горой урожай достигает совершенства.,,

The *Качинас* - обожествленные духи предков, которые пришли с гор Сан-Франциско и, возможно, с Рио-Гранде и других мест, чтобы навестить свой народ. Их название означает "сидящие" из-за обычая хоронить в сидячей позе, и они напоминают "Наблюдателей, сидящих внизу" из "*Фауста*". Считается, что они охраняют интересы хопи и заступаются за богов дождя и плодородия. Их первый приход состоится в декабре на церемонии Соял, а другие продолжают прибывать до августа, когда великий Ниман, или Прощальная *Качина*, отмечается песнями, танцами и пиршествами.

Эти обожествленные духи, или *качины*, олицетворяются индейцами, которые иногда выходят за пределы города, одеваются в соответствующие костюмы, появляются у ворот, и их сопровождают по улицам с большим весельем и резвостью. Каждые несколько дней происходит новое прибытие и новый фестиваль. Каждый год появляется что-то новое, и индейцы напрягают свой изобретательский гений, чтобы создать самые поразительные маски и костюмы. В *качинах* признаются любые персонажи обширной мифологии хопи. Можно представить практически любого персонажа, от клоуна до бога, и есть песни, принадлежащие каждому из них. Каждый мужчина хопи принимает какое-либо участие в *качинах*, и все даты и дистанции отменяются во время проведения этих танцев.

Танцы *качина* способствуют общению среди пуэбло. Мальчики Уолпи, например, могут устроить представление *качины* в соседнем пуэбло в обмен на аналогичное выражение доброй воли в каком-нибудь другом случае. Само собой разумеется, что между пуэбло существует дружеское соперничество, каждый из которых стремится исполнить лучший танец. Как и его белые братья, индеец усерднее работает над своим развлечением, чем почти над чем-либо другим.

Эти танцы также показывают жизнерадостных хопи во всей их красе — настоящих, спонтанных детей природы. Это самые характерные церемонии пуэбло, самые музыкальные, зрелищные и приятные. Они действительно более достойны внимания белых людей, чем отталкивающий Танец Змей, который затмевает их элементом ужаса.

В июле *качина* отправляются в полет, и хопи устраивают грандиозную церемонию прощания с ними. Ниман, или церемония прощания, начинается примерно 20 июля и длится девять дней, подобно четырем великим церемониям с августа по ноябрь, и, подобно им, также проводится регулярный тайный ритуал в кивах. Однако вместо того, чтобы провести один или около того день публичной церемонии, Ниман преподносит множество сюрпризов и вылазок на потеху населению. Делегаты спешат в очень длительные путешествия за священной водой, сосновыми ветками и другими предметами первой необходимости для использования священниками. Поистине печально состояние хопи, которого удерживает судьба, и, должно быть, сильны

обстоятельства, препятствующие его воссоединению со своим народом на этом великом празднике.

Публичные танцы Нимана, которые следуют за восьмидневными обрядами кивы, представляют собой впечатляющее зрелище. Первое проводится перед восходом солнца, а второе - во второй половине дня. Здесь много *качинас* в богатых костюмах, в странных шлемах и украшенных множеством поразительных способов. Они несут палки для посадки растений, мотыги и другие символические принадлежности. Некоторые одеты как женщины *качина*. Они служили аккомпанементом к песне, натирая овечьи лопатки зазубренными палочками, помещенными в деревянные звукозаписывающие коробки. Танцоры мужского и женского пола встают в две шеренги и принимают позы под музыку, причем первые несколько раз поворачиваются во время танца. Детям особенно нравятся танцы, потому что *качинас* привезли много кукурузы, фасоли и дынь, а также корзины с персиками - подарки для молодежи, а также куклы, луки и стрелы. Танец повторяется днем на другой площади, после чего процессия отправляется, чтобы отнести подношения к святилищу за городом, и драма Прощальной *качины* заканчивается.

С появлением различных кланов, каждый из которых проводил какую-то особую церемонию в определенное время года, интересы, должно быть, скорректировались, чтобы приспособить церемонии к лунному календарю, как мы сейчас видим в календаре хопи. Это может объяснить слияние церемоний со Змеей и Антилопой и двух Флейт, которые проводятся в августе, а также назначение двух групп чередоваться по годам. Следует также ожидать, что церемонии дождя будут преобладать на Юго-Западе, и по взаимным уступкам кланы, составляющие хопи, будут проводить свои обряды так, чтобы соответствовать месяцу, когда требуются вызыватели дождя. Таким образом, не нужно было бы нарушать женские церемонии в сентябре и октябре, возможно, к облегчению малоизвестных хопи, которые, подобно Юлию Цезарю, реформировали календарь.

Церемонии со змеями и флейтой хопи наиболее широко известны, поскольку в это время года большинство путешественников посещают Тусаян, и, кроме того, Танец Змей из-за своих элементов ужаса затмил другие церемонии, которые красивы и интересны. Тем не менее, Танец Змей уникален, и в его разворачивании демонстрируются мужественные действия и непреодолимая сила человека над низшими живыми созданиями, придавая драме определенное величие, не наблюдаемое в других церемониях. Ни один язык не способен описать это. Те, кто это видел, делают это незабываемым эпизодом в своей жизни. Те, кто посвятил это изучению, заявляют, что человеческий разум никогда не знал себе равных.

Примерно в середине августа, когда братства Змей и Антилоп спускаются в свои соответствующие кивас, начинаются обряды. События, вызывающие общественный интерес, начинаются сразу же, в первый день, когда группа Змеиных жрецов, раскрашенных и ряженных, со змеиными хлыстами и палками-копалками в руках, спускается с горной горы, чтобы поохотиться на змей в северном квартале. Эти люди, зорко следящие за змеиными тропами, жадно ищут, ломая кусты шалфея и роая ямы, в которых может скрываться их добыча, просовывая свои руки в такие места с предельным бесстрашием. На закате, после изнурительного трудового дня, они возвращаются с охоты со змеями, если она была успешной, которые перекалываются из их мешочков в банки со змеями. В течение четырех дней продолжается охота, каждый день в другой квартал мира. Если змею замечают, ее посыпают

мукой, и когда она пытается убежать, один из охотников хватает ее на несколько дюймов сзади за голову и кладет в свою сумку.

Когда змеи, большие и маленькие, ядовитые и безвредные, собраны и уложены в кувшины, подобные тем, которыми женщины носят воду, наступает великое событие - омовение змей. Жрецы собираются в киве и рассаживаются на каменные скамьи вокруг стены, держа в руке змеиную плетть, сделанную из двух орлиных перьев, прикрепленных к короткой палке. На полу был рассыпан сухой песок, а на нем - миска с водой для лекарств. Змеи были сложены в мешки неподалеку на попечении священников, и мойщик змей, одетый как воин, усаживается перед чашей, в то время как за его спиной стоят двое мужчин, размахивающих змеиными хлыстами. Начинается странная песня, и воин засовывает руку в мешок, вытаскивает пригоршню змей, опускает их в лечебную воду и бросает на песок. Затем змей быстро передают воину, который вонзает их и выбрасывает наружу, в то время как жрецы размахивают жезлами и поют, то тихо, то громко и неистово. Некоторые змеи пытаются сбежать, но их загоняют на песчаное поле, которое предназначено для их просушки. Змей оставляют на полу на несколько часов перед публичным танцем - извивающейся массой, за которой наблюдают обнаженные мальчики. Эти мальчики, босоногие и в остальном совершенно голые, садятся на камни и своими хлыстами или голыми руками играют со змеями, позволяя им ползать у них под ногами, между ног, прикасаясь к ним, используя их как игрушки, обращая на гремучих змей не больше внимания, чем на самых маленьких безобидных хлыстовидных змей, создавая зрелище, которое никогда не забудется. Однако следует признать, что благодаря абсолютной самоотдаче и безрассудству, с которыми мальчики обращаются с этими змеями, все предвзятые представления об опасности гремучей змеи полностью исчезают. Иногда одна из змей, отброшенная на расстояние четырех или пяти футов, очевидно, возмущается оскорблением, но прежде чем у змеи будет достаточно времени свернуться кольцом, один из других мальчиков расправит ее или вернет в исходное положение, и таким образом забава (ибо для этих мальчиков это было не что иное, как забава) продолжается, как уже было сказано, более двух часов.[5]

[5] Церемонии змеи и антилопы в Мишонгнови. Г. А. Дорси и Х. Р. Вон. Полевой Колумбийский музей, Чикаго, 1902, стр. 247-248.

Доктор Фукс так описывает мытье змей Уолпи:

Змеиные Жрецы, стоявшие у кувшинов со змеями, которые стояли в восточном углу комнаты, начали доставать рептилий и стояли, держа несколько из них в руках позади Су-пе-ла, так что мое внимание было отвлечено ими. Затем Су-пе-ла помолился, и через короткий промежуток времени ему вручили двух гремучих змей, после чего ядовитые змеи были переданы остальным, и каждый из шести священников, сидевших вокруг чаши, держал двух гремучих змей за шеи так, чтобы их головы были приподняты над чашей. Затем раздался негромкий шум от трещоток священников, который вскоре после этого сопровождался мелодичным гудением всех присутствующих. Жрецы, державшие змей, отбивали рептилиями такт вверх-вниз над жидкостью, которые, хотя и не были злобными, оббивали своими телами руки держателей. Песня продолжалась и часто менялась, становясь все громче и неистовее, пока не переросла в яростный, леденящий кровь вопль или боевой клич. В этот момент головы змей несколько раз погружались в жидкость, так что даже части их тел были погружены в воду, а затем были вытащены, не покидая рук жрецов,

и с силой брошены через всю комнату на песчаную мозаику, сбивая крюки и другие предметы, расставленные вокруг нее. Когда они упали на песок, три Змеиных жреца стояли наготове, и пока рептилии извивались или сворачивались кольцами для защиты, эти люди своими змеиными хлыстами размахивали ими взад-вперед по песку алтаря. Волнение, сопровождавшее эту церемонию, невозможно адекватно описать. Тихая песня, переходящая в пронзительные вопли, перепачканные кровью певцы, змеи, брошенные вождями, и свирепые позы рептилий, когда они хлестали по песчаной мозаике, делали практически невозможным спокойно сидеть и спокойно отмечать события, которые следовали одно за другим в быстрой последовательности. Это зрелище преследовало меня в течение нескольких недель после этого, и я никогда не смогу забыть этот самый дикий из всех обрядов аборигенов этого странного народа, в котором не было ничего от нашей нынешней цивилизации. Это было выступление, которого можно было ожидать в самом сердце Африки, а не в Американском Союзе, и, конечно, никто не мог себе представить, что он находился в Соединенных Штатах в конце девятнадцатого века. Тихая, зловещая песня продолжалась, пока жрецы брали в руки других гремучих змей, и когда песня снова перешла в дикий боевой клич, этих змей тоже погрузили в жидкость и бросили на извивающуюся массу, которая теперь занимала место алтаря. Снова и снова это повторялось до тех пор, пока со всеми змеями не поступили одинаково, и рептилии, фетиши, жулики и песок не смешались вместе в одну беспорядочную массу. Когда волнение улеглось и змеи поползли по углам *кивы*, тщетно ища защиты, их оттеснили в общую массу и растерли в песке, чтобы их тела могли быть тщательно высушены. Таким образом была вымыта каждая змея в коллекции, причем безвредные разновидности были вымыты после ядовитых. При разрушении алтаря рептилиями змея *ти-по-ни* стояла вертикально, пока все не были омыты, а затем один из священников перевернул ее на бок в знак того, что обряд закончился. Низкая, зловещая песня людей-Змей продолжалась и постепенно затихала, пока не осталось никаких звуков, кроме предупреждающего стука змей, смешанного со звоном погремушек в руках вождей, и, наконец, перестали звенеть змеиные кнуты, и все стихло.

Накануне общество Антилоп отпраздновало свои забеги и публичные танцы, которые повторяют забеги общества Змей, за исключением того, что первые занимают первое место, а вместо змей танцуют жрецы, а вожак держит во рту пучок кукурузных стеблей.

Теперь начинается волнующая гонка *dawn* общества Змей. Гонка проходит от далекого источника до горной горы и полна волнения, заставляя удивляться выносливости бегунов. Победитель прибывает в киву, дыша свободнее, чем обычно, но почти не проявляя следов своих напряженных усилий, и будет спокойно ждать вручения приза. Тем временем в киве жрецы разыгрывали драму по легенде о Змее.

Через несколько часов, когда солнце садится, жрецы-антилопы выходят гуськом и, обойдя площадь, выстраиваются в очередь, ожидая жрецов-Змей, которые приближаются трагическими шагами. Они трижды обходят площадь, каждый топает по доске перед беседкой из тополя, *киси*, чтобы уведомить обитателей подземного мира о том, что церемония в их честь продолжается. Они сталкиваются с хором Антилоп, погремушки дрожат со звуком, похожим на предостережение гремучей змеи, и начинается глубокое, негромкое пение, похожее на отдаленный шторм. Пение становится громче, линии раскачиваются, затем колышутся взад и вперед, и, наконец, в кульминационном порыве пения Люди-Змеи объединяются в группы по

три человека и танцуют по площади странным шагом, похожим на сдержанный прыжок. Змеи были помещены в *киси* на попечение прохожего, спрятавшегося среди ветвей. По мере того, как трио по очереди приближается к *киси*, носильщик опускается на колени, берет змею, которую берет в пасть, встает и танцует по кругу четыре раза, после чего змея падает на землю и с молниеносной быстротой подхватывается третьим членом трио, который удерживает извивающуюся рептилию в руках. Таким образом, эти группы *демонов* кружат до тех пор, пока не унесут всех змей. Песнопение прекращается; священник рисует символ облака белой мукой на каменном полу плато, и собиратели с дикой активностью бросают змей на еду; начинается ожесточенная схватка, и через мгновение можно увидеть, как священники бегут по тропинкам, чтобы спрятать своих братьев среди скал примерно в миле отсюда.

В конце концов, ни одна церемония в Хопленде не проводится без участия представительниц прекрасного пола. В то время как танец привлекал всеобщее внимание, группа служанок и матрон, опрятных в прическах и костюмах, держащих в руках подносы со священной едой, окропляли танцоров и змей, когда они проходили мимо. Антилопы выстраиваются в шеренгу, обходят площадь необходимое количество раз, расходятся к своей киве, и публичный танец заканчивается. Однако те, кто желает, отправляются на гору, чтобы увидеть действие мощного рвотного средства, принимаемого Змеиными жрецами в качестве очищения. В Валпи старая Женщина-Змея Саалако варит лекарство, и она знает, сколько черных бузин нужно тушить в этом отваре из трав. Последним, но не менее важным, является пир, поглощаемый с юношеским аппетитом на фоне всеобщего ликования, когда над полями проливаются августовские дождевые облака. В течение нескольких дней после Танца со Змеями молодые и не слишком старые веселятся, а затем начинается пир, поглощаемый с аппетитом юности, с детской простотой.

Укус ядовитой змеи происходит так редко, что, насколько известно, нет очевидца подобных случаев. Клыки не извлекаются, и змеи не одурманиваются. Возможно, объяснение кроется в осторожном обращении с рептилиями и загоне их в стадо вместе с другими представителями своего вида перед церемонией.

Змеиная церемония, дикие сцены которой действуют зрителю на нервы, представляет собой молитву о дожде и основана на легенде, чувству которой можно было бы поплодировать, если бы другие пассивные действующие лица не были подвержены инстинктивной вражде. Змеи - кровные братья Змеиного клана хопи.

Легенда гласит, что юноша, которому было любопытно узнать, куда текут воды, сел в полое бревно, закрыл только небольшое отверстие и спустился по Великому Колорадо к его устью, таким образом, надолго опередив опасный подвиг майора Пауэлла! Здесь он нашел Женщину-Паука, которая подсказывала ему, как вести себя с живущими там людьми. После многих странных приключений, во время которых его обучили обрядам, ныне практикуемым Змеиным обществом, он завоевал дочь Змеиного вождя и привез ее в свою страну. Первыми плодами этого союза были змеи, которые укусили хопи и которые были изгнаны из-за этого. Позже дети стали людьми, и вместе с ними возник Змеиный клан, чьи странствия привели их, наконец, в Валпи; и традиция утверждает, что они были одними из первых прибывших туда.

Церемония игры на флейте, которая чередуется с церемонией игры Змеи и Антилопы, является наиболее приятной и интересной. Посетители Хопиленда в августе соответствующего года всегда очарованы драматическим представлением и прекрасными песнями общества

флейтистов. В Вальпи есть только одно жречество Флейты, но в других пуэбло Средней Месы и в Ораиби их два: одно из Синей Флейты, а другое из Серой Флейты.

В первый день сооружается песчаный алтарь, а ночью начинаются песни. В киве продолжают бесконечные ритуалы, и ежедневно репетируется цикл песен под аккомпанемент флейт. Гонец, одетый в расшитый килт и намазанный медом, бежит с распущенными волосами, чтобы положить молитвенные палочки в святилища, огибая поля во время своих пробежек и приближаясь к пуэбло с каждым обходом. В течение седьмого и восьмого дней совершается посещение трех важных источников, где проводятся церемонии, и по возвращении жрецов их принимает собрание обществ Медведей и Змей, вожди которых бросают им вызов и говорят, что если они хорошие люди, как они утверждают, то могут вызвать дождь.

После интересного обмена церемониями жрецы-Флейтисты возвращаются в свою киву, чтобы подготовиться к завтрашнему публичному танцу. Когда в 3 часа ночи пояс Ориона оказывается в определенном месте на небесах, жрецы выходят на площадь, где над святилищем, называемым входом в подземный мир, воздвигнута беседка из тополя. Здесь священники поют под аккомпанемент флейт, святилище торжественно открывается, внутрь кладутся молитвенные палочки, и они возвращаются в киву. В некоторых пуэбло на рассвете девятого дня, как и во время других церемоний, проводится забег на гору меса.

Вечером девятого дня формируется процессия Флейтистов и сворачивает по тропе к источнику в следующем порядке: лидер, девушка-Змея и два юноши-Змеи, жрецы, а в арьергарде ряженный воин с луком и свистулькой. У источника они садятся на северной стороне бассейна, и пока один из священников играет на флейте, остальные поют, в то время как один из них заходит в источник, ныряет под воду и вотыкает молитвенный посох в илистое дно. Затем, взяв флейту, он снова заходит в источник и трубит в воду по четырем сторонам света. Тем временем посыльные принесли к источнику подсолнухи и кукурузные стебли. Каждый священник возлагает подсолнухи себе на голову, каждый берет в руки по два кукурузных стебля, и процессия, по двое в ряд, формируется для восхождения на плато. Священник рисует на тропе белой кукурузной мукой линию и поперек нее три облачных символа. Дети-флейтисты бросают подношения, которые держат в руках, на символы и приближаются к ним, сопровождаемые священниками, которые поют под звуки флейт. Дети подбирают подношения с земли палочками, которые держат в руках, и то же самое представление повторяется до тех пор, пока они снова не встанут на площади на холме перед беседкой из тополя, когда они споют мелодичные песни, а затем разойдутся.

Легенда о флейте, инсценировкой которой является церемония, повествует о том, что в древности вдоль реки Уолпи жили люди-медведи и Змеи. Люди Рога и Флейты прошли тем путем и остановились у источника. Не зная, живут ли по соседству с ними другие люди, они послали шпиона, который вернулся и доложил, что видел следы других народов. Флейтисты отправились на их поиски, и поэтому они пришли к домам Уолпи, остановились у подножия плато и двинулись вверх по тропе, как на церемонии, с песнями и музыкой флейт.

Народ уолпи протянул поперек тропы линию с едой, закрыв ее от всех желающих, и спросил, откуда берутся Флейты и чего они желают. Тогда вождь Флейтистов сказал:

“Мы твоей крови, хопи. У нас добрые сердца и прямая речь. Мы несем на своих спинах скинию Алтаря Флейты. Мы можем вызвать дождь”. Четыре раза они бросали вызов людям

Флейты, когда те стояли перед очередью за едой, и четыре раза был дан такой ответ. Затем вальпийцы убрали барьер для трапезы, и Флейты проникли в пуэбло, установили свой алтарь, спели песни, завораживающие облака, и принесли долгожданный дождь. Тогда вожди Медведей и Змей сказали: “Конечно, твой вождь будет одним из наших вождей”.

Будет видно, что эта легенда, собранная доктором Дж. Уолтером Фуксом, разыгрывается на только что описанной церемонии. И жрецы-Флейтисты также думают, что они более успешные создатели дождя, чем жрецы-Змеи-Антилопы, и не стесняются заявлять об этом.[6]

[6] Посвящение флейте Вальпи, доктор Дж. Уолтер Февкс, Журнал "Фольклор", том 7, октябрь-декабрь 1894г.

В сентябрьскую луну женщины хопи из пяти пуэбло устраивают собственный праздник, который является не менее интересной церемонией в календаре. Он называется Лалаконт и, как и другие церемонии этой части года, длится девять дней. Иногда это называют Танцем корзин - из-за большого использования священных табличек в церемонии — вполне уместное использование, поскольку эти корзины являются продуктом исключительно женского вкуса и мастерства. В подробности обрядов кивы, таких как *изготовление пахо*, сооружение алтаря из песка, инициация послушников, отправка гонцов, песни и т.д., входить не нужно, поскольку они относятся ко всем церемониям и имеют много общего.

Утром четвертого дня, если человек встанет ни свет ни заря, он может увидеть процессию, выходящую из кивы и марширующую гуськом, чтобы с большой церемонией внести подношения в святилище. В шесть часов вечера восьмого дня живописная процессия спускается по тропе среди скал к священному источнику, где высаживают *паху* и совершают обряды. Затем происходит волнующее событие - забег по тропе к киве. Под присмотром старого священника проводится равный старт, и женщины бегут вверх по тропе. Поскольку женщины хопи, в отличие от мужчин, полные, есть шансы, что гибкая молодая девушка с чистыми руками и ногами выиграет гол у своих запыхавшихся сестер.

На рассвете девятого дня забега Лалаконт с нетерпением ждут зрители и горничная Лейконт, которая стоит в великолепном костюме с корзинкой в руке на тропе, по которой пройдут бегуны. Когда становится светлее, их можно увидеть - всего лишь пятнышки на тропе над равниной, и вскоре они бегут вверх по тропе к деревьям под большое волнение и аплодисменты победителю. Жрицы прошли на танцевальную площадку, где они образуют круг, и когда появляются гончики, они проносятся через круг, и этот акт драмы заканчивается. Позже в тот же день начинается публичный танец, когда жрицы, каждая из которых несет корзинку с табличкой, снова выстраиваются на площади и начинают петь хором. Корзины держатся двумя руками вогнутой стороной вперед, и пока песня продолжается, женщины раскачиваются и медленно поднимают корзины, сначала к одной груди, затем к другой, и, наконец, опускают их до уровня бедер. Через короткое время две великолепно разукрашенные девушки, одетые в церемониальные покрывала и со свертками за спиной, входят в круг. Весь интерес сосредоточен на них, когда они развязывают свои узлы и на мгновение останавливаются по разные стороны круга, держа в руках корзину, а затем переходят взад и вперед и меняются местами. Внезапно они подбрасывают свои корзины высоко в воздух в толпу молодых людей. Затем начинается титаническая борьба, которая отодвинула бы на второй план футбольную рукопашную схватку. Они яростно борются, пока из извивающейся, вспотевшей, теперь уже оборванной массы не появляется счастливый молодой человек с сильно поврежденной

корзиной в качестве приза. Иногда эта борьба длится долго, но при этом не наносится побоев и не проливается кровь, а царит большое веселье. На этом церемония Лалаконтти завершается, и участники возвращаются по домам, чтобы заняться своими обычными делами. Супела - один из двух мужчин, помогающих женщинам на церемонии Лалаконтти, и он также занимает важное место в церемонии Мамзраути, описанной ниже, главной жрицей которой является его жена Саалако.

Церемония мамзраути, проводимая при октябрьской луне, - это танец сбора урожая, и хопи счастливы, когда они могут праздновать его с радостным сердцем и обильным застольем. Мамзрау во многом напоминает Лалаконтти, но различия более важны. Делается картина из песка, позади нее устанавливается рамка из раскрашенных плит, а вокруг чаши с лекарством и картины из песка помещаются фетиши. Новички проходят посвящение в ходе утомительной церемонии, длящейся несколько дней, и к источникам и святилищам отправляются гонцы, чтобы сдать молитвенные палочки. Как и в других церемониях, в киве проводится торжественное омовение головы, а также различные тайные обряды. На четвертый день происходит заключительное посвящение послушниц, и жрицы танцуют вокруг груды персиков на полу кивы и, более того, наслаждаются вкусным угощением из этого ценного фрукта. На шестой день актеры устраивают публичный танец, имитирующий определенных *качина*, а на седьмой день, сразу после захода солнца, жрицы, некоторые из которых переодеты мужчинами, танцуют энергичный танец бизонов. На восьмой день, переодетые клоунами, они шествуют по пуэбло и подвергаются нападению мужчин, которые обливают их не слишком чистой водой и разными неприятными предметами, и после большого шума и веселья женщины убегают домой.

Утром девятого дня не проводится утренняя гонка, но рано утром жрицы надевают свои костюмы и собираются во дворе, где танцуют и бросают зеленые кукурузные стебли среди мужчин, которые толпятся вокруг. Позже в тот же день состоится заключительный танец, когда празднующие, держа в каждой руке ярко раскрашенные деревянные доски, выходят на площадь и образуют фигуру в виде подковы, обращенную отверстием на восток. Теперь из кивы выходят две женщины, одетые как мужчины, с луками и стрелами в руках. Продвигаясь вперед, они бросают перед собой пакет с кукурузной шелухой и пускают в него стрелы, изображая молнию, поражающую поля и удобряющую их. Таким образом, они поэтапно продвигаются к кругу танцующих и бросают сверток посреди них, стреляя в него, затем, выпустив в воздух две стрелы, возвращаются к киве. Через несколько минут они появляются снова, неся подносы с клетками из сладкой кукурузной муки, которые они бросают одну за другой нетерпеливым зрителям. Затем круг танцующих расходится, но снова и снова в течение дня дистрибьюторы возвращаются, чтобы раздать свои подношения. На закате Саалако убирает песочные рисунки, фетиши и алтарные плиты, и Мамзрау заканчивается.

Ночью две группы мужчин исполняют серенаду, каждая из которых поет громко, как будто для того, чтобы заглушить голоса других. Говорят, что эта серенада исполнена в честь женщин за их благочестивое празднование Мамзрау.[7]

[7] Мамзраути: Тусайская церемония, Дж. Уолтер Фукс и А. М. Стивен, американский антрополог, Том 5, № 3, июль 1892г.

Одной из самых сложных церемоний хопи является разведение Нового костра, которое проводится в ноябре в пяти пуэбло. Каждый четвертый год церемония продлевается за счет посвящения послушниц, но в обычные годы она сокращается. В нем принимают участие четыре общества, и в них участвуют почти все взрослые мужчины в деревнях, так что недостатка в исполнителях нет.

Первое событие, заслуживающее внимания, - это разведение нового огня двумя обществами. Каждая из двух пар разжигателей кладет на пол кивы по куску тополя и сверлит его тонким стержнем, вращающимся между ладонями, до тех пор, пока трение сверла о дерево не воспламенит стертую пыль. В небольшое количество угля для костра добавляют измельченную кору, пока не образуется пламя; от этого топливо в камине кива разжигается и с помощью берестяного фитиля разносится по кивам трех других обществ. Этот огонь священный, и никто не может дуть на него или брать от него огонек, и после окончания церемонии ему разрешают погаснуть, а пепел разбрасывают над холмом с соблюдением предписанных обрядов. Жертвоприношения из сосновых иголок приносятся священному огню вскоре после того, как он разожжен. Большинство хопи знакомы с древним методом добывания огня трением дерева, и прошло совсем немного лет с тех пор, как они не знали другого способа. Теперь легко достать спички особо сернистого сорта, а примитивные противопожарные упражнения действуют только в Новой Огненной церемонии.

Изо дня в день проходят процессии празднующих обществ, которые танцуют по пуэбло, выстраиваясь в шеренгу со сцепленными руками и двигаясь косым, запинаящимся шагом вперед и назад, в то время как женщины из домов обливают их водой и выкрикивают грубые шутки. По ночам здесь патрулируют празднующие, которые звонят в коровьи колокольчики или бьют по консервным банкам и делают ночь отвратительной. Послушники совершают свой ночной обход с головокружительной скоростью во главе со священником, что чем-то напоминает посвящение в колледже. У этих бедняг тяжелая жизнь, полная поста и бдений; одно из их испытаний - отправиться на гору примерно в пятнадцати милях отсюда, чтобы выкопать мыльный корень и белую землю, с которыми они возвращаются изможденными.

Эта церемония представляет больше жизни и зрелищ для публики, чем почти любая другая в Хопиленде, поэтому описать ее вкратце невозможно. Стороннему наблюдателю это должно демонстрировать хаос действий четырех могущественных братств, которые его совершают, ошеломляющее зрелище днем, тревогу и вылазку ночью, при этом ритуалы также продолжаются во всех кивах.

Значение Новой Церемонии Возгорания неясно, но, насколько нам известно, это молитва Богу Зародышей о плодородии людей, животных и сельскохозяйственных культур. Боги Зародышей, боги земли и боги огня должны быть умиротворены и почитаемы этими обрядами, и, без сомнения, новые огненные церемонии всех времен и народов проводились именно с такой целью, поскольку связь жизни и огня была философским наблюдением далекого прошлого. Этой церемонией круг года завершен, и хопи готовы начать все сначала.^[8]

^[8] Наас-най-я. Уолтер Фьюкс и А. М. Стивен; Журнал. "Американские фольклорные предания", Том 5, 1892. "Тусайская церемония нового огня", Дж. Уолтер Фьюкс; Прок. Бост. Общество Нац. История., т. 26, 1895. Церемония нового огня в Уолпи, Дж. Уолтер Фьюкс; американский антрополог (N. S.), том 2, январь 1900г.

Явимпкиа - жрецы огня, которые исцеляют огнем. Они являются экспертами в искусстве добывания огня путем сверления палкой куска дерева и выполняют это действие в Сумайколи, или Церемонии Маленького Нового костра. Их осталось немного, и к их услугам иногда прибегают, когда нужно лечить ожог или что-то в этом роде. Одна женщина, на груди которой образовались волдыри из-за слишком обильного применения керосина, была исцелена Яя, который набрал в рот сажи и брызнул жидкостью на ожог, теория Яя заключалась в том, что раны, нанесенные огнем, следует лечить огнем или продуктами горения.

Предполагается, что священники Яя способны возвращать к жизни людей, погибших в результате несчастных случаев. Существует история о том, что человек, которого столкнули с высокой горы на скалы вниз, был возвращен своим друзьям магической силой Яя. Другие сказочные истории, всегда помещаемые среди событий прошлого, повествуют о чудесных деяниях яя. Хопи рассказывают, что некий Яя, стоявший на краю плато, сказал: “Видишь вон тот холм [Кресло великана, в 30 милях отсюда]; он черный, не так ли? Я выкрашу ее в белый цвет”. Итак, куском каолина Яя совершал магические пассы к небу, и вот, гора стала белой! Брат Яя сказал, “Я снова сделаю его черным!” Итак, сажей он проделал магические пассы по направлению к горизонту, и вот, холм снова обрел свой естественный цвет!

Несмотря на стиль этих историй, которых существует множество, жрецы огня действительно демонстрируют удивительные фокусы, особенно зимой, когда проводятся сокращенные церемонии. Из-за этих представлений о ловкости рук и обмане хопи известны как жонглеры и имеют репутацию, распространяющуюся повсюду на Юго-Западе.

Помимо Яя есть много других знахарей, или шаманов, которые помогают людям, пораженным колдунами.

Страдалец верит, что колдун выстрелил из своего длинного лука старой бирюзовой бусинкой или наконечником стрелы в какую-то часть его тела. Поэтому он вызывает одного из своих шаманов, чтобы тот сменил его. Шаман-одиночка называется *Тухи ки а*, “тот, кто знает на ощупь”. Первое лечение, применяемое для облегчения страдальца, заключается в прохождении орлиным пером, которое шаман держит в пальцах, над телом пострадавшего человека до тех пор, пока шаман не подтвердит, что чувствует и находит метательный снаряд.

Термин, применяемый более чем к одному из этих шаманов, - Побокту, или ищущий глаза. В заключительной части заклинания, в котором обычно участвует более одного человека, шаманы перемещаются, всматриваясь повсюду, пока не определяют направление, в котором лежит пагубное влияние. Мистер Стивен сообщил мне, что много лет назад он видел, как они склонились над жертвой в Ситкумови, и что они ловко притворились, что вытаскивают из груди пострадавшего каменный наконечник стрелы размером в половину ладони.^[9]

^[9] Доктор Дж. Уолтер Февкс, Журнал американской этнологии и археологии, том. II, Бостон, 1892, стр. 157.

Даже сейчас можно случайно увидеть пациента, которого лечат от головной боли или какого-то незначительного недуга. Метод очень похож на массаж, брови, лоб, виски и корень носа растираются прямыми движениями или пассами, периодически надавливая на определенные точки, при этом оператор поддерживает сверхъестественную тяжесть.

Представления и обычаи хопи относительно животных, связанные с их религиозными обрядами, составляют интересную и живописную черту их жизни. Ниже приводится описание некоторых наиболее поразительных обычаев в этом отношении:

Несколько лет назад ходила история о хопи и его орле, которого похитил навахо. Рассказывали, что хопи поспешил к агенту со своей жалобой и получил письменный приказ, предписывающий навахо вернуть птицу. С немалой безрассудностью хопи представили “докладную записку” властному навахо и, как и следовало ожидать, не получили удовлетворения. В то время эта история вызвала массу веселья, но никто не понимал, что в ней были воплощены история, фольклор, религиозные обычаи, племенная организация, археология и ряд других вопросов, недавно проясненных доктором Дж. Уолтером Фьюксом.^[10]

^[10] Право собственности в Eagles у хопи; А.М. Антрополог, N. S., Vol. II, октябрь-декабрь 1900г.

Выяснилось, что навахо не захватывали орла физически и силой, которого хопи поймал с помощью своего летательного аппарата, хотя человек, не знающий отношений между этими соседями по пустыне, мог бы так подумать. Напротив, навахо забрали орла из орлиного гнезда на горе за много миль от деревень хопи, не помышляя о браконьерстве в чьих-либо заповедниках.

Ему, вероятно, было бы так же безразлично знать, что клан Змеи претендует на орлиные гнезда возле их старой деревни Токонаби к северу от Уолпи; клан Рога - на северо-восток; клан Дров - на верхнюю оконечность каньона Ким; клан Медведя - в устье того же каньона; клан Табака - на скалах Аватоби; клан Дождевого Облака - на гнезда в холмах Моки; клан Рида - в районе их старого города в сорока милях к северу от Навахо-Спрингс на железной дороге Санта-Фе; клан Ящериц - в районе их старого города в сорока милях к северу от Навахо-Спрингс на железной дороге Санта-Фе. гнезда на Битахути, или Красных Скалах, примерно в сорока милях к югу от Уолпи; или что орел гнездится к западу от пуэбло вдоль рек Малый и Большой Колорадо, принадлежат сельским жителям Ораиби и Мидл-Меса. Он пренебрег бы тем фактом, что нельзя встречаться с орлами в радиусе сорока или пятидесяти миль от городов хопи, не нарушая прав собственности.

Выясняется любопытный факт, что эти орлиные заповедники находятся недалеко от места древнего проживания кланов и самым интересным образом демонстрируют пути миграции, по которым несколько кланов добирались до деревень, где они сейчас живут. Эти права ревностно охраняются хопи и являются одним из болезненных моментов в их отношениях с навахо; они часто просят правительство определить их резервации орлов путем обследования, чтобы установить границы, свободные от посягательств.

Здесь уместно сказать, что орел - священная птица хопи и одна из самых важных. Его перья, как и перья индейки, попугая и других птиц, особенно используются в религиозных церемониях. Считается, что пушистые перья, колышущиеся при малейшем дуновении, эффективно доносят до богов природы молитвы их смиренных почитателей.

Среди священных охот охота на орла была одной из самых древних и важных. Были построены небольшие круглые каменные башни высотой около четырех футов, а по верху были проложены балки, к которым в качестве приманки были привязаны мертвые кролики. Возможно, в этом свете можно объяснить таинственные башни Манкос и севера штата Колорадо. Внутри башни охотник прятался после церемониального омовения головы, символизирующего очищение, и

внесения молитвенного подношения в святилище. Орел, привлеченный кроликами, покругил вокруг и, наконец, бросился на свою добычу. Вцепившись когтями в кролика, затаившийся охотник просунул руку сквозь балки, схватил короля воздуха за ноги и взял его в плен, отведя в деревню, где для его приема была приготовлена клетка. На каждой охоте одного орла освобождали после того, как к его бедру привязывали молитвенный посох в вере, что птица донесет молитву до могущественных существ, с которыми он, как предполагалось, был в близких отношениях.

Это описывает метод, применявшийся ранее и свидетелями которого были некоторые старики. Теперь охотники на орлов хопи берут на себя трудную и несколько опасную задачу - посетить орлиные гнезда, чтобы поймать орлят. Не все изымаются из гнезда, поскольку мудрый запрет требует, чтобы некоторые были оставлены для продолжения рода. Орлят приносят в пуэбло, где им с подобающей церемонией омывают головы и посыпают священной пищей. Затем выщипывают перья и убивают птиц, надавливая на грудину, чтобы не пролилась кровь, и хоронят их на специальном кладбище в расщелине среди скал, где после ритуала на тела кладут несколько камней. В конце церемонии ухода богов, называемой Ниман, или церемонией прощания, маленькие раскрашенные деревянные куклы, маленькие луки и стрелы кладут на могилы орлов и обильно посыпают священной едой.

Но на этом орлиные обычаи хопи не заканчиваются. Недалеко от школы в Давапе, ниже Валпи, можно наткнуться на коллекцию деревянных предметов овальной формы, размещенных среди камней, некоторые из которых выветрились, а на некоторых остались следы белой краски и перьев. Он может также узнать, что это святилище орла и что эти деревянные яйца являются молитвами о приумножении орлов, приготовленными во время Соялуны, или церемонии Зимнего солнцестояния. В настоящее время с той же целью предлагаются фигурки домашних животных. Возможно, здесь мы имеем дело с шагом к одомашниванию животных, который был осуществлен с индейкой, попугаем и собакой. В любом случае, однако, здесь показано почитание хопи воздушных птиц и особенно орла, который почитается в символах стольких народов.

Среди священных животных хопи индейка имеет большое значение. В соответствии с верой в то, что отметины на рулевых перьях были нанесены пеной и слизью древнего потопа, перья предписаны для всех пахо; поскольку благодаря своей мифической связи с водой они обладают огромной силой вызывать дождь. Испанские завоеватели шестнадцатого века, когда они посещали пуэбло, говорили о "петухах с большими висячими подбородками", которых они там видели, и это первое упоминание о птице, которой мир обязан Америке. В деревнях индейки разгуливают без ограничений и становятся домашними питомцами. Иногда также ониоспаривают вход незнакомца в деревню и сильно раздражают его своими нападениями, которые обычно носят характер внезапного нападения с тыла. В настоящее время хопи держат их ради перьев, которые выщипывают по мере необходимости, так что деревенская индейка обычно имеет потрепанный вид.

Существовали церемониальные охоты на антилоп до того, как крупный рогатый скот и лошади уничтожили траву на пастбищах, и пока этих представителей племени оленей было много. Считается, что один из самых красивых цветов Юго-Запада, алая гилия, особенно нравится антилопам, и традиция гласит, что по этой причине охотники раньше измельчали цветы в священную муку и приносили их в жертву за успех в охоте на это грациозное животное. К югу от

резервации хопи можно увидеть остатки обширных заборов из кольев и загонов, построенных индейцами навахо для загона антилоп. Один из них называется “загон чинди”, потому что навахо говорят, что во время последней большой охоты те, кто ел пойманную антилопу, заболели, и многие умерли. Поэтому ни один навахо не станет разбивать лагерь в этом заколдованном корале или использовать полено для разведения костров, как бы велика ни была необходимость.

Хопи иногда охотились на антилопу верхом, но обычно полагались на внезапность, быстроту пеших, лук со стрелами и бумеранг. Без сомнения, в старые добрые времена на оленя и большого лося устраивали церемониальную охоту. Нет особых оснований полагать, что вегетарианцы хопи на протяжении веков получали нечто большее, чем вкус животной пищи, чтобы разнообразить свой рацион. Раньше антилопа, должно быть, была более важной, хотя ее всегда было трудно поймать. Теперь хопи волей-неволей охотятся на кроликов, поскольку из всех охотничьих животных в этом регионе выживают только *табо*, или хлопкохвост, и *сови*, или заяц.

Если кому-то доведется увидеть отправляющийся на охоту отряд или столкнуться с ними в активной погоне, он получит новый опыт и задастся вопросом, что означают все эти крики, лай собак и беготня туда-сюда, если он не боится, что встретил Мирных Людей на тропе войны. Вымазанные глиной охотники имеют странный вид. В руках у них лук и стрелы, дубовые бумеранги, различные дубинки и палки. Одному из участников отряда поручается нести кроликов, и он обычно ездит верхом на ослике. Среди скал на склонах плато они то и дело перестреливаются, как койоты, и с таким же дьявольским шумом. У кроликов мало шансов, если только они не зарываются в землю, и даже тогда хопи перестают их выкапывать или выкручивать. Такая охота означает, возможно, шестьдесят или семьдесят миль тяжелой работы, прежде чем охотники поднимутся на домашнюю гору со своей добычей, чтобы “покормить орлов” или для какой-либо другой церемониальной цели.

На некоторых церемониальных охот выходит до сотни хопи, и в таких случаях те, кто верхом, на осликах или пешком, загоняют кроликов в сужающийся круг и вступают в захватывающую рукопашную схватку, в которой проявляется больше энергии, чем в футбольном матче. Если по какой-либо причине кроликов мало, а результат охоты невелик, хопи возвращаются несколько подавленными и им нечего сказать, но если *совимақта* удался, они торжествующе выходят с громкими криками и ликующими песнями.

Прогуливаясь по пуэбло, можно увидеть много вещей, связанных с религиозной жизнью хопи, особенно святыни. Рассказ о наиболее заметных из них может оказаться интересным.

Не часто человеку выпадает стоять в центре мира. Это чувство не должно отличаться от того, которое возникает при нахождении в любом другом месте на земле, но в присутствии святилища, которым вальпийцы отмечают это таинственное место, в голове возникает ряд вопросов. В Иерусалиме, в Мекке и, возможно, в сотне других мест находятся подлинные земные центры, каждый из которых установлен эдиктами церкви или последним словом мудрецов и защищен от всех желающих. Споры о центре мира во времена, когда люди еще не знали, что земля круглая, забавляют просвещенных людей девятнадцатого века.

Хопи чувствовали потребность в центре земли точно так же, как и другие невежественные люди в древние времена, поэтому под утесами мяса среди скал они разместили свое святилище и

приносили свои подношения. Без сомнения, было бы очень интересно узнать, что хопи думают об этом конкретном святилище.

Возле каждого пуэбло есть множество других святилищ, и, вероятно, их можно случайно встретить в укромных местах среди скал, где повсюду разбросаны подношения, некоторые новые, со свежей краской и перьями, а некоторые сильно потрепанные непогодой. Рядом с Солнечным источником в Валпи есть место, где на земле лежит множество округлых деревянных брусков. Это Святилище Орла, и кусочки дерева символизируют орлиные яйца; зеленая краска и хлопчатобумажная нитка с украшающим их молитвенным пером вскоре выгорают на солнце и ветру.

Хотя совать нос в эти священные места - плохая политика, зная, что зоркие глаза хопи наблюдают за происходящим с вершины горной горы, все же случайно можно посетить некоторые из наиболее интересных святынь.

На вершине холма Уолпи, где несколько столетий назад стоял старый город, находится несколько святилищ, к одному из которых *качина* после церемоний отправляются возложить свои сосновые венки, привезенные с гор Сан-Франциско, и сделать подношения из красок и муки "дыхательным пером". Здесь также делают подношения умершим. В другом месте кусты увешаны маленькими кружочками из раскрашенной тыквы, на каждом из которых перышко, изображающее цветок тыквы.

Груда мелких камней - это святилище Мас-а-гивны, и каждый, кто передает их в качестве подношения ужасному богу земли, смерти и огня, добавляет по камню. Ни один ортодоксальный хопи не осмелился бы не бросить камень, сопровождаемый молитвой Масауа, о котором все говорят в страхе и затаив дыхание. Таким образом, по уважительной причине в Хопленде можно увидеть множество святилищ этого бога, поскольку это необходимо для умиротворения этого мстительного существа.

Каждый, кто приезжает в Уолпи, видит великое святилище в ущелье, которое называется "святилище в конце тропы". Основание и стенки представляют собой большие каменные плиты, а внутри находятся различные камни странной формы, окружающие свернувшееся кольцо ископаемое, которое хопи считают каменной змеей. Во время церемонии зимнего Солнца вся эта каменная шкатулка расцветает молитвенными палочками с перьями, почти скрывая святыню и превращая ее в прекрасное сооружение.

Этот народ время от времени посещает другие святыне места, большинство из которых представляют собой руины заброшенных городов, которые с радостью совершают длительные путешествия в горы и сбегают к ручьям за священной водой, сосновыми ветками или травами. Они носят с собой молитвенные палочки из перьев и священную трапезу в качестве подношений местным богам. Одним из ручьев, из которых берут святую воду, является Клир-Крик близ города Уинслоу, в семидесяти пяти милях к югу от Уолпи.

На каждом поле есть святилище, и там часто можно увидеть *пахо*; это также обычай зуни и других пуэбло. В центре главной площади каждого пуэбло можно увидеть каменный ящик с каменной плитой вместо двери, которая открывается на восток. Это называется *пахоки*, или "дом пахосов", центральное святилище деревни, и оно тщательно запечатывается, когда им не пользуются.

Следовало ожидать, что святилища древних пуэбло исчезли, и это правда, что такие останки - самые редкие, встречающиеся при исследовании руин. Тем не менее, несколько следов вознаграждают за тщательные поиски на окраинах многих руин. Святилище, сделанное из каменных плит, расписанных символическими изображениями дождевого облака, было найдено в древнем городе Аватоби и сейчас находится в Национальном музее.

В пещерах и выемках в скалах горных массивов хранятся священные вещи этих обществ. Эти места, хотя, возможно, и не являются святилищами, хранятся в неприкосновенности, и никакие любопытные белые посетители не заглядывали в них, даже те, кто пользуется благосклонностью священников.

Однажды случайно двое исследователей наткнулись на такую сокровищницу и с некоторым трепетом сфотографировали ее. В темной расщелине под камнями стояли кувшины, в которых носили “змеиное лекарство”. Они были расставлены без особого порядка рядом с самой замечательной резной каменной фигурой *Талатумси*, “богини рассвета”, раскрашенной и облаченной в костюм этого божества. По правде говоря, эта маленькая пещера имела устрашающий вид, и, зная также о запрете совать нос не в свое дело, можно было вздохнуть свободнее, удалившись подальше от этого района.

Хотя у хопи, возможно, и нет домашних святилищ, и это сказано с осторожностью, поскольку об их домашней жизни известно не так уж много, все же в некоторых домах есть грубые каменные изваяния, которым поклоняются. Эти изображения могут быть домашними богами, подобными Ларам и Пенатам древних. Никто бы не удивился, узнав, что хопи почитают очаг священным и приносят ему жертвы как святилищу Масауа, ужасного правителя подземного мира.

Таким образом, хотя в наших городах есть интересные церкви и исторические здания, ни одно из них не может соперничать с высокими домами хопи, окруженными примитивными святилищами богов природы, которые, по их простой вере, защищают людей и посылают дожди, обеспечивающие обильный урожай.

VIII МИФЫ

До сих пор мифы хопи систематически не собраны, следовательно, наше представление о более глубокой работе разума хопи ограничено. Ни один наблюдатель, знакомый с языком, не жил с Добрыми Людьми, чтобы услышать от морщинистых мудрецов рассказы о начале и объяснения вещей, которые должны храниться в их умах, если сохранившиеся фрагментарные высказывания могут служить указанием. В качестве примеров, демонстрирующих размах и глубину воображения этих индейцев, приведены несколько мифов, взятых в основном из трудов доктора Дж. Уолтера Фукса.^[11]

[11] С момента написания этой статьи преподобный Х. Р. Вон опубликовал ценный сборник народных сказок и мифов. Полевой музей. Паб. 96.

В первые дни, когда мир был молод, множество монстров, большинство из которых были враждебны человеку, бродили по земле или кишели в небе, и особенно преследовали хопи. Эти монстры были гигантских размеров и обладали особым оружием огромной мощности, которое помогало им в их сверхъестественном ремесле. Долго стонали люди под натиском чудовищ, и о времени и способе их избавления они с удовольствием рассказывают во многих жутких историях зимними ночами у своих мерцающих костров в пиньонском лесу.

На земле жила Женщина-паук, древняя от века, полная мудрости и с нежностью относившаяся к своему народу хопи. От луча света и капли дождя у нее родились Близнецы; один, сын света, был маленьким богом войны по имени Юноша; другим был Эхо, сын облака.

Юноша стал спасителем народа; его героические подвиги в старые времена по уничтожению чудовищ до сих пор вызывают благоговение у хопи и воспоминание о нем на их церемониях.

Завоевания Близнецов породили множество странных приключений. Превращение Близнецами человека-орла - любимая легенда хопи.

Наверху, в самом сердце неба, жил Человек-Орел. Он обрушился на людей всей земли, унося женщин и дев в свой дом, где через четыре дня пожирал их. Юноша, направляясь в горы Сан-Франциско, встретил у подножия холмов служанок Пиньон, одетых в плащи из коры пиньон и травы, и здесь же он встретил Женщину-Паука и Крота. “Ты пришел”, - сказали они в знак приветствия. “Садись; откуда ты?” Тогда Юноша сказал: “Человек-Орел унес мою невесту, и я хочу вернуть ее”. “Я помогу тебе”, - сказала Женщина-Паук.

Она приказала служанкам-Пиньонам собрать пиньоновую жвачку, вымыть ее и сшить одежду, в точности имитирующую кремневый наконечник стрелы, который делал Человека-Орла неуязвимым. Они так и сделали, и Женщина-Паук подарила это вместе с мукой очарования Юноше. Тогда в виде паучка, такого маленького, что его не было видно, она уселась на правое ухо Юноши, чтобы прошептать совет. Мол повел их на вершину горы, но служанки Пиньон остались позади.

Когда они достигли вершины, Орел спикировал вниз; они сели ему на спину, и он парил вместе с ними, пока не устал. Ястреб подлетел совсем близко и на своей спине поднял их еще выше в небо. Когда Серый Ястреб устал, он взял их и поднялся с ними в небеса, пока не смог идти дальше, и Красный Ястреб принял ношу; таким образом, они летели вверх на огромное расстояние, пока искатели приключений не достигли расселины в небе, через которую Юноша, Женщина-Паук и Крот прошли и увидели большой белый дом, в котором жил Человек-Орел.

Перекладки лестницы, ведущей в дом, были заменены острыми кремневыми ножами. Женщина-паук посоветовала Юноше, прежде чем подниматься по лестнице, набрать горсть ягод сумаха и отдать их Ящерице, которая приняла их с благодарностью, прожевала и вернула ему жвачку. Юноша натер острые перекладки пережеванными ягодами, и они сразу затупились, и он смог подняться по лестнице, не порезавшись. Когда он вошел в дом Человека-Орла, он увидел, что доспехи монстра с кремневым наконечником стрелы висят на колышке в нише, и он сразу же обменял их на фальшивые доспехи, которые ему подарили служанки Пиньон. В другой нише он увидел Человека-Орла и его потерянную жену. Он крикнул ей, что пришел спасти ее от чудовища, и она ответила, что рада, но что он не может этого сделать, так как никто никогда не покидал это место живым. Юноша ответил: “Не бойся, скоро ты снова будешь моей”.

Очарование Женщины-Паука было настолько сильным, что Человек-Орел не услышал, что было сказано, но вскоре он проснулся и надел имитацию кремневых доспехов, не обнаружив обмана. Тогда он впервые заметил присутствие Юноши и потребовал то, что тот хотел. “Я пришел забрать свою жену домой”, - ответил герой. Человек-Орел сказал: “Мы должны рискнуть, чтобы решить это, и если ты проиграешь, я убью тебя”, - на что Юноша согласился. Человек-Орел достал огромную трубку, больше человеческой головы, и, набив ее табаком, отдал герою, сказав: “Ты должен выкурить ее полностью, и если у тебя закружится голова или появится тошнота, ты проиграл”. Итак, Юноша раскурил трубку и закурил, но ничего не выдохнул. Он держал трубку раскаленной, проглотил весь дым и не почувствовал никакого вреда, потому что пропустил его через свое тело в подземный ход, вырытый Кротом. Человек-Орел был поражен и спросил, что стало с дымом. Юноша, подойдя к двери, показал ему огромные клубы густого дыма, выходящие из четырех сторон света, и чудовище увидело, что проиграло.

Но Человек-Орел предпринял вторую попытку с героем. Он принес два оленьих рога, сказав: “Каждый из нас выберет по одному, и тот, кому не удастся сломать тот, который он выберет, проиграет”. Рог, который он положил с северо-западной стороны, был настоящим рогом, а с юго-восточной - имитацией, сделанной из хрупкого дерева. Женщина-Паук побудила Юношу потребовать первого выбора, но Человек-Орел отказал ему в этом праве. После того, как юноша настаивал четыре раза, Человек-Орел уступил, и герой выбрал хрупкий рог и разломал его зубцы на части, но Человек-Орел не смог сломать настоящий рог и, таким образом, проиграл во второй раз.

У Человека-Орла были две прекрасные, большие сосны, росшие возле его дома, и он сказал герою: “Ты выберешь одно из этих деревьев, а я возьму другое, и тот, кто вырвет одно из них с корнем, победит”. Теперь Крот зарылся под одно из них и обгрыз все его корни, обрезав их; и пробежал по своему туннелю и сидел у его входа, вглядываясь сквозь траву, желая увидеть, как Юноша победит. Герой с помощью своей бабушки выбрал дерево, которое приготовил Крот, сорвал его и сбросил со скалы, но Человек-Орел боролся с другим деревом и не мог сдвинуть его с места, поэтому он был недоволен своим третьим поражением.

Тогда Человек-Орел разложил на полу большой запас еды и сказал Юноше, что он должен съесть все за один присест. Юноша сел и съел все мясо, хлеб и кашу, опустошая одну миску с едой за другой, и не выказал никаких признаков удовлетворения, пока все не было съедено; потому что Крот снова помог ему и вырыл внизу большую яму, чтобы собрать еду, и Юноша вышел победителем в четвертый раз.

Затем Человек-Орел сложил большую кучу дров и велел Юноше сесть на нее, сказав, что он подожжет ее и что, если он не пострадает, то подвергнет себя такому же испытанию. Юноша занял отведенное ему место, а Человек-Орел поджег кучу дров по четырем сторонам света, и она быстро запылала. Наконечники стрел, из которых были сделаны кремневые доспехи, были покрыты льдом, который растаял, так что вода стекала вниз и не давала Юноше обжечься, и вся куча дров сгорела, оставив Юношу невредимым.

Чудовище было преисполнено удивления и очень опечалилось, когда увидело, как Юноша складывает еще одну большую кучу дров. Все еще думая, что на нем огнезащитный костюм, он взобрался на поленницу, которую Юноша зажег по четырем сторонам света. Топливо вспыхнуло, и как только огонь коснулся искусственной брони из жевательной резинки, она вспыхнула со вспышкой, и монстр был уничтожен. По подсказке Женщины-Паука Юноша

подошел к пеплу, взял амулет в рот и брызнул им на него, как вдруг появился красивый мужчина. Женщина-пауксказала ему: “Ты воздержись от убийства людей и оставишь свои дурные привычки?” Человек-Орел дал горячее обещание, и Юноша, радуясь, подбежал к своей жене, обнял ее и освободил всех плененных женщин, жен хопи и других народов, которых было много. Орел и Ястреб опустили их на землю на своих широких крыльях.

По равнинам и горам бродил Гигантский Лось. Он был во много раз крупнее обычного лося и врагом хопи, которых он убивал своими огромными рогами, смеясь над их стрелами и кремневыми ножами.

Никто не был в безопасности от этого бродячего монстра, врага живых существ, поэтому Близнецы решили испытать с ним силу и ловкость. Случилось так, что Гигантский Лось лежал в красивой долине, под осиновыми деревьями в горах Сан-Франциско. Недалеко от дома Юношей была эта долина, и когда они пытались выследить Гигантского Лося, Крот встретил их и сказал: “Не встречайтесь с ним, ибо он силен и может убить вас; ждите здесь, и я помогу вам”.

Затем Крот выкопал в земле четыре камеры, одну под другой, и заставил Близнецов оставаться в верхней. Он вырыл длинный туннель и, подойдя к Лосю, вырвал немного мягких волос у него над сердцем, на что Лось повернул голову и посмотрел вниз, но Крот сказал: “Не сердись, я всего лишь хочу немного мягких волос, чтобы постелить постель моим детям”. Поэтому Лось позволил ему продолжить ощипывание. Но Крот удалил достаточно меха, чтобы оставить кожу совершенно обнаженной над сердцем и обречь Лося на смерть. Затем он вернулся к Близнецам и рассказал им, что он сделал, и они метнули молнии и ранили Лося, который вскочил на ноги и яростно атаковал. Но Близнецы спрятались в верхней комнате, и когда Лось попытался забодать их, его рога оказались недостаточно длинными; он снова атаковал и опустил свои рога вниз, но Близнецы благополучно отступили во вторую комнату; он снова попытался добраться до них, но они были в безопасности в третьей комнате. Они отступили в четвертую камеру, и когда Лось предпринял еще одну попытку, он упал замертво.

Бурундук, который был свидетелем драки, поспешил к Близнецам и, поблагодарив их, сказал, что пришел показать им, как разрезать тело монстра, что он вскоре и сделал своими острыми зубами. Один из Близнецов поблагодарил Бурундука и, наклонившись, окунул кончики первых двух пальцев правой руки в кровь Лося и, проведя ими по телу Бурундука, сделал на нем отметины, которые он носит до сих пор.

Это история о том, как Близнецы убили Чавейо, который был великаном древних времен, одетым в кремневые доспехи и всегда искавшим людей, чтобы их сожрать.

Однажды Близнецы отправились к большому бассейну недалеко от горы Тейлор, и вскоре Чавейо тоже пришел туда; он опустил на колени и выпил четыре раза, опорожнив бассейн. Затем он встал, почуял запах Близнецов и метнул в них свое оружие, но один из Близнецов подпрыгнул в воздухе, и когда оружие пролетело под ним, он поймал его рукой. Затем Чавейо метнул в героя свою молнию, но один из Близнецов поймал ее, так как у него было оружие. Маленький бог войны метнул свое оружие в Чавейо, но оно отскочило от его кремневой рубашки. Затем Юноша метнул молнию, но она только ошеломила его. После этого они бросили в Чавейо еще несколько молний, которые сбили его с ног и убили наповал.

Другая история рассказывает о том, как Близнецы посетили солнце.

Близнецы жили с Женщиной-Пауком, своей матерью, на западной стороне горы Тейлор и хотели увидеть дом своего отца. Женщина-паук дала им в качестве талисмана что-то вроде еды и велела, когда они встретятся со стражами дома Солнца, немного пожевать и выплеснуть на них.

Близнецы отправились далеко на восход солнца, туда, где в дом Солнца можно попасть через небесный каньон. Там несут вахту Медведь, Горный лев, Змея и Закрытие Каньона. Небо в этом месте твердое, а стены входа постоянно открываются и закрываются и раздавили бы любого постороннего человека, который попытался бы пройти.

Когда Близнецы приблизились к вечно свирепым наблюдателям, след пролегал по узкой тропинке; они обнаружили, что она привела их к месту, с одной стороны которого был отвесный утес, а с другой - обрыв, отвесно уходивший Вниз (Подземный мир). Там сидел старик, прислонившись спиной к стене и подтянув колени к подбородку. Когда они попытались пройти мимо, старик внезапно вытянул ноги, пытаясь сбросить прохожих с обрыва. Но они отскочили назад и спасли себя, а в ответ на протест старик сказал, что у него свело ноги, и он просто вытянул их для облегчения. После чего герой вспомнил о заклинании, которым он владел для направления на юго-запад, и обрушил его на старика, заставив злобного старикашку оставаться совершенно неподвижным, вытянув ноги, пока Близнецы не прошли.

Затем они перешли к наблюдателям, стражам входа в дом Солнца, которых они подчинили таким же образом. Они также распылили заклинание по бокам утеса, так что он прекратил свои колебания и оставался открытым до тех пор, пока они не прошли мимо.

Когда эти опасности миновали, они вошли в дом Солнца и были встречены женой Солнца, которая постелила им постель из циновок. Вскоре Сан вернулся домой из своего путешествия по подземному миру, сказав:

Я чувствую здесь запах чужих детей; когда мужчины уезжают, их жены попадают в объятия незнакомцев. Где дети, которые у вас есть?

Итак, она привела к нему Близнецов, и он положил их в кремневую печь и развел жаркий огонь. Через некоторое время, когда он открыл дверцу духовки, Близнецы, смеясь, выскочили и заплясали у него на коленях, и он понял, что это его сыновья.^[12]

^[12] Из “Уничтожения тусайских монстров” Дж. Уолтера Фьюкса; Журн. Америка. Фольклор, апрель-июнь 1895 г., стр. 136-137.

Доктор Дж. Уолтер Фоукс говорит:

Хопи, как и многие другие народы, вспоминают мифические времена, когда, по их мнению, их предки жили в “раю”, штате или месте, где еды (кукурузы) было вдоволь, а дождей — обильно, в мире вечного лета и цветов. Их легенды повествуют о том, как, когда неурожай кукурузы или прекратились дожди, герои культуры отправились на поиски этого воображаемого или идеального дома предков, чтобы изучить “лекарство”, которое благословило эту счастливую землю. Каждое жреческое общество рассказывает историю своего собственного героя, который обычно привозил из этой страны невесту, которая передавала своему сыну знания об алтарях, песнях и молитвах, которые заставляли урожай расти, а дожди выпадать в ее родной стране. Чтобы досконально ознакомиться с обрядами,

он женится на служанке, поскольку в противном случае после его смерти они были бы утрачены, поскольку знания о “медицине” передаются не через его клан, а ребенку его жены. Итак, герой-Змея привел служанку-Змею (девушку Кукурузного дождя) из подземного мира, героиню Флейты, ее сестру, Маленького Бога Войны *Лаконе ману*. В старые времена герой *Катчины*, охотясь на кролика, попал в местность, где не было снега. Там он увидел других *жителей* Катчины, танцующих среди прекрасных садов. Он получил от них дыни и, неся их домой, рассказал странную историю о народе, населявшем страну, где в середине зимы цвели растения. Героя и его товарища отправили обратно, и они остались с этими людьми, вернувшись домой в феврале, нагруженные фруктами. Они выучили песни тех, с кем жили, и учили их в киве своего собственного народа.^[13]

^[13] Журнал. Амер. ист. и арх., Том. II, стр. 152. Герой Качины в этой истории, по-видимому, не привез жену из этого народа.

Большинство миграционных традиций полны мифических элементов, которые были включены в то, что часто считалось подлинной историей. Одна из них, повествующая о странствиях некоторых южных кланов, приводится доктором Фьюксом.

В Красном Доме на юге царили междоусобные войны, и две ветви народа патки отделились от других хопи и решили вернуться на родину на севере. Но эти две ветви были не в лучших отношениях, и они двигались на север отдельными маршрутами, причем (более поздние поселенцы) Миконинови держались к востоку от (более поздних поселенцев) Валпи.

Патки путешествовали на север, пока не пришли к реке Литтл-Колорадо и не построили дома на ее берегах. Прожив там много лет, фракционные распри, которые, по-видимому, всегда преследовали этих людей, снова вспыхнули, и большая их часть ушла еще дальше на север и построила деревни, руины которых до сих пор видны недалеко от того места, где в настоящее время живут их потомки.

Кабачки (*Miconinovi*) также медленно продвигались на север, занимая, как и все их легендарные перемещения, длительный период неопределенной продолжительности — годы, в течение которых они сажали и строили дома, чередуясь с годами окольных путешествий. Они стали небрежно относиться к соблюдению праздников, и Муинву наказал их. Он заставил воду покраснеть, и цвет людей тоже стал красным; затем он изменил цвет воды на синий, и люди приобрели такой же цвет. Появился Снежный *катчина* и призвал их вернуться к своей религии, но они не обратили на него внимания, поэтому он оставил их и забрал кукурузу. *Затем Муинву послал Палулукона*, который убивал кроликов и выливал их кровь в источники и ручьи, и вся вода превратилась в кровь, а люди были поражены чумой. Теперь они вернулись к своим религиозным обрядам, танцевали и пели, но ни одно из божеств не желало их слушать.

Рогатая *катчина* явилась самой старой женщине и сказала ей, что на следующее утро самый старый мужчина должен пойти и раздобыть корень, и что она и юная девственница из ее клана должны съесть его. Через некоторое время она (старуха) родит сына, который женится на девственнице, и их потомство искупит народ. Старуха и девственница послушались *катчины*, и первая родила сына, у которого на голове было два рога. Люди не поверили, что ребенок божественного происхождения; они назвали его чудовищем и убили.

После этого на них были наложены всевозможные мучительные наказания, и где бы они ни останавливались, трава тут же засыхала. Их странствия привели их к подножию гор Сан-Франциско, где они долгое время жили, и в том месте Пресвятая Дева родила дочь, у которой по обе стороны лба было по маленькому бугорку. Они сохранили этого ребенка, и когда она выросла и стала женщиной, появилась рогатая *катчина* и объявила ей, что она родит рогатых близнецов, которые принесут дождь и снимут наказание с их народа. Эта женщина была замужем, и у нее родились близнецы, мальчик и девочка; но она скрыла их божественное происхождение, опасаясь, что они будут уничтожены.

The *Патун* (Сквош) теперь переехали в Литтл-Колорадо, где построили дома и познакомились с некоторыми из *Патки* патки, с которыми они поделились своими бедами. К ним подошел мудрец из *патки* и, увидев близнецов, сразу объявил, что это *Алосака*. До этого времени у них не было рогов, но как только было сделано это объявление, их рога стали видны, и затем близнецы обратились к людям и сказали, что было predetermined, что они не смогут помочь своему народу, пока люди сами не узнают, кто они такие. *Патуны* пришли в такую ярость, узнав, что *алосака* был с ними, неведомый столько лет, что убили их, и последовали еще большие страдания.

Они снова раскаялись и вырезали два каменных изображения *Алосаки*, которые они раскрасили и украсили перьями, стремясь умиловить мать. Она была полна жалости к своему народу и молила бога Неба помочь им. Прошел период, за который их беды в значительной степени уменьшились.

Тогда *патуны* попытались присоединиться к кланам *патки*, но *патки* не позволили этого и вынудили их держаться к востоку от Аватоби.

Множество руин фратрий и семейных домов народа *патун* находятся на небольших речушках к северу от Пуэрко на разном расстоянии к востоку от нынешней деревни Валпи. Ближайшие находятся почти в пятнадцати милях, самые дальние - примерно в пятидесяти.

Теперь их странствия прекратились. Когда они попытались продвинуться дальше на восток, кочевая охотничья раса, населявшая этот регион, умоляла их не продвигаться дальше. Их дурная слава опередила их, и кочевники опасались пагубного влияния своего соседства. Однако, похоже, что вместо враждебных демонстраций кочевники заключили с ними договор, предложив платить дань олениной, кореньями и семенами травы, если они воздержатся от пересечения и разорения их земель, на что *патуны* согласились.

Но эти несчастные вскоре снова оказались втянуты во фракционную войну, в которую в конечном итоге были вовлечены все хопи, и каменные изображения *алосаки* были утеряны или уничтожены. Голод и мор снова опустошали их, пока, наконец, *им не явился Алосака катчина* и не приказал им вырезать два деревянных изображения, но пригрозил им, что, если эти изображения будут потеряны или уничтожены, все люди умрут.

Существует множество других, но широко расходящихся легенд об *Алосаке*, некоторые из которых связаны с пуэбло Аватоби, которое ранее было одним из самых густонаселенных городов хопи. Когда-то эта деревня переживала засуху и голод, и *Алосака* из своего дома в горах Сан-Франциско наблюдал за бедственным положением людей. Переодевшись юношей, он посетил Аватоби и влюбился в девушку из этого города. Несколько раз он навещал ее, но никто не знал, откуда он приходил и куда направлялся, потому что по его следу никто не мог проследить. Родители девочки, наконец, обнаружили, что он пришел на радуге, и признали в

нем божественное существо. Детьми этой девушки были рогатые существа, или *алосаки*, но их личность поначалу не была установлена.

Как и все герои культа, в легендах говорится, что *Алосака* был чудесным образом рожден от девственницы. Его отцом было Солнце, матерью - богиня Земли, иногда называемая девой. Подобно многим богам, он путешествовал по радуге; он жил в Таваки, доме своего отца, Солнца, или в горах Сан-Франциско.^[14]

^[14] Культ Алосака индейцев хопи, Дж. Уолтер Февкс; американский антрополог (N. S.), том. I, июль 1899 г., стр. 535-539.

Существует еще одно предание о кланах, переселившихся с юга, собранное покойным А. М. Стивенсом от некого иного, как Ановиты (стр. 208), которая была вождем Облачного народа. Традиция такова:

Мы не приехали прямо в этот регион [Тусаян], у нас не было определенного намерения относительно того, куда нам следует направиться. Нас зовут патки ньому, и мы жили в Палаткваби (Красная земля), где растет высокая и обильная агава; возможно, это было в регионе, который американцы называют долиной Гила, но я в этом не уверен. Это было далеко к югу отсюда, и большая река протекала мимо нашей деревни, которая была большой, а дома высокими, и там произошла странная вещь.

В то время наш народ не жил мирно, мы ссорились между собой из-за хижин и других вещей, я слышал, но кто может сказать, что было причиной их ссор? Среди нашего народа был знаменитый охотник, и он отрезал кончики рогов убитого им оленя и [носил их как ожерелье] всегда носил с собой. Он лег в яме во дворе деревни, как будто умер, но наши люди сомневались в этом; они думали, что он только притворяется мертвым, и все же засыпали его землей. На следующий день его вытянутая рука высунулась, четыре пальца выпрямились, а в первый день после этого исчез один палец (был согнут вдвое?); каждый день исчезало по пальцу, пока на четвертый день его руки больше не было видно, и старики подумали, что он кончиками рогов докопался до подземного мира.

На пятый день вода хлынула из дыры, где только что была его рука, и распространилась повсюду. На шестой день *Палулукона* [Змеиное Божество] высунулся из этого отверстия и огляделся во все стороны. Вся нижняя часть была засыпана, и многие утонули, но большая часть наших людей бежала на несколько холмов недалеко от деревни, которые еще не были затоплены.

Когда старики увидели *Палулукону*, они спросили его, чего он хочет, потому что знали, что он вызвал это наводнение; и *Палулукона* сказал: “Я хочу, чтобы ты дал мне юношу и девушку”. Старейшины посоветовались, а затем выбрали самого красивого юношу и самую красивую девушку и нарядили их в их лучшие одежды: юношу - в белый килт и перо-парокет, а девушку - в прекрасную голубую тунику и белую накидку. Эти дети плакали и умоляли своих родителей не отправлять их в *Палулукону*, но старый вождь сказал: “Вы должны идти; не бойтесь: я проведу вас”. И он повел их к деревенскому двору и встал у кромки воды, но отправил детей вброд к *Палулуконе*, и когда они достигли центра двора, где *Палулукона* был божеством, дети исчезли. Затем вода хлынула вслед за ними через огромную впадину, и земля задрожала, и многие дома рухнули, и из этой впадины торчал

огромный холм из темного камня. Этот каменный холм был блестящим и переливался всеми цветами радуги; он был прекрасен, и, как мне сказали, он все еще остается там.

Апачи Белой горы сказали мне, что они знают место на юге, где старые дома окружают большую скалу, а земля в окрестностях влажная и заболоченная.

Мы отправились на север от *Палаткваби* и продолжали двигаться до тех пор, пока у людей оставались хоть какие-то силы, пока они дышали. Во время этих путешествий мы останавливались только на один день за раз. Утром наш вождь посадил кукурузу, прилетела стрекоза и зависла над стеблями, и к полудню кукуруза созрела; к заходу солнца она совсем высохла, и стебли опали, и мы отправились в том направлении, куда бы они ни указывали.

Когда кто-нибудь заболел, или когда дети капризничали и плакали, или молодые люди тосковали по дому, Койял Катчина (юноша и девушка) приходила и танцевала перед ними; тогда больные выздоравливали, дети смеялись, а грустные становились веселыми. Мы продолжали бы путешествовать до тех пор, пока все не устанет окончательно, тогда мы бы остановились и построили дома и посадили растения, оставаясь, возможно, на много лет. Одно из таких мест, где мы жили, находится недалеко от Сан-Карлоса, в долине, а другое - на горной горе, рядом с источником, который апачи называют Водой Койота.

Когда мы приехали в долину Литл-Колорадо, к югу от того места, где сейчас находится Уинслоу, мы построили дома и жили там; затем мы перешли на северную сторону долины и построили дома в Хомолоби. Какое-то время это было хорошее место, но налетели мухи и покусали грудных детей, в результате чего многие из них умерли, поэтому мы уехали оттуда и отправились в Ципу (недалеко от источника Кума). Наконец мы нашли хопи, некоторые из них отправились в каждую из деревень, кроме Аватоби; никто туда не ходил.^[15]

^[15] Космос Минделефф, 13-й ежегодный отчет Бюро американской этнологии, стр. 188-189.

Фигура руки с растопыренными пальцами очень распространена в окрестностях руин в виде наскальной гравюры, а также ее часто можно увидеть намалеванной на камнях цветными пигментами или белой глиной. Это остатки испытания, которое раньше практиковалось молодыми людьми, стремившимися к вступлению в братство Калако. Калако - это троица из двух женщин и мужчины, от которых хопи получили первую кукурузу и о которых рассказывают следующую легенду:

Здесь не было ни родников, ни ручьев, хотя вода была так близко к поверхности, что ее можно было найти, потянув за пучок травы. Однако у людей было очень мало еды, и они умоляли Масаувуха помочь им, но он не мог.

Пришел маленький старичок, карлик, который сказал, что у него есть две сестры, которые были женами Калако, и, возможно, было бы неплохо обратиться к ним с прошением. Итак, они приготовили жертвенник, каждый мужчина сделал *пахо*, и они были установлены в земле так, чтобы окружать песчаный холмик, ибо это произошло до того, как появились дома.

Брат Масаувуха пришел и рассказал им, что когда Калако выходил на поверхность земли, везде, куда он ставил ногу, образовывалась глубокая пропасть, тогда они приносили к алтарю огромный камень, на котором мог стоять Калако, и устанавливали его между

двумя *лахо*, предназначенными для его жен. Затем люди взяли свои трещотки и встали вокруг алтаря, каждый перед своим *лахо*; но они стояли молча, потому что не знали песни, которой можно было бы призвать этого странного бога. Они долго стояли там, потому что боялись начинать церемонию, пока один юноша, выбрав самую большую погремушку, не начал трясти ею и петь. Вскоре послышался звук, похожий на журчание воды, но воды не было видно; звук, также похожий на сильный ветер, но воздух был совершенно спокоен, и было видно, что в скале посередине проделана огромная дыра. Люди испугались и разбежались, все, кроме молодого парня, который пел заклинание.

Вскоре после этого парень вернулся к ним, и они увидели, что его спина была порезана и кровоточила, а также покрыта щепками юкки и ивы. Бичевание, сказал он им, было проведено Калако, который сказал ему, что он должен вытерпеть эту рваную рану, прежде чем сможет взглянуть на призванных им существ; что только те, кто прошел через его испытания, могут стать видимыми для Калако; и поскольку парень так хорошо выдержал испытание, отныне он должен быть главой алтаря Калако. Юноша не мог описать Калако, но сказал, что две его жены были чрезвычайно красивы и одеты во всевозможные изысканные одежды. На них были огромные головные уборы из облаков и всевозможных сортов кукурузы, которые они должны были отдать хопи для выращивания в пищу. Это были белая, красная, желтая, синяя, черная, сине-белая в крапинку и красно-желтая в крапинку кукуруза, а также сеяная трава (*квапи*).

Юноша вернулся к алтарю и потряс своей погремушкой над отверстием в скале, и изнутри Калако заговорил с ним и дал ему инструкции. В соответствии с этим он собрал всех юношей хопи и привел их к скале, чтобы Калако мог выбрать кого-нибудь из них в качестве своих священников. Первым испытанием было окунуть руки в грязь и прижать их к камню. В качестве новичков были выбраны только те, отпечатки рук которых мгновенно высохли. Затем выбранные юноши вошли в алтарь и прошли испытание бичеванием. Калако хлестал их южкой и ивой. Тем, кто не поднимал шума, было велено оставаться у алтаря и воздерживаться от соли и мяса в течение десяти дней, когда Калако вернется и проинструктирует их относительно обрядов, которые следует совершать, когда они обратятся к нему за помощью.

Калако и две его жены явились в назначенное время и после множества церемоний раздали каждому из посвященных по пять зерен каждого из различных видов кукурузы. Женщинам хопи было велено поставить у подножия скалы корзины, сплетенные из травы, и жены Калако положили в них семена кабачков, дынь, фасоли и всех других овощей, которыми с тех пор владели хопи. Калако и его жены, объявив, что они снова вернутся, сняли свои маски и одежды и, положив их на камень, исчезли в нем.

Через некоторое время после этого, когда посвященные собрались у алтаря, им явился Огромный Пернатый Змей и сказал, что Калако не сможет вернуться, пока один из них не наберется смелости спустить маску и одежду в яму и отдать их ему. Все они были напуганы, но старейший мужчина хопи одолел их, и ему было поручено вернуться и представлять Калако.

Вскоре после этого Масауух украл атрибутику и вместе с двумя своими братьями переоделся Калако и его женами. Это привело хопи к большим неприятностям, и они навлекли на себя гнев Муйинву, который уничтожил все их зерно. Один из хопи, наконец, обнаружил, что предполагаемый Калако держал в руке кедровую ветку, тогда как это

должна была быть ива; тогда они поняли, что это Масаувух ввел их в заблуждение. Мальчик-герой однажды нашел Масаувуха спящим и таким образом вернул себе маску, после чего Муйинвух отменил свое наказание и послал *Палулукона* (Пернатого Змея) сказать хопи, что Калако никогда к ним не вернется, но что мальчик-герой должен носить свою маску и представлять его, а его праздник следует отмечать, когда у них наберется необходимое количество послушников для инициации.

Празднование происходит в современных пуэбло хопи на церемонии Поваму, где представитель Калако пороет детей. Изображение Калако можно найти на алтарях Поваму в нескольких деревнях хопи.^[16]

^[16] Доктор Дж. Уолтер Февкс, Экспедиция в Аризону в 1895 году, 17-й ежегодный отчет Бюро американской этнологии, часть 2, Вашингтон, 1898. С имеет звук sh.

IX ТРАДИЦИИ И ИСТОРИЯ

Когда люди стареют, они, как бы осознавая уходящие годы, начинают желать или даже стремиться передать молодым умам то, чему они научились. Историк хопи обращается за информацией к старикам; молодые люди по законам роста живут настоящим. Поэтому, когда умирает старик, возникает чувство сожаления; особенно когда уходит такой сведущий в знаниях своего народа человек, как Масимптуа, ибо кто знает, запечатлеваются ли картины его мозга в умах нового поколения или они утрачены навсегда?

Масимптуа был одним из главных людей Восточной Месы. Его дом был таким же большим и опрятным, как любой другой в Сихомови, где больше места для строительства больших жилищ, чем в ограниченном Валпи с его узкими кельями. Его дети выросли и поженились, и многие малыши называли его дедушкой. До сих пор его место упокоения находится среди камней на склоне плато ниже города, без опознавательных знаков, как и те из его предков, которые спят за стенами разрушенных городов Юго-Запада. Приятно вспоминать “Маси” в его веселые дни, до того, как тень упала на его солнечный дух. В те дни он был настоящим хопи, возможно, немного неистовым, но по-настоящему открытым сердцем. Ни один человек во всем племени не мог бы более живо рассказать легендарную историю древних времен, поэтому Маси известен всем, кто знал его, как выразитель традиций хопи. Часто летними вечерами, возвращаясь со своих полей, он останавливался в лагере белых людей у Солнечного источника, чтобы по-дружески покурить и поболтать. Здесь, под добродушным влиянием, ведомый умелыми расспросами, он рассказывал множество историй, столь же интересных, как у восточного сказителя, пока не угасал закат и яркие звезды не мерцали в ясном ночном небе.

Одна из его историй дает представление о событиях, происходивших в Хопленде несколько столетий назад. В то время люди страдали от нападений банд апачей, которые выходили из своих охотничьих угодий на юг в поисках неприятностей. Тропы, ведущие на плато, были закрыты, и хопи поднимались и спускались по отвесным склонам скал с помощью лестницы, которую можно было подтянуть в случае опасности. Маси не мог удержаться от того, чтобы не расписать доблесть хопи в ярких красках, когда описывал последнее нападение апачей,

совершенное, когда его дед был мальчиком. Он возбужденно жестикулировал, как будто наносил смертельный удар каждому поверженному врагу, бежавшему перед доблестными хопи, и его слушатели заразились его энтузиазмом и вместе с ним сразили ненавистного врага.

Другая традиция, которую он рассказал, касалась древних людей. Посмотрев на юго-запад, он сказал: “Видишь ли ты две маленькие вершины, расположенные близко друг к другу на горизонте? Здесь находится один из домов солнца, где оно отдыхает, когда находится на западе. Наш народ когда-то жил в скальном городке на вершине слева. Город назывался “*Чуб и о чала ки*”, ‘Дом в местечке антилоп’, где также есть сосны, кустарники и цветы, трава и много воды. Кто знает, может быть, именно здесь?” сказал он. - Люди были почти уничтожены великим наводнением, которое продолжало подниматься по равнинам и холмам, пока не достигло почти вершин гор, где в страхе ждали предки. Когда мальчик и девочка были брошены в потоп, наступила безопасность, ибо гнев бога земли был умиротворен, и воды схлынули. Но юноша и девушка-герои были превращены в два огромных каменных столба, которые носят их имена по сей день”. (См. Мифы.)

Эта поразительная легенда о каком-то почти забытом потопе, рассказанная Маси, встречается не только у хопи, но и широко распространена среди пуэбло Юго-Запада. Конечно, сейчас в этом засушливом регионе нет опасности наводнения, но в прежние времена, как показывают обширные уровни и ложа древних озер, здесь должно было быть много воды. Однако традиции Маси не относятся к геологическим периодам.

В другой раз, находясь в припоминающем настроении, Маси поведал, что “очень, очень давно” назад Мирные люди жили на реке Литл-Колорадо недалеко от Уинслоу. Регион, где на протяжении примерно пятнадцати миль было разбросано несколько городов, назывался Гомолоби, “место двух видов”. Здесь люди жили за столетия до того, как пришли на обрывистые плато Хопиленд. Позже, когда исследователи проверили точность традиции Маси, они обнаружили в невысоких курганах, отмечающих разрушенные города Гомолоби, множество замечательных реликвий людей, которые жили там еще до того, как Америка получила название. Итак, Маси зарекомендовал себя надежным традиционалистом и “честным человеком”, как говорит Тоби, тева.

Поистине удивительно, как традиции и легендарные предания сохранились среди хопи с древних времен. Современные люди, привыкшие полагаться на письменную историю, могли бы быть склонны сомневаться в точности устных преданий, если бы не было особых оснований полагать иначе. Например, у хопи есть ряд традиций испанских монахов, которые жили в их стране после открытия Коронадо около трехсот семидесяти пяти лет назад. Индеец племени ораиби рассказывает об одной из таких второстепенных традиций, которая, как можно было ожидать, была утрачена с течением времени, но была передана с полным сохранением всех деталей.

Дело обстоит следующим образом: монахам, жившим в Ораиби, не нравилась вода из источников близ пуэбло. Вода в Моенкапи, летней деревне Ораиби, превосходна. Священники заставляли индейцев приносить воду из этого места. Случилось так, что индеец, в обязанности которого входило носить воду из Моенкапи, не желая тащить воду за много миль *ради любви к Богу*, однажды наполнил свою флягу водой из Ораиби и принес ее монахам. Попробовав воду, они обвинили индейца в обмане и вынудили его пойти к Моенкапи за добавкой.

Старый вождь Валпи дал длинный и обстоятельный отчет о правлении монахов, против которых даже в эти последние дни он был очень озлоблен. Он с ударением произнес: “*Кастиль шимуно пош калоломи*”, “Испанцы очень плохие”, и рассказал, как они стремились поработить людей, заставляя их таскать большие тополиные бревна из Маленького Колорадо для церквей.

Насколько нам известно, несколько таких балок из старых церквей, украшенных причудливой резьбой, сейчас служат в потолках языческих кивас, или подземных помещений, где проводятся тайные церемонии. “Длинные одежды”, как их еще называют индейцы, могли бы долго держать этот послушный, робкий народ в подчинении в несущественных вещах, таких как труд, но, как рассказывает старый вождь, они вмешались в их освященные веками церемонии поклонения предкам и природе. “Они сказали, что танцы были очень плохими и мы должны их прекратить”, - объяснил старый вождь. Была еще одна жалоба, которую хопи предъявляли монахам, и это было их обращение с женщинами. Вмешательство в религию и обычаи было причиной большинства бед человечества. Наконец Мирные люди повернули вспять, и *кастильские синумо* были сброшены со скалистой горы, и с тех пор хопи проклинают их имена.

Предания о самом первом появлении испанцев перед пуэбло дошли до нас за десять поколений так свежо, как будто события произошли в прошлом году, и их можно сравнить с рассказами самих завоевателей. Такой промежуток времени не придал этим событиям мифического оттенка. Таким образом, можно полагать, что древняя история, ставшая мифической, восходит к очень далеким временам и к регионам, весьма удаленным от нынешних горных массивов Хопиленда. В традициях хопи известны все руины в провинции, те, что находятся к югу от Малого Колорадо и дальше за смутными горами Моголлон на горизонте, а также те, что расположены на поразительных расстояниях от других точек компаса, и мудр тот, кто изучает древние предметы в Тусаяне, который первым делом укрепляет свои силы, копаясь в этом хранилище неписаной истории.

Обязанности воинских вождей не обременительны, поскольку хопи развивали искусство мира до такой степени, что это стало национальной чертой. К счастью для хопи, они принадлежат к тем, кто убегает, даже не для того, чтобы “сразиться в другой раз”, желая жить в довольстве и радуясь существованию на земле, после того как свирепые враги вытеснили многие племена с лица земли. Тем не менее, хопи поддерживают слабым традиционным способом общество воинов, которое соответствует могущественному Жречеству Лука, которое, как говорят, правит Зуни. Таким образом, в деревнях Тусаяна воины служат лишь украшением и храбро танцуют на некоторых церемониях, хотя в какой-то критический период вторжения на общество воинов может пасть необходимость провести “мертвую черту”, как это было раньше.

Когда однажды в 1540 году испанцы остановились под городами хопи, люди пришли в ужас при виде вооруженных завоевателей, и все попрятались по своим домам из страха перед ними. Не так обстояло дело со священниками-воинами, которые, шагая по тропе, посыпали трапезу между городом и испанцами. Согласно древнему обычаю, эта очередь за едой означает, что никто не должен проходить под страхом смертной казни. Один из испанских солдат пересек линию и был убит воинами. Затем испанский монах, прибывший с экспедицией в поисках новых душ для спасения, фактически воскликнул: “Для чего мы здесь?”; последовал залп; хопи впервые услышали выстрел из ружья, и многие из них обратились в прах. Остальные бежали в деревню, которая была основательно напугана ужасным появлением бородатых врагов. На следующий день в испанский лагерь прибыла депутация с подарками и выражением смиренной покорности белым людям.

Более трех столетий спустя отряд войск Соединенных Штатов, посланный для принуждения ораиби за то, что они не отправляли своих детей в школу, столкнулся с аналогичным опытом, но благодаря хорошему управлению не пролилась кровь, и индейские лидеры были сосланы в Калифорнию на год или около того. Любопытно, что в нашей стране, где прошлое забывается так быстро, существуют люди, которые помнят события почти четырехсотлетней давности и извлекают предостережения из них.

На скалах ниже Валпи есть любопытно вырезанная летопись, с которой связана значительная часть военной истории. Послушайте, как Ановита, Вождь Воинов, рассказывает эту историю:

Очень давно юты и апачи всегда хотели убить Хороших Людей. Они были очень плохими. В то время не было тропы вверх по большим скалам *кхопи-ки* “Уолпи”. Люди взбирались вверх и спускались по длинной лестнице, которую можно было поднимать ночью. Я могу показать вам, где стояла лестница. Людям было плохо постоянно находиться в страхе, поэтому они послали гонцов просить тева с Великой Реки прийти и поселиться в Валпи, чтобы сражаться с их врагами. Пришли тева, их было много семей; у источника к северу от Валпи произошла битва, и тева убили столько ютов, сколько осталось отметин, вырубленных в скале под Расщелиной. Ют больше не возвращался. Тева получили земли и источники на востоке, а их деревня была расположена в начале тропы, недалеко от Ущелья, чтобы они могли охранять плато.

Таково происхождение города Тева Хано на Восточной горе, через который должен пройти каждый, кто ищет легкий вход в Валпи. Нельзя не думать, что летописец весенней битвы не поскупился на свой список погибших ютов, который он записал серией линий, вырезанных на гладкой поверхности из песчаника.

Исследования в погребенных городах части древних хопи, которые тянутся от реки Гила до их нынешних домов в горной горе, показывают, что все эти столетия они были невоинственными людьми. Здесь наблюдается наибольшая нехватка оружия, такого как наконечники стрел и копий, и среди многочисленных реликвий мирных занятий можно найти лишь несколько боевых топоров, хотя, несомненно, использовались деревянные дубинки. Это согласуется с положением городов на высоких, легко обороняемых позициях и строительством домов группами, внешние стены которых образуют укрепление, бросающее вызов нападавшим.

Только однажды за всю свою историю хопи разжигали костры войны, и это был религиозный конфликт, который велся в истинно индийской манере. Примерно в начале семнадцатого века испанские священники обосновались в городе Аватоби, расположенном на высокой горной горе к югу от Уолпи. Хопи аватоби процветали, и их долина, открывающая на юге чудесную панораму лавовых холмов, производила в изобилии продукты питания, помимо хлопка для ткачества. Аватоби был большим городом Хопиленда; стены миссионерской церкви до сих пор стоят достаточно высоко, чтобы быть достопримечательностью за много миль отсюда. Дома были четырехэтажными, и их было достаточно, чтобы вместить 1000 душ.

Возможно, это процветание вызывало зависть; возможно, подчинение священникам вызвало вражду; другие хопи сказали, что аватоби были ведьмами, и однажды ночью они собрались, чтобы истребить их. Мужчины Аватоби проводили церемонию в подземных помещениях, когда вниз были брошены пылающие ветки хвороста, за которыми последовали стручки перца, и они

трагически погибли. Тех, кто был схвачен в домах, вывели к источнику и убили. Женщин и детей, многих из них, увезли в другие города хопи и сохранили им жизни.

Эта резня произошла примерно в 1700 году и является самой мрачной страницей в истории Тусаяна; это также показывает, что Мирные люди временами могут проявлять чрезмерное рвение. Во времена, задолго до этого, согласно традиции, сикьятки, дом народа Дров, которые были последними гончарами Тусаяна, был разрушен, как, без сомнения, и другие пуэбло племен, отличных по происхождению от хопи.

История Саалако, который происходит от выжившего во время резни в Аватоби, выглядит следующим образом:

Вожди Вики, Симо и другие рассказывали вам свои истории, и, несомненно, их предки жили здесь, в Уолпи, когда Аватоби был оккупирован. Это была большая деревня, и там жило много людей, и деревенского старосту звали Таполо, но он не был в мире со своим народом, и там были ссоры и неприятности. Из-за этого конфликта выпало совсем немного дождя, но земля была плодородной, и хорошие урожаи все еще были собраны. Мужчины Аватоби были плохими [ловако, колдуны]. Иногда они небольшими группами бродили по полям других жителей деревни и избивали дубинками всех одиноких работников, которых находили. Если они настигали какую-нибудь женщину, они насиловали ее и устраивали засады охотничьим отрядам, забирая дичь, а иногда и убивая охотников. В Аватоби были серьезные неприятности, и Таполо послал к вождю орайби с просьбой привести своих людей и убить злых аватобийцев. Орайби пришли и сразились с ними, и многие были убиты с обеих сторон, но орайби не были достаточно сильны, чтобы войти в деревню, и были вынуждены отступить. На обратном пути вождь орайби остановился в Валпи и поговорил с тамошними вождями. Он сказал: “Я не могу сказать, почему Таполо хочет, чтобы орайби убили его предков, но мы пытались, но не очень преуспели. Даже если бы мы преуспели, какая польза была бы нам, живущим слишком далеко, чтобы оккупировать эту землю? Вы, народ валпи, живете рядом с ними и больше всего пострадали от их рук; это ваше дело - попытаться”. Пока они разговаривали, подошел и Таполо, и тогда было решено, что другие вожди всех деревень должны собраться в Валпи для совета. Были разосланы гонцы, и когда прибыли все вожди, Таполо объявил, что его народ стал колдунами [христианами] и, следовательно, все должны быть уничтожены.

Затем было решено, что через четыре дня большие группы из всех других деревень должны подготовиться и собраться у источника недалеко от Аватоби. Задолго до этого, когда там жили испанцы, они построили стену со стороны деревни, которая нуждалась в защите, и в этой стене была большая, крепкая дверь. Таполо предложил, чтобы нападавшие пришли до рассвета, и он был бы у этой двери, готовый впустить их, и в соответствии с этим соглашением вернулся в свою деревню. Начетвертую ночь после этого, как и было условлено, различные отряды собрались у источника в глубоком ущелье, и каждый мужчина, помимо оружия, нес факел из кедровой коры и вязанку хвороста. Незадолго до рассвета они бесшумно поднялись на вершину плато и, направившись прямо к восточной стороне деревни, вошли в ворота, которые открылись при их приближении. В одном из дворов стояла большая кива, и в ней находилось несколько человек, занятых колдовскими обрядами. Нападавшие сразу же направились к "киве" и, взобравшись по трапу, встали вокруг люка, пуская стрелы в попавших в ловушку пассажиров. В многочисленных ямах для приготовления пищи всю ночь поддерживался огонь для приготовления пищи к пиршеству

назначенным утром, и от него они зажгли свои факелы. Затем большое их количество, а также подожженные вязанки хвороста были сброшены в люк, и дрова из штабелей на террасах домов также были брошены в киву. Красный перец, которым славился Аватоби, густыми гроздьями висел вдоль фасадов домов, и они мяли его в руках и бросали в пылающий огонь в киве, чтобы помучить пылающих обитателей. После этого все, кто был способен двигаться, были вынуждены идти или тащиться на себе, пока не добрались до песчаных холмов Миконинови, и там было произведено окончательное распределение заключенных.

Мой предок по материнской линии узнал женщину-вождя (*Мамзрау монви*) и спас ее на месте резни под названием Маски, и теперь он спросил ее, согласна ли она посвятить женщин Валпи в обряды мамзрау. Она подчинилась, и таким образом соблюдение церемонии, называемой Мамзраути, распространилось по другим деревням. У этой *Мамзрау монви* не было детей, и поэтому сестра моего предка по материнской линии стала вождем, а ее знак отличия, или типони, перешел ко мне. Некоторые другие женщины аватоби знали, как вызывать дождь, и те из них, кто был готов научить их песням, были спасены и разошлись по разным деревням. Вождь ораиби спас человека, который знал, как заставить персик расти, и именно поэтому в Ораиби сейчас такое изобилие персиков. Вождь миконинови спас заключенного, который знал, как выращивать сладкую мелкочашечную кукурузу, и именно поэтому ее здесь больше, чем где-либо еще. Все женщины, которые знали молитвы и были готовы научить их, были пощажены, и ни один ребенок намеренно убит не был, а был разделен между деревнями, большинство из них отправилось в Миконинови. Остальных пленников, мужчин и женщин, снова пытали, расчленили и оставили умирать на песчаных холмах, и там лежат их кости, а это место называется Масткомо, или Курган Смерти. Это история Аватоби, рассказанная моим народом.^[17]

^[17] “Предварительный отчет об экспедиции в скальные деревни страны Красных Скал; и Тусайские руины Сикьятки и Аватоби, Аризона, в 1895 году”. Уолтер Фукс, из отчета Смитсоновского института за 1895 год, стр. 568-569.

Трудно представить себе консерватизм некоторых старших хопи. Представление о цеплянии за миф о золотом веке дает речь старого вождя Нашихиптувы, для которого прошлое было идеальным временем изобилия и удовлетворенности под ярким небом Тусаяна.

Было воскресенье, и лагерь у персикового сада в глубокой долине на Средней горе был оживлен присутствием примерно тридцати индийских рабочих, в основном “мальчиков” из племени уолпи. Далеко вверху, на скалистых горах, виднелись три города хопи, названия которых трудно произносить, “Место персиков” является самым живописным. На западе виднелись бесчисленные бесплодные холмы, изрытые бороздами и ущельями, поднимающиеся к утесам из теплого песчаника, на вершине которых располагались пуэбло. Вдоль промоины, которая с незапамятных времен прорезала эту чудесно очерченную долину, располагались индейские плантации фасоли и дынь, а на возвышенностях - темно-зеленые персиковые сады. За устьем долины простиралась широкая равнина, переходящая в многоцветную пустыню.

В это конкретное воскресенье исследовательская группа чувствовала себя не в своей тарелке. Индейские рабочие, которые копали в руинах древнего пуэбло неподалеку, были уведомлены

вождем соседней деревни, чтобы они прекратили работу, а нашей группе было направлено предупреждение следующего содержания: “Уходите, вы плохие; вы приносите ветер и не даете идти дождям”. Это серьезное обвинение в стране, где ветры разгоняют грозовые тучи с их драгоценным грузом прежде, чем они достигают кукурузных полей. Ни одно изобретение не могло бы придумать более разрушительного утверждения. Валпи, которые более свободны от суеверий, чем большинство хопи, после этого заявления почувствовали меньшее желание заработать желанное серебро. В конце концов было решено пригласить Нашихиптуву на совет, обсудить это с ним и убедить его отозвать свой ультиматум. Мальчика послали найти его в поле, где он работал.

Вскоре вдалеке появился старый вождь Шумопави, одетый в набедренную повязку и с мотыгой на плече. Он остановился за пределами лагеря и надел короткую хлопчатобумажную рубашку, придав себе несколько более презентабельный вид. Сидя на корточках на песке, обхватив колени руками - любимая поза индейцев, - престарелый вождь взял себе табак и приготовился к спору с кругом заинтересованных слушателей. День был очень теплый, и гряда облаков, медленно надвигавшихся с гор Сан-Франциско, казалось, обещала дождь, который мог убедить старика в ошибочности его взглядов. Следовательно, развитие этого ливня было предметом необычайной заботы исследователей. Дэн, школьник, которого учили английскому языку, выступал в качестве переводчика.

После нескольких предварительных замечаний, в которых старый вождь хитроумно возложил вину за указ на вождя другого города, которого боятся все жители Средней Месы, началась дискуссия о том, был ли контакт с белым человеком полезен или вреден для хопи. Поскольку обстоятельства, географические и правительственные, сговорились удерживать хопи подальше от крепких напитков и других загрязнений, у белого человека дела обстояли лучше, чем обычно. Со своей стороны, старый вождь пробормотал, что в старые добрые времена поля были более плодородными, страна покрывалась травой высотой по пояс, не было забот, люди были счастливы и жили долго, боги благосклонны, Урукива, бог ветра, не отгонял дожди; теперь все это изменилось.

Затем представитель Walpi, в свою очередь, указал на преимущества, которые принес белый человек. Он сказал:

“ Кем мы были до того, как пришел белый человек из дальних вод? Полуголые, обрабатывающие наши скудные посевы деревянными мотыгами, часто страдающие от голода, как повествуют традиции, без овец и вьючного скота, без персиковых деревьев и множества овощей, без сахара, муки и табака, и гонимые с места на место в пустынях нашими древними врагами. Где ты взял свою рубашку, хлопчатобумажную ткань и мотыгу? Разве Васинтона не дал нам повозки и много других вещей и не защитил нас от навахо и апачей? Белого человека зовут *паш лоломи*, ”очень хороший”.

Старика, казалось, раздосадовала сила этого аргумента, и он начал речь, которая длилась, как показалось слушателям, около двух часов. То, что эту речь не удалось записать, - потеря для науки. Насколько можно было понять, он начал с самого начала, когда люди поднялись из подземного мира, и проследил историю через ее различные этапы, подробно описывая события, вплетая древние знания, споря, расширяя и отклоняясь, пока не довел их до настоящего времени.

Когда он заканчивал свое выступление, порыв ветра, несущий песок, сорвал брезентовый козырек от солнца. Старый вождь нашел в этом подтверждение своим утверждениям и в суматохе схватил свою мотыгу и банку персиков, которые были подарком, и убежал, сердитый, выстрелив на прощание: “Уходи, ты очень плохой!”

Едва ли нужно говорить, что следующий день, ясный и ранний, стал свидетелем исхода всех чужеземцев из этой тихой долины близ Средней Горы. Нашихиптува, одетый в свой естественный помятый бронзовый костюм, рыхлил грядку с фасолью, не глядя ни направо, ни налево.

Х КРАТКИЕ БИОГРАФИИ

Бывший главный Змеиный жрец Валпи был молодым человеком приятной наружности, великолепного телосложения, с правильными чертами лица и серьезным, исполненным достоинства взглядом; на лице его часто, казалось, читалась меланхолия, возникающая, возможно, от глубоких раздумий. Ибо для того, чтобы быть Змеиным Жрецом, нужен мужчина, а должность раскрывает все, что есть в нем самом.

Копели был обучен так же хорошо, как и любой другой цивилизованный человек, принимая во внимание требования различных уровней культуры. Образование среди этих индийцев столь же распространено, как и среди более просвещенных людей. Было бы слишком долго вдаваться в подробности, но вкратце скажу, что жизнь ребенка хопи - это в значительной степени детский сад, где добрые учителя обучают его всему полезному в активной жизни. Он окутан обычаями, ставшими религией, он посвящен в мужчины и занимает свое место, возможно, унаследованное, в братствах. Вместе со всем этим его обучают знаниям, практикам и песням — мелочам, которые требуют сильной памяти. Он изучает растения и животных, которым хопи дали описательные названия задолго до Линнея или Кювье. Солнце - это его часы, и вся природа находится рядом с ним. Он также должен работать в поле, если хочет есть — трутни недопустимы. Короче говоря, в этой жизни есть удивительная сложность, и ее требования весьма весомы. Таким образом, Копели, возглавляющий самое могущественное и внушающее благоговейный трепет общество своего народа, подвергся множеству испытаний и вынес на своих плечах тяжесть незапамятных обычаев.

Хотя в Копели было достоинство, вызывающее уважение у веселых хопи, иногда он мог быть таким же забавным, как любой из его племени, и обычно был веселым и дружелюбным. Исключение составляют случаи, когда проводятся змеиные обряды. Тогда он казался другим человеком, и ему не подобало узнавать своего лучшего друга.

Церемония змеи Вальпи, публичный танец которой известен многим, стоит того, чтобы отважиться на путешествие, чтобы увидеть ее. Торжественный выход жрецов Змеи и Антилопы на танцевальную площадку во главе с Копели и Вики - одно из самых впечатляющих зрелищ, которое можно увидеть на этом континенте. В работу вложено так много энергии; с поистине трагическими шагами вереница священников в странных костюмах направляется к *киси*, где были сложены змеи. Затем начинается странный танец с живыми гремучими змеями во рту под

отдаленное пение жрецов антилопы. Копели был здесь в своей лучшей форме. Он был заметной фигурой; ни один другой участник не проявлял такого рвения и силы. Это были некоторые из характерных черт его характера, и благодаря им он преуспел, будь то фермер или Змеиный жрец, и занял высокое положение среди своего народа. В Walpi интересно сочетается старое и новое. Копели стал типичным примером объединения прошлого и настоящего. Вики, его Нестор, всеми фибрами души был пропитан обычаями и традициями прошлого. Невольно восхищаешься твердой верой старика и его уважением к древним церемониям. Закваска нового была в Копели, как видно из следующего. Один энергичный город в Нью-Мексико захотел воспроизвести Танец Змей хопи на ярмарке, проходившей там осенью, понимая, что это привлечет множество посетителей. К Копели подошли и предложили, как ему показалось, крупную сумму денег за выступление. Несмотря на некоторые сомнения относительно ухода за змеями и их транспортировки, Копели и младшие змеиные жрецы были склонны одобрить этот план через своего алчного отца Супелу. Когда Вики, глава родственного общества Антилоп, услышал это предложение, он очень разозлился и настоял на своем, прочитав молодым людям с распушенными нравами суровую лекцию об их долге перед своей религией.

Даже если бы этот план был осуществлен и нанес смертельный удар так называемому язычеству и языческим обрядам хопи, можно было бы пожалеть о том, что Копели участвовал в нем. Хорошо известно также, что в настоящее время за деньги посторонние могут наблюдать за священными обрядами Танца Змей, которые раньше хранились в тайне. Очевидно, что хопи деградируют, когда они меняют свою религию на серебро; в недалеком будущем, когда умрут старики, любопытные церемонии хопи придут в упадок и исчезнут, и давайте верить, что им может быть дан новый и лучший свет.

Несколько лет назад Копели ушел со сцены, и его брат Гарри занял его место в качестве Змеиного Вождя.

Доктор Дж. Уолтер Фукс дал о нем следующую оценку:

Копели, вождь змей в пуэбло Тусаян в Уолпи, штат Аризона, скоропостижно скончался 2 января 1899 года. Он был сыном Салико, старейшей женщины клана Змей, который является одним из самых влиятельных, а также одним из самых древних в Тусаяне. Его отцом был Супела, один из вождей патки, или народа дождевых облаков, который пришел в Уолпи из южной Аризоны примерно в конце семнадцатого века. Будучи главой змеиных жрецов в Уолпи на последних пяти представлениях Змеиного танца в этом пуэбло, Копели стал одним из самых известных из всех индейцев хопи. Он унаследовал свой значок Змеиного Вождя от своего дяди и был единственным вождем в Тусаяне, у которого был Змеиный *типони*. Его предшественником на этом посту был Нувайвину, его дядя, который все еще жив и который руководил Змеиными жрецами в единственной церемонии, после которой ему было сочтено необходимым уйти в отставку из-за его немощи. На праздновании Змеиного танца в 1883 году, описанном Бурком, Натчива, дядя Копели, был Змеиным вождем. Старейшим Змеиным вождем, о котором я могу получить какую-либо информацию, был Мурпи, современник Макали, вождя Антилоп, предшествовавшего Wiki. Копели был родственником обоих этих людей по материнской линии. На момент своей смерти Копели было недалеко от двадцати пяти лет; он обладал крепким телосложением, был среднего роста, с привлекательным лицом и достойными манерами, которые завоевали ему много друзей как среди его собственного народа, так и среди американцев,

с которыми он контактировал. Он был абсолютно надежным человеком, трудолюбивым и уважающим себя. Хотя он был добросовестным главой одного из самых консервативных священнослужителей в Уолпи, он был ревностным другом белых и поддерживал нововведения, введенные ими на благо своего народа. Он верил в действенность церемониальных обрядов своих предков и безукоризненно исполнял свой долг священника. Как сказал мистер Томас В. Ким, который знает народ уолпи лучше, чем любой другой белый человек, вождям на совете через несколько дней после смерти Змеинового вождя: “Копели был лучшим человеком среди хопи”. Он был *паком лоломаи така*, превосходным человеком, у которого было доброе сердце и прямая речь. Для большинства американцев, интересующихся хопи, Копели был просто энергичным вождем в варварском наряде, который ворвался на Уолпи плаза во главе своих змеиных жрецов в проводимом раз в два года Змеином танце. Это один из самых ярких эпизодов церемонии, и его драматический эффект не имеет аналогов ни в одном другом пуэбло. Именно под влиянием Копели танец змей в Вальпи стал крупнейшей и наиболее яркой из этих странных церемоний в пуэбло хопи. Копели приветствовал образовательное движение, и на момент его смерти в школе в Каньоне Кима училось двое детей. Он был похоронен среди скал у подножия горы Вальпи с простыми церемониями, подобающими вождю его положения.^[18]

^[18] Американский антрополог (N. S.), Vol. I января 1899 г.

Вики, добродушный старый вождь Общества Антилопы был одной из знаменитостей Уолпи. Само его присутствие дышало благожелательностью, и его сердце было полно доброты. Однако годы давали о себе знать, и на его морщинистом лице проступали признаки возраста. Он производил впечатление джентльмена-хопи старой закалки, представителя лучших сил прошлого поколения. Тем не менее, фигура Вики не была согбенной, а волосы - седыми, и он исполнял танец Антилопы со всем пылом молодости. В его мозгу хранился обширный запас древних знаний, легенд, мифов и песен. Поскольку он был совершенно глух, доступ к его информации был несколько затруднен.

Вики сохранял определенное достоинство и внимание к своим собственным делам, что является похвальной чертой, присущей некоторым выдающимся хопи. Он давно известен научным исследователям, посещавшим Тусаян, и все, кто соприкасался с ним, высоко отзываются о его хороших качествах.

Supela в некоторых отношениях является антитезой Wiki. Wiki отождествлялась с Обществом или братством Антилопы, Supela принимала участие во всем. Велики, должно быть, способности Супелы, поскольку он способен консультировать многочисленные общества по любым сомнительным моментам в их обрядах и церемониях. На самом деле, кажется, что ни одно богослужение в Уолпи не обходится без его помощи, и даже отдаленные города часто обращаются к нему за помощью в деликатных вопросах, связанных с проведением их религиозных праздников.

Пора бы нам сфотографировать его ручкой. Невысокого роста, густые седые волосы спадают до плеч, обрамляя приятное подвижное лицо. Нервничающий в движении, сердечный, но занятый неотложными делами, куда-то идущий, у которого едва хватает времени, кроме как задать несколько любопытных вопросов, он, кажется, несет на своих плечах бремя Атланта. Он похож на промоутера или приходского политика и за день охватывает больше территории, чем Wiki смогла бы за неделю.

Если летом Супела кажется главой всего религиозного, то зимой он играет более заметную роль в Соялуне, которая проводится в конце декабря. Он главный на этой чудесной солнечной церемонии и является для хопи такой же выдающейся личностью, как Санта-Клаус для светлокотых детей. В это время Супела находится в своей стихии и гордится собой до последней степени, ибо разве он не регулирует обряды, призванные вернуть солнце из его далеких зимних странствий?

Вики был человеком действия, вышедшим вперед, чтобы придать силы и достоинства этой самой поразительной церемонии, когда—либо созданной человеческим мозгом, Танцу Змей; Супела - человек ремесла, работающий с формулами и заклинаниями, но прежде всего и в последнюю очередь верящий в получение как можно большего серебра в обмен на проникновение в тайны - вещи, до которой Вики никогда не опускался.

В Тусаяне есть первые семьи. Саалако отличается тем, что по праву рождения является главной змеиной жрицей всего Хопленда. Следовательно, Копели, ее сын, был верховным жрецом могущественного Общества Змей в столице Тусаяна, Валпи; в то время как Супела, ее муж, не имеет права на свою долю в передаче наследства. В настоящее время ее сын “Гарри” является Змеиным Вождем вместо любимой Копели.

Саалако - старая, мудрая женщина. Тайна, которая витает вокруг нее, порождена ее связью со страшными обрядами Змеиного культа и ее запасом знаний, которые передавались с незапамятных времен “живыми словами из уст, давно покрытых пылью”. Эта связь переносит ее в далекие пуэбло, чтобы приготовить “лекарство” для церемоний, поскольку никто во всей провинции не разбирается в травах и заклинаниях лучше, чем она. Ее можно было встретить во время выполнения этого поручения далеко в пустыне или среди труднопроходимых горных массивов на тропе в Ораиби, пешую, активно передвигающуюся для человека, на вид столь хрупкого. Трудно измерить, особенно при ограниченном времени и коротком знакомстве, уважение и почет, оказываемые народом валпи Саалако и семье Змеиного Вождя. Казалось бы, в этом есть определенное достоинство и сдержанность, естественные для людей высокого положения, хотя в обычных сообществах хопи вполне демократичны. В любом случае Саалако свободна от привычки просить милостыню, столь часто наблюдаемой среди ее народа, что, вероятно, связано с этим достоинством. Однако совершенно очевидно, что порок попрошайничества становится повсеместным среди пуэбло, которые больше всего контактировали с белыми людьми.

Этот очерк Саалако был бы неполным без упоминания о ее главном недостатке - чрезмерном любопытстве. Апологеты скорее одобряют, чем оправдывают похвальное любопытство, утверждая, что оно является желательным качеством для исследователя. Несомненно, своим знакомством с природой Саалако обязана этому занятию, но она известна любопытством и в других второстепенных вопросах. Ни один посетитель Walpi не избежит испытания ее вопросами, и популярная информация гласит, что очень немногие события ускользают от ее внимания. Хопи обоих полов наиболее любопытны; саалако обладает этой чертой в большей степени. Давняя ошибка приписывать любопытство только женщине у хопи не очень распространена. Однако любопытство Саалако благонамеренно и безвредно. Это всего лишь выражение инфантильности, которая расцветает в этом мирном и изолированном народе.

Саалако сочла своим долгом назвать имя одного из участников исследовательской группы под руководством доктора Фьюкса. После нескольких дней раздумий, попробовав и отвергнув

несколько странно звучащих названий, она, наконец, назвала его *Куктайму*, коротко “Исследователь”, и любезно предложила усыновить его; усыновление, однако, не состоялось. Куктайму обязан своим именем увлечению, с которым он собирал растения, насекомых и геологические образцы, что не ускользнуло от зорких глаз Саалако.

Этот очерк дан как дань уважения замечательной женщине хопи, история которой достойна более полного изложения.

Интива был еще одной знаменитостью, знакомство с которой рано переросло в понимание его истинной ценности. Он был скромной личностью; в нем можно было увидеть живое воплощение мудрецов, которые руководили народом до того, как Америка вошла в историю. Поразительный случай, на который обратили внимание в связи с ним, проливает интересный дополнительный свет на обычаи хопи.

Однажды Интива отправился на свое кукурузное поле посмотреть, как идут дела с урожаем. Когда он протягивал руку под поникшие кукурузные стебли, нащупывая созревающие початки, гремучая змея ударила его по руке. Он поспешил домой и применил все средства, которые могли предложить медицинские знания хопи, но облегчения не получил. Были вызваны несколько белых посетителей, случайно оказавшихся поблизости, которые сделали для мужчины все, что могли, и, наконец, после долгих страданий Интива выздоровел. Теперь начинается любопытное продолжение “укуса змеи”. Змеиное братство решило, что Интива, будучи особенно благодетельствована укусом змеи, обязательно должна принадлежать к их ордену. Возможно, Интива не была впечатлена предполагаемой благосклонностью змеи. Тем не менее, он принял посвящение и стал полноправным змеиным жрецом. Это первая запись о подобном событии в Тусаяне.

Помимо оказанной ему таким образом чести, Интива был *качинским* вождем Уолпи и, следовательно, важным человеком, *импресарио* и главным артистом своего города, почитаемым приносящим дождь змеем, благословленным большой семьей, просторным домом и обильной едой - дарами, несомненно, доброй феи *Качины*.

Несколько лет назад Интива отправился в путешествие в подземный мир через пустыни и вниз через *силапу*, или пуп земли, найдя, наконец, ту чудесную землю, откуда вышли все люди и куда они, в конце концов, должны вернуться, согласно верованиям хопи. Уолпи будет страдать от потери своих великих знаний; кто знает, кроме того, что он появится и, сидя рядом с ревностными *качина*с, будет наблюдать за сценой своих земных триумфов?

Первая встреча с хопи и семьей Хонани была одним из самых приятных впечатлений во время путешествия из Уинслоу в Мидл-Меса несколько лет назад.

Отряд почти три дня трудился на севере по ярко раскрашенным пустыням, лежащим между Малым Колорадо и деревнями хопи. Гротескные черные холмы, контуры которых так много раз менялись за время путешествия, остались позади на юге, и серые меловые горы начали сужаться на сухих отменях, окаймленных шалфейно-зелеными пустынными растениями, характерными для региона деревень хопи. Все чувствовали, что, хотя впереди все еще оставались многие мили рыхлого песка, это был последний отрезок пути к цели. Далеко впереди на равнине было замечено несколько черных точек, и группа с живым интересом начала строить догадки относительно того, что бы это могло быть. Через некоторое время стало видно, что приближается конный отряд, возможно, навахо, на первый взгляд, и, скорее всего, хопи,

поразмыслив. Вскоре было решено, что это группа хопи верхом на ослах и пони, и вскоре они приветствовали американцев с пылом давно потерянного брата, их лица были озарены улыбками. Итак, это были неразговорчивые индейцы из сборников рассказов.

Хонани, “Барсук”, житель Шумопави, сопровождал свою семью в многомильной поездке за ягодами. Ягоды, какие бы они ни были, действительно растут в пустыне, но ими могут насладиться только те, кто никогда не пробовал никаких других сортов. Жена Хонани и три ее хорошенькие дочери ехали верхом на пони, в то время как малыш был надежно завернут в материнское одеяло; старые дедушка и бабушка, сидевшие верхом на осликах, составляли остальную часть компании, которая образовывала очень живописную группу. Женщины попросили воды, и Хонани произнес волшебное слово *либа*, табак, за которым последовало слово *матча*. Эти слова, которые очень скоро обнаруживаются, являются необходимым предварением к “разговору за сигаретой” в Хопиленде.

Лучшая половина Хонани не из легких. Так думал ее пони, который без предупреждения продолжил ложиться. Среди криков и болтовни дородной леди удалось высвободиться, чему сильно помешала ее предусмотрительность при привязывании своего одеяла к луке седла. Когда все успокоились и пони громко стукнул копытом, они снова отправились в путь за ягодами.

Хонани - довольно выдающийся человек и одно время был вождем своего пуэбло. Он один из очень немногих хопи, совершивших грандиозный тур в Вашингтон — *Васинтону*, как они это называют. У него есть ферма за городом, где он живет летом. Бродячие навахо, вторгающиеся на его территорию, являются проклятием его жизни, и когда никого из этого племени нет рядом, он желает им всяческих неприятностей. Сам Хонани не святой; судя по всему, желательно ничего не упускать, пока он рядом. У его жены приятное, солидное лицо, которым нельзя не восхищаться. Она искусно плетет корзины и содержит свой дом в чистоте, чего нельзя сказать о ее современницах.

В умах его односельчан много чувств, смешанных с большой долей зависти, по отношению к Хонани из-за его дружелюбия к белому человеку и его позиции в пользу обучения детей в школах, предоставляемых правительством. В Зуни под тем или иным предлогом Хонани повесят как волшебника, в то время как дружелюбные хопи просто игнорируют его некоторое время.

В другой раз, когда отряд разбил лагерь в защищенной долине Средней Месы, к нему в гости пришли “хонани”. Было время ужина; связь времени и визита не нуждается в объяснении. Среди скудной утвари на вечеринке две банки похожей формы содержали соответственно соль и сахар. Жена Хонани щедро подсластила кофе и дала попробовать малышу. Через мгновение его доселе безмятежное лицо исказилось, как у индуистского идола, он извивался и кричал. Его мать, не понимая, в чем дело, встряхнула его и ударила кулаком в толстый живот, чтобы выяснить это. Затем она сделала глоток кофе и выкрикнула: “*Ингива!*” (соль). Ее укоризненный взгляд, казалось, наводил на мысль, что у кого-то были виды на ребенка. Несколько слов объяснения вскоре успокоили ее на этот счет, и улыбки снова вернулись на лицо. Когда она услышала, что некоторые из участников вечеринки время от времени страдали от тех же самых вредоносных коробок из-под соли и сахара, ей очень понравилась шутка; товарищей по несчастью всегда ценят во всем мире.

На Восточной горе есть по крайней мере один открытый неверный. Его зовут Чаквайна, и он тева из Хану. Старая вера в природу в этом пуэбло не проявляет особых признаков ослабления, так что, будь у Чаквайны меньше имущества и, как следствие, влияния, он, возможно, давным-давно был бы привлечен к ответственности за свои грехи. Чаквайна говорит, что “*качины* никуда не годятся”. Возможно, бедняки, которые так зависят от урожая в своем существовании, искренне верят в приносящих дары *качина* по невежеству или из эгоистичных побуждений, в то время как Чаквайна, у которого есть овцы, мука и деньги, чувствует себя независимым от какой-либо духовной помощи; это старая история. Чаквайна, несомненно, чувствует себя способным позаботиться о себе, поскольку никому еще не удавалось опередить его в выгодной сделке. Конечно, когда после взвешивания в мешке с шерстью слишком часто находят овечьи ножницы или камень, люди заподозрят обман. Полезно следить за Чаквайной!

С другой стороны, Чаквайна был одним из первых, кто навсегда покинул горную гору, когда правительство предложило хопи спуститься из их гнезда. Он всегда был дружелюбен к белым людям; он помог в создании дневной школы в “Сан Спринг” и использовал свое влияние, чтобы убедить людей отправлять учеников в школу в каньоне Ким. Он также много путешествовал, добавив испанский, навахо и немного “американского” в свой языковой репертуар хопи-тевана, поскольку тева, помимо того, что они самые прогрессивные жители Тусаяна, являются лучшими лингвистами. Это связано с тем, что жители маленького городка Хану сохранили свой собственный язык и, находясь в двух шагах от Уолпи, также должны знать хопи. Следовательно, шаг к изучению других языков становится легче.

У Чаквайны есть свой дом недалеко от Ишбы, или “волчьего источника”, в очень живописных окрестностях. Ниже, в заливе, раскинулись его кукурузные поля и грядки с дынями, демонстрирующие искусную инженерную работу по отводу воды на пахотную землю с помощью плотин и крыльев. Здесь он и его верный адъютант, “Том Соьер”, пайут, провели немало трудных часов, причем последний вел смертельную войну с несносными луговыми собачками, которым суждено быть съеденными, если их поймать.

Чаквайна склонен подшучивать над учеными мужами, которые приезжают в Тусаян изучать обычаи хопи. У него замечательный смех, и его имитация Танца Змей - одна из самых забавных вещей, которые можно увидеть в Хопленде. Его цель - высмеять все вечеринки, выставив себя на посмеище. Очевидно, что Чаквайна не обладает привычным спокойствием хопи. Отвергнув первый символ веры *в качинах* и не получив ничего высшего взамен, он находится в несчастливом положении всех неверующих независимо от расы или времени.

Портретная галерея знаменитостей Тусаяна была бы неполной без Мунгве, или, как переводится его имя, “Эль Капитан”, сокращенно “Кэп”; но на самом деле его зовут *Монгве*, “сова”. “Кэп” - это тева, чьи предки давным-давно были приглашены приехать с Рио-Гранде и связать свою судьбу с хопи на горе Уолпи. Их потомки до сих пор живут в деревне Хану, сохраняя язык и обычаи, перенесенные с “Великой реки Севера”. “Кэп” - один из самых энергичных и способных индейцев во всем Хопленде. Жилистый, подвижный, словоохотливый, быстро соображающий, заслуживающий доверия и опытный, он значительно опережает подавляющее большинство своих современников. Давным-давно он покинул неудобную горную гору; его фермерский дом с красной крышей можно увидеть среди кукурузных полей далеко в широкой долине к юго-востоку от Уолпи. Люди, работающие на Монгве, кажется, пропитаны его энергией, и нет никаких сомнений в том, что они считают его капитаном промышленности, поскольку он не

позволяет отстающим есть его хлеб. В командном деле Кэп преуспевает. Какой бы длинной или плохой ни была дорога или насколько тяжелым ни был груз, его стойкие маленькие пони пронесут его до конца. Шаткая повозка и заманчивая для провидения упряжь, кажется, не являются препятствием для любых попыток, где нужно зарабатывать деньги. Следовательно, хотя благодаря щедрости правительства у многих хопи есть фургоны, Монгве берет на себя большую часть перевозок.

Наш друг, увы, не скромнен в объявлении о своих достоинствах. Это тема, по которой его язык работает как волчок. Вечером, после дневных забот, сидя у костра с большим количеством хлеба, неограниченным количеством ломтиков бекона в кругу слушателей, Кэп ест и разговаривает во множественном числе. Слово во множественном числе требует одного или двух предложений по отношению к женам Кэпа. Не то чтобы он когда-либо нарушал обычаи хопи до такой степени, чтобы иметь более одной жены одновременно, но список тех, кто с ним не соглашался, если он будет полностью обновлен, было бы интересно прочитать. Из того, что можно почерпнуть, следует, что в этой утопической стране женщины имеют право на развод. Как будет видно, отношения детей Кэпа весьма разнообразны. Рискну предположить, что матримониальные авантюры Кэпа омрачены его общей “суетливостью”.

Помимо этого, Монгве - большая честь для Hopiland. Его успех привлек к нему группу молодого поколения, которые страдают от всеобщего стремления к *шибе* (серебру), и если их вдохновит пример Монгве, это пойдет на пользу Тусаяну, политическому органу хопи, которому нужна активная молодая кровь, чтобы преодолеть многовековую инертность.

Еще один жизнерадостный хопи - Вупа, чье имя означает “великий”. Отеческий интерес, который Вупа проявляет к белому человеку, был достаточной рекомендацией, чтобы пристроить его в наш лагерь как человека на все руки, а более близкое знакомство позволило увидеть другие стороны его характера, в которых веселых черт намного больше, чем серьезных. Верный в меру своих способностей, хотя и испытывающий отвращение к постоянной работе, он умудрялся зарабатывать себе на хлеб и небольшую стипендию, но, учитывая развлечения, которые он устраивал, его зарплата должна была быть равна зарплате исполнителя в шоу менестрелей.

Так получилось, что воспоминания о Вупе вызывают поток приятных воспоминаний. Самый веселый из всей этой веселой расы смеющихся, шутящих, поющих хопи, его присутствие у лагерного костра рассеивало атмосферу жизнерадостности, которая не всегда преобладает среди неудобств тяжелой жизни в пустыне. Невысокого роста, кривоногий, с помятым и насмешливым головным убором, его никаким усилием воображения нельзя назвать красивым; но он настолько словоохотлив, остроумен и полон фокусов, что невозможно усомниться в его пригодности для должности королевского шута. Но у Вупы бывают свои капризы. Иногда его окружает атмосфера сверхъестественной серьезности и невыразимой мудрости; очень близко за этой маской, ибо такова она есть, скрывается вызывающая веселье пародия и неистовый смех. Как и у других юмористов, у Вупы есть фатальная особенность быть самым забавным, когда он серьезен. Тем не менее, в радужном мире между улыбками и слезами у Вупы романтическая и печальная история.

The *Драматические персонажи*, вплетенные в эту историю, - белые люди, мексиканцы, индейцы зунги и его соплеменники хопи. Первое несчастье, постигшее Вупа, заключалось в том, что он родился в то время, когда голод изводил Мирных людей в их семи деревнях к северу от

Малого Колорадо. Голод - старая история хопи. В течение двух лет не было дождя, и ни Змея, ни танец флейты не помогли вызвать благоволение их богов. Священная кукуруза, припасенная на случай неурожая, была съедена, и хопи оказались в бедственном положении. Они собирали дикорастущие растения, которые, по-видимому, не боятся засухи, и пытались сохранить душу и тело вместе до тех пор, пока дождевые тучи снова не пронесутся над Раскрашенной Пустыней; но многие были из тех, кто так и не дождался времени созревания кукурузы. Многие покинули пуэбло и связали свою судьбу с пастухами навахо, хавасупаи из каньона Катаракта и другими более удачливыми племенами дружелюбных людей.

Так случилось, что мать Вупы со своим голодным младенцем отправилась по хорошо знакомой тропе в Зуни, находившийся в 100 милях отсюда, и, собравшись с силами отчаяния, наконец добралась до пуэбло под "Кукурузной горой". Индийская филантропия редко выходит за рамки круга родственников, и зуни не собирались давать бедной женщине-хопи кукурузы сверх того, что могло спасти ее от голодной смерти. Но маленький Вупа стоил целый бушель драгоценных колосьев, и за эту сумму его обменяли, и он, не спрашивая совета, стал зуни, в то время как его мать поплелась обратно в Хопленд с едой для своих голодающих сородичей, без сомнения, почти не печалась о потере своего младенца, настолько велика уравнивающая сила голода и несчастий. Обычно во всех индейских деревнях водятся бездомные животные, и поэтому присутствие маленького незнакомца-хопи осталось незамеченным. Когда на полях страдающих от голода хопи был собран урожай, они перестали приезжать в Зуни, и Вупа, похоже, оказалась невостребованной и забытой.

Когда ему было пять или шесть лет, зуни, в свою очередь, продали его каким-то мексиканцам, и следующее упоминание о нем есть: он жил в Альбукерке, крепкий молодой *леон*, с коротко остриженными волосами, набожный католик, говоривший по-кастильски на манер "смазчиков". Таким образом, Вупа стал, по сути, мексиканцем и, возможно, забыл о своем происхождении. Переход от индейца к мексиканцу также не является трудным или неуместным. Мало кто из американцев осознает новую проблему населения, которая пришла к нам благодаря Гваделупско-Идальгойскому мирному договору, - клановые, непрогрессивные иностранцы, которых сделали американскими гражданами без консультаций. Следует, однако, сказать, что англосаксонское предубеждение относительно латыни совершенно упускает из виду положительные качества мексиканца; оно редко учитывает, что его невежество в значительной степени обусловлено отсутствием преимуществ на протяжении нескольких столетий и что индейская кровь не помогла делу. Согласно взгляду белого человека на это, эта вялая раса, по-видимому, удовлетворенная тем, что является *леонами* в стране свободы, находится на низшем уровне и сомнительно приравнивается к индейцам, причем сомнения в пользу последних.

Вупа быстро усвоил язык и ассоциации своих случайных соотечественников, и вскоре Падре порадовался еще одному сгоревшему клейму. Его следующим шагом было найти сеньориту и жениться на ней, и после полуварварской свадьбы его беды начались по-настоящему. В объяснение данного описания Вупы в том виде, в каком он выглядит в настоящее время, возможно, будет справедливо сказать, что на двадцать лет меньше его возраста он выглядел бы вполне молодым человеком, но даже при таком блеске нельзя дать очень высокую оценку вкусу сеньориты.

Во время изгнания Вупы человеку, знающему хопи, было бы любопытно узнать, как он вел себя и проявлялась ли когда-либо унаследованная любовь к свободе пустыни. Возможно, ранний возраст, в котором он начал странствовать по миру, и его разнообразный опыт полностью лишили его чувства родных. Выросшему в пустыне хопи цивилизация надоедает, и вскоре он начинает так же тосковать по своим продуваемым всеми ветрами горным горам, как эскимос по своей стране льдов или бедуин по Сахаре. На эти вопросы, возможно, можно найти ответ в возвращении Вупы домой, поскольку он снова вернулся в свое родное пуэбло после одной из самых разнообразных и замечательных серий приключений, которые когда-либо составляли правдивую историю. События, которые привели к возвращению Вупы домой, являются не менее интересными эпизодами в его истории и произошли на старой тропе Санта-Фе, увековеченной Джосайей Греггом. Строители железной дороги трудились на равнинах, поднимаясь по крутым склонам Скалистых гор, следуя по знаменитой тропе к старому Санта Фе, оставив после себя две полосы стали. Взрывая, срезая, заполняя и наводя мосты, они продвигались к тихому Альбукерке на ленивой Рио-Гранде, и новости об этих действиях всколыхнули этот древний город от центра до периферии.

Жители Юго-Запада сталкиваются лицом к лицу с "положением", как они это называют, что человек должен работать, если он хочет жить. Мексиканцы, хотя и славут ленивыми, напротив, всегда стремятся работать за зарплату, и в пестром и порочном железнодорожном лагере было большое количество темнокожих верующих Монтесумы, набранных издалека.

Вупа присоединился к контингенту в Альбукерке. В чем заключались его обязанности, представить нетрудно; его умение "шуршать" деревом и водой в более поздние годы дает хороший ключ к разгадке его работы на железной дороге. В качестве посыльного и подсобного рабочего там, где не требовался постоянный труд, он, без сомнения, оказался полезным и собрал для своей сеньоры несколько серебряных монет. Возможно, не последняя из его заслуг заключалась в его неизменном добродушии, выраженном в подбадривающих песнях, которыми он смягчал испытания, выпавшие на долю первопроходцев железной дороги в этой почти пустынной стране.

Живописная порочность строительного лагеря, перемещающегося на запад, с его салунами, игорными заведениями и лагерными приверженцами, похоже, никогда не попадала Вупа в свои сети. К стреляющим железякам и пьяным мужчинам он испытывал врожденный ужас, который всегда проявляли хопи, чувство, все еще живое среди них после того более позднего вторжения техасского ковбоя в Нью-Мексико и Аризону. В Вупе не было драки; максимум, чего от него можно было добиться, - это обезоруживающего смеха и исчезновения, как только можно было сделать этот ход. Каким бы живописным ни был строительный лагерь, суровая сторона жизни была совсем рядом, и чудесные оттенки пейзажа были всего лишь насмешкой для усталых и измученных жаждой людей, которые готовили тропу Санта-Фе для "железного коня". Плохая пища, плохое водоснабжение, щелочная пыль, изнуряющая жара и холодные ночи летом и суровость зимы были жизненной реальностью; в воздухе гор и возвышенных плато чувствовались здоровье и бодрость, хотя еда и аппетит не всегда компенсировали это.

Вупа двигался вместе с лагерем, мало осознавая смысл борьбы с дрейфующим песком, скалистыми каньонами и пересохшими реками, которые превратились в бурные потоки и за час смыли работу месяца, похоронив шпалы и рельсы в подвешенном состоянии кипящего песка. Ночью он заворачивался в свое одеяло и после молитв засыпал под яркими звездами, в то

время как его товарищи-мексиканцы храпели, сбившись в причудливо подобранные кучи среди зарослей шалфея.

Рельсы спускались по коварному Пуэр-ко и тянулись вдоль берегов Малого Колорадо. На севере вздымались свои фантастические вершины темно-синие Купола хопи, ничего не значащие для этого изгнанного индейца, хотя мать, которая родила его и продала в рабство, ждала его там. На западе всегда были видны вершины Сан-Франциско, но Вупа не знал о традициях своего племени, которые окружали их. Рельсы отходили от реки, тянулись по плоской местности и заканчивались на краю огромной пропасти, о присутствии которой нельзя было заподозрить, пока она не разверзлась под ногами. Здесь лагерь остановился на несколько месяцев, пока стальная паутина тянулась через каньон Дьявола.

Однажды в лагерь пришли несколько хопи и, уставившись с открытыми ртами на труды белого человека, стали бродить вокруг, словно кого-то разыскивая. Вскоре они наткнулись на Вупу, и вождь обратился к нему на языке хопи со следующими словами: “Ты хопи; мы пришли, чтобы привести тебя в твой дом”. Вупа с сомнением покачал головой, не понимая языка своего народа.

“Да, пойдем; они сидят там, наверху, и ждут тебя”. Это должно было вызвать у Вупы желание уйти немедленно, но он ответил “нет себе”. Наконец, после переговоров на смеси хопи, зуни и испанского, кое-где дополненной языком жестов, они убедили его покинуть лагерь и отправиться с ними в свой родной город в сотне миль к северу.

Возвращение Вупы домой было великим событием, и его повторное знакомство с матерью было трогательным, поскольку хопи более демонстративны, чем другие индейцы. Это событие, должно быть, было девятидневным чудом в шумном пуэбло Уолпи. Его образование сразу же занялись с намерением искоренить пагубные последствия мексиканского воспитания, особенно в части его религиозного воспитания. Если могильные жрецы удовлетворены своим трудом, помогая Вупе начать все заново как хопи, посторонний человек счел бы результаты довольно неоднозначными. По сей день Вупу дразнят за то, что он мексиканец; на эти насмешки он отвечает молчанием и видом превосходства, которое он так хорошо умеет напускать; как, в самом деле, они могут знать, через что он прошел в своем замечательном опыте?

В то время как Вупа был готов дезертировать и стать язычником, как и его предки, променяв причудливый собор Альбукерке с его фигурами святых и огромным Телом Христовым в стеклянной витрине на тускло освещенную комнату под землей и знакомство с гремучими змеями, у его сеньоры были другие идеи. Вупа оплакивал то, что его сеньора не связала свою судьбу с “Мирными жителями” Тусаяна; но денег было мало, а расстояние слишком велико для личной беседы; письма, написанные кропотливым мексиканским писцом, не принесли никаких результатов. Хотя сеньора могла бы поступить и хуже, кто будет винить ее? По прошествии лет можно было подумать, что Вупа забыл свою жену на Рио-Гранде, но мечтой всей его жизни всегда было привезти ее к себе в Уолпи. Было трогательно слышать о его планах и видеть, как он дорожил письмами от нее, написанными каракулями городского писца и адресованными сеньору дону Хосе Падилье, что является звучным кастильским именем Вупы. Его постоянство казалось достойным восхищения, поскольку он не взял в жены индианку, хотя мог бы заполучить в супруги одну из красавиц хопи.

Тем не менее, несмотря на всю эту заботу, Вупа был беззаботен, исполнял самозабвенные мексиканские песни или песни хопи, или исполнял торжественную церковную музыку. Хотя он много путешествовал, он остался на своей родине, опорой своей старой матери, которая когда-то продала его, а его отец давным-давно отправился в подземный мир. Мексиканец хопи, язычник-христианин, он по-прежнему занимает несколько аномальное положение среди своего народа, который неизменно ненавидел гордых испанцев-прозелитов на протяжении более чем двухсот лет с тех пор, как они сбросили “длинные одежды” со скалистой горы.

Информация о лагере Вупа была очень полезной. Верхом на своем проворном *ослике*, зрелище, достойное внимания, он привез почту из каньона Кима. Он собирал дрова и воду, не переставая петь и восклицать. Повар особенно показался ему подходящим предметом для шуток. Повар действительно был мастером храпа, и тихие ночные дежурства в пустыне часто были слишком громкими. Вупа обычно пел “*Дава яму, Чудак!*” “Рассвет, повар!” - последовала прекрасная имитация храпа, которая не понравилась объекту шутки. Но Вупа проявил себя наилучшим образом, исследуя древние руины в поисках наиболее многообещающего места для раскопок реликвий. В такие моменты его серьезность и мудрость буквально выпячивались наружу. Его совет был дан четко и убедительно, но заклятый врагомористов последовал за ним, и никому и в голову не пришло воспринимать его всерьез. И он никогда не казался разочарованным. Вупа - настоящий юморист, без горечи, тот, над кем можно смеяться и кого можно любить. Расставаясь, он чуть не плакал и много раз заявлял о своей дружбе, в то же время подарив два арбуза со своего поля. Эти дыни были незрелыми по стандартам ООН-хопи, но были приняты в том духе, в каком их подавали, и позже несколько туземцев, встреченных по дороге в каньон Кима, устроили неожиданный пир.

Роман о преданности Вупы своей мексиканской сеньоре и прекрасном привкусе постоянства, которое он проявлял по отношению к ней, был грубо разбит год спустя после начала этого повествования. Он взял себе помощницу из племени хопи, альбиноску, и они выглядели причудливой парой, когда пришли на Танец Змей следующим летом.

Этот шаг Вупы, учитывая неоднократные признания в том, что девушки хопи ему все равно не по вкусу, был неожиданностью для его друзей. Выбор альбиноса в качестве партнера в какой-то степени оправдывает его, поскольку, без сомнения, он считает, что она настолько близка к белой женщине, насколько хопи может надеяться достичь. Однако его друзья желают ему всего наилучшего и хотят сказать: “Да здравствует Вупа, ”великий“ по имени и по-настоящему великий в остротах, насмешках и жестах по натуре”.

Посещение Восточной горы нельзя считать полным без интервью с Тоби. Обычно никто не покидает эту часть Тусаяна, не повидавшись с ним. Его имя, которое означает “муха”, в точности соответствует Тоби, который обладает всей настойчивостью этого хорошо известного насекомого.

Однако несколько лет назад сценаристу не удалось встретиться с Тоби, и он оставался в полном неведении о его больших возможностях, за исключением слухов, до следующего сезона. Затем, когда группа добралась до первой скамьи на плато под головокружительными утесами и разбила лагерь на ровном месте возле персикового дерева на земле, которой тева владели в течение двух столетий, Тоби был там в качестве комитета по приему гостей.

Его “как дела” было довольно поразительным и неожиданным. После обычного рукопожатия Тоби заметил: “Это моя лань”, - и, указывая на древнее дерево, давно уже не приносявшее плодов, добавил: “Это моя персиковая лань”. Гордый своим имуществом, он присел на корточки, нарисовал план своей земли и спросил, указывая на расположение своих посевов: “Вы видели мой кон [кукурузу]? Ты видел мои бобовые? Внезапно его осенила идея. Он подошел к лидеру партии и задал ему следующие вопросы: “Ты хороший человек, унештан, ты честный человек?” Затем, словно удовлетворенный, он повернулся к другому члену компании и сказал: “Ты красивый мужчина; ты красивый мужчина”, и вскоре Тоби получил пачку желанного курительного табака, хотя, судя по неопрятному виду исследователей, его похвалы были низменной лестью.

Было ясно, что Тоби хотел продемонстрировать свой замечательный английский, которым он очень гордится, а также проложить путь к различным небольшим чаевым. Эти намерения хопи столь же очевидны, как у маленького ребенка, который говорит: “Даки любит сладкие пирожные”. Тоби попросили принести на ослике охапку дров для приготовления пищи, но он с большой учтивостью объяснил, что в этот день Змеиные жрецы охотятся в Восточной части мира, и, согласно обычаю, никто не должен работать в этом направлении. Из-за этих добросовестных соображений Тоби у почтенного персикового дерева было реквизировано достаточное количество сухих веток до того времени, когда он отправится со своими осликами за кедровыми заготовками.

За день до Танца антилопы Тоби пришел в лагерь по важному делу, жуя подошву мокасина, которую он зашивал. Он затронул эту тему, таинственно сказав: “Многие навахо приходят посмотреть на Танец змей. Навахо очень плохие, крадут все подряд”. (Это делается украдкой, потому что хопи боятся навахо.) “Я останусь, присмотрю за лагерем; ты пойдешь посмотреть танцы; Навахо плохой человек”. Следует сказать, что после тщательного ухода Тоби в лагере пропали весь разрыхлитель и спички. Немногие хопи могут отказаться от этих блюд, особенно перед застольем, и Тоби, очевидно, не исключение. После этого он боялся покидать лагерь, без сомнения, опасаясь “облавы”. Однако, возможно, Тоби присвоил спички и разрыхлитель в качестве арендной платы за свой “ланч”.

Тоби - отец большого семейства. Когда его попросили провести перепись, он сосчитал на пальцах: “Мальчик, девочка; мальчик, девочка; мальчик”, а затем с большим энтузиазмом воскликнул: “Бэби!” Знание английского языка Тоби объясняется тем фактом, что несколько лет назад он был лучшим учеником учителя в школе Keam's Canyon School. Ему доставляет удовольствие показывать, как он умеет писать по буквам. Если никто не просит его продемонстрировать это достижение, он обычно поднимает тему, спрашивая, например, “Как пишется box?”, произносится “boxsh”. Если заявляется о невежестве, Тоби произносит b-o-x, а затем произносит *dog*, *cat*, *mani* другие односложные слова и гордо заканчивает тем, что пишет свое имя на песке.

Таким образом, Тоби доставляет большое удовольствие отдыхающим в Уолпи, а также оставляет в умах большинства подозрение, что он немного “светловолос на верхнем этаже”.

Другой персонаж - “Том Соьер”, индеец-пайут, который живет с Мирными людьми на Восточной горе. Красивый, как японская гротескная маска, и почти такой же неразговорчивый, его серьезность, кажется, увеличила его приземистую фигуру в размерах и умножила морщины на лице, наполовину скрытые жидкими седеющими волосами. У него пронизательные глаза, и он

очень уклончив. Том, однако, не “плохой” в аризонском смысле, и его макияж не позволит ему быть совсем хорошим. Таким образом, он мужчина, с чем следует поздравить этот набросок. Хотя ранняя история Тома, возможно, никогда не будет известна миру, его шаг по переходу из племени пайутов в племя хопи говорит в его пользу. Здесь он естественным образом занял свое место раба Чаквайны, о котором кое-что уже было сказано.

Том работал мойщиком в экспедиции Фукса, пока группа находилась в Уолпи. Перси, который гордится своим безупречным “американцем”, занимал эту должность в прежние годы, но, получив несколько долларов вперед, в настоящее время чувствовал себя выше работы. Надо сказать, что Том - отличный прачка. Особенности поношенной цивилизованной одежды не ставят его в тупик; на самом деле, он “старый добрый человек” для всей Восточной Месы. Его многочисленные походы за выброшенной одеждой в Уинслоу, Холбрук и другие пункты на железной дороге всегда увенчались успехом. Жители Уинслоу утверждают, что одежда часто пропадает с бельевых веревок и в других незащищенных местах одновременно с визитами хопи, которые очищают город от тряпья, как ветер очищает от незакрепленной бумаги. Когда местный врач потерял пару галош, которые лежали на ступеньках задней кухни, он слишком поздно вспомнил, что незадолго до этого по переулку прошел хопи. Исчезновение галош вряд ли может вызвать такое же удивление, как их присутствие и полезность в засушливом, пыльном Уинслоу. Без сомнения, Том был причиной многих из этих таинственных исчезновений, и добыча, доставленная на север на его терпеливых ослах, способствовала тому, что храбрецы хопи почувствовали себя принаряженными.

Пока не установлено, демонстрировал ли Том художественную ложь или говорил правду по следующему вопросу. Том отправлялся в один из своих периодических переодеваний в Уинслоу, и его попросили принести банку пластыря. Примерно через неделю Том вернулся со следующей лаконичной историей: “Змея укусила ослика, ослик сдох; я могу забрать обратно, отдать человеку”.

В то время считалось, что Том перегрузил своего ослика старой одеждой и выдумал эту историю. Об индейских изобретениях можно многое сказать. Если Том жив, он все еще активный гражданин Хопиленда.

ХІ ДРЕВНИЙ НАРОД

Юго-запад всегда был легендарной землей для ее коренных жителей. Горный профиль, размах равнины, вырезанная гора, глубокий каньон, пещера, лавовый поток, ровное дно озера, раскрашенная пустыня, берег реки, источник и лес принадлежат им в интимной близости, и вокруг них собраны легенды, которые являются фрагментами древней истории, вместе с множеством мифов о божествах природы, уходящих корнями в туманное начало.

Глубока эта близость в практических делах жизни, она показывает путь к соли, местонахождение источников, ареал обитания дичи, гнездо медоносной пчелы, обитель полезных растений, добычу ценных камней и залежи глины для гончарного дела, ибо пустыня -

это дом, и ничто в ней не скрыто от зорких глаз. Издалека также поступали в продажу раковины с Тихого океана, перья из Мексики, шкуры буйволов с равнин и, возможно, трубчатый камень из Миннесоты, так что солнечная страна не была такой изолированной, как можно было бы подумать, и ее ресурсы позволяли кормить, одевать и удовлетворять эстетические и религиозные потребности многочисленных человеческих племен с древних времен до наших дней.

Белые люди, путешествовавшие по обширным участкам “Великой американской пустыни”, без сомнения, видели разрушенные города, разбросанные по этой пустоши, и, возможно, считали их утраченными для истории, не подозревая, что в пределах досягаемости жили люди смуглого цвета, для которых эти усыпанные черепками холмы и осыпающиеся стены не были запечатанной книгой. Новые исследователи извлекли истории старого света из уст ныне живущих традиционалистов и с их дружеской помощью собрали подсказки, которые, будучи объединены, прольют поток света на странствия древнего народа. Благодаря им стало известно, что каждое пуэбло с преданной заботой хранит историю своего зарождения и странствий своих кланов. Это в положенное время повторяют старики, и история часто принимает поэтическую форму, которую с большим эффектом распевают на церемониях. В качестве примера этих интересных мифов следует прочитать "Ритуал сотворения мира Зуни", Сагу об американцах, которая раскрывает красоту и глубину мысли и формы, удивляющие тех, кто имеет ограниченное представление о способностях индейцев.

Одно прочно засело в умах жителей пуэбло. Вначале все люди жили в семиэтажной пещере подземного мира, откуда они поднимались навстречу свету и, достигнув поверхности земли, мигрировали, ведомые сверхъестественными существами. Там, где заканчиваются мифические приключения в подземном мире, начинается реальный рассказ, повествующий о странствиях кланов и закладке фундаментов многочисленных руин региона Пуэбло. Возможно, невозможно связать все разрушенные деревни с миграциями нынешних индейцев, поскольку в этой огромной стране достаточно места, чтобы предать забвению другие народы и языки, такие как исчезнувший пиро, который скончался с тех пор, как белые пришельцы пришли в Сиболу, но многое можно сделать, чтобы собрать блестящие нити, прежде чем они ускользнут из виду.

Путешествия и стоянки древних людей становятся понятными, когда становится известен состав нынешних пуэбло. Можно обнаружить, что каждое пуэбло состоит из кланов, которые являются более крупными семьями кровных родственников, имеющих определенные общие обязанности; имя, такое как медведь, облако или столетнее растение; определенные обряды и церемонии, посвященные существам; должностные лица клана и обычаи, составляющие законы, и история, сохраненная в умах членов. Таким образом, будет видно, что племя домостроителей состоит из ряда более мелких племен, называемых кланами, каждое из которых полноправно и способно позаботиться о себе само, образуя нынешние деревни. Часто в первые дни могущественный клан мигрировал на большие расстояния и оставлял своих членов в самых разных местах, потому что закон клана запрещает брак внутри клана, и мужчина должен жить с людьми своей жены. Во время этих миграций части клана отделялись и связывали свою судьбу с другими деревнями, и часто несколько кланов путешествовали компанией, строя свои пуэбло рядом друг с другом, и таким образом появлялись группы руин, столь распространенные на Юго-западе.

По этой причине все нынешние деревни получали рои из других ульев и, в свою очередь, отправляли рои из родной деревни во время их медленных миграций по компасу. Таким образом, привычки древнего народа приводили к постоянному притоку и оттоку жизненных потоков на Юго-Западе, и, несмотря на свои прочные дома и работы, требующие больших затрат труда, индейцы пуэбло были такими же мигрирующими, как и обитатели палаток на Равнинах, хотя передвигались они медленнее. Их многоклеточные деревни на плоскогорьях или на берегах ручьев, в утесах глубоких каньонов, вырытые в мягких породах или построенные в лавовых пещерах, были всего лишь лагерями странников, которые рано или поздно покидались, оставляя мертвых на попечение дрейфующего песка.

И с приходом белых людей скитания не прекратились. В последующий промежуток времени в Сиболе было Семь городов, эти семь городов были объединены в Пуэбло Зуньи, и снова произошло расселение, и из этого большого пуэбло образовались небольшие летние деревни Нутрия, Пескадо и Охо Кальенте. Человеческий рой построил Лагуну два столетия назад, чтобы снова роиться в другое время. Акома - хозяйка Акомиты; у Островеты есть тезка на острове в Рио-Гранде недалеко от Эль-Пасо, а в Тусаяне фермерские пуэбло Моенкапи Хотавила и Уштиоки на равнинах перед Валпи появились позже. Таким образом, в мирное время возникают эти деревушки, каждая из которых имеет возможность стать крупными поселениями, а во времена опасности они объединяются, чтобы лучше противостоять общему врагу, ибо союз, порожденный нуждой и укрепленный приходом коварных врагов, был укреплен прежним опытом. Но эти союзы никогда не были тесными, даже между кланами, когда они покидали свои маленькие общинные дома и объединялись, образуя племена. Между племенами, говорившими на одном языке, существовали лишь самые слабые следы союзов, направленных на взаимное благополучие.

Возможно, примерно во время высадки Колумба на берег группа племен начала продвигаться в регион домостроителей[19]. Эти племена были родственниками и пришли с севера, где сейчас их сородичи живут за Полярным кругом. Прошло много лет, прежде чем апачи и навахо стали достаточно сильны, чтобы попытаться заключить мир с оседлыми народами, но когда они собрали вокруг себя беззаконников из многих племен, тогда начались ужасные главы истории, которые лишь недавно были дописаны до конца. Везде, где появлялись эти бессовестные дикари, царили резня и разрушения. Привычки строителей домов изменились, и руины на высоких холмах и дозорные на каждом холме ясно говорят о том, как они искали защиты от вылазок врага. Крупные города в Салинас Мансано канули в лету под натиском апачей и начали мифическую карьеру как “Гран Кивира” охотников за сокровищами. Велико было опустошение, о котором невозможно рассказать полностью, но почти каждое племя хранит легенды о кровавых контактах с навахо и апачами.

[19] Ранние навахо и апачи. Ф. В. Ходж, амер. Антрополог, июль 1895 г.

Еще в ранний период навахо превратились из свирепых воинов в сравнительно мирных пастухов, подверженных сводящим с ума капризам этого самого капризного из нежных созданий - овец. В начале испанского колониального периода навахо охотились на отары овец в пуэбло Рио-Гранде, куда их завезли конкистадоры, и этот поступок изменил его судьбу. Позже, вместо того чтобы охотиться за скальпами своих братьев, его кремневый нож стал более полезным для снятия шерсти со спин его подопечных; таким образом, он прославился как ткач одеял и вскоре превзошел своих учителей в этом мирном искусстве.

Другие гости и соседи народа пуэбло были почти такими же нежелательными, как апачи и навахо. Команч с равнин своими набегами разорил многие кланы, а его брат Ют с гор на севере был опасным врагом и в прошлом много раз нападал на деревни хопи. На западе были Юма и Мохаве, на юге были Пима, простирающиеся в Мексику, а в Водопадном каньоне Колорадо глубоко под землей жили хавасупаи. Они были соседями пуэбло с тех пор, как началась письменная история. Кроме того, обитатели палаток на равнинах буффало иногда посещали пуэбло, выслеживая канадцев и, возможно, других соседей, которые там были, ныне исчезнувших без воскрешения, легенды или лопаты археолога, превратившихся в пыль продуваемых ветрами равнин.

Помимо преследования врагов-кочевников, среди оседлых племен происходили раздоры, и старомодный способ борьбы с ними в соответствии с индейскими методами привел к опустошению многих деревень. По этой причине деревни часто строились на горных склонах до того, как древние враги их обитателей начали наступление на юго-запад, и военные действия велись против братьев, расположенных вблизи кукурузных угодий и живительных источников страны пуэбло.

В древние времена, как и в настоящее время, секретом распределения людей пуэбло было распределение воды. Похоже, что на бескрайних просторах региона Пуэбло индейцы посещали каждый источник, поскольку тот, кто хотел бы жить, должен был знать, где есть вода. Главные источники вблизи деревень они выкопали, замуровали и соорудили ступени или ступенчатый спуск к воде, и часто эти работы требуют большого труда. Точно так же ирригационные каналы и водохранилища южной Аризоны показывают, на что он был способен, и удивляют современных людей. Вскоре становится ясно, что поблизости от нынешних деревень нет ни одного источника, которому не приносили бы подношения в виде раскрашенных палочек, украшенных перьями, в качестве молитв тем, кто дает воду. У этих простодушных людей, страдающих от засухи, кажется, что у есть все свои церемонии, чтобы вызвать дождь, и в их мыслях нет ничего более важного. Точно так же Юго-Запад сделал поселенцев рабочими по камню и глине, поскольку природа отказалась от ценного дерева. Мало в какой другой части мира можно найти столь наглядный пример непреодолимого влияния окружающей среды на обычаи народа.

Почему и как строители пуэбло пришли в этот негостеприимный регион, никто не может решить. Огромное плато, простирающееся от пика Фремонт до перевала Теуантепек, с его разнообразными пейзажами, растениями и животными, а также людьми, населяющими его, изобилует интересными проблемами Старого Нового Света. Возможно, когда люди устремились с Севера вдоль Скалистых гор к плодородным землям Мексики, некоторые более слабые племена были отброшены в объятия пустыни и остались вершить свою судьбу. Казалось бы, ни одно племя не могло использовать эту землю в качестве дома по свободному выбору, потому что малонаселенность засушливой страны, должно быть, превращала жизнь в отчаянную борьбу для тех, у кого не было драгоценных семян кукурузы.

Кукуруза - мать пуэбло, древних и современных. Вокруг нее сосредоточено все существование индейцев, и мотивом распространенных молитв о дожде является кукуруза, поскольку кукуруза - это жизнь. Если дать индейцу кукурузу и дождевую или проточную воду, даже в небольшом количестве, он не боится тяжелых времен, а процветает и размножается в санатории, где ему выпал жребий.

Если мы отправимся назад, на Древний Юго-Запад, мы должны оставить позади многое из того, что досталось людям с тех пор, как испанцы совершили вылазку из Мексики в новую страну чудес. Овец, коз, кур, осликов, лошадей, крупного рогатого скота здесь нет, а у детей солнца нет домашних животных, кроме индейки. Похожий на койота пес преследовал пуэбло, но его древнего врага, кошки, не было рядом, чтобы спорить с ним. В меню не было ни персиков, ни абрикосов, и десерт пришлось вычистить в поисках мелких ягод и плодов юкки и опунции. Кукуруза, фасоль, дыни и кабачки там были, но пшеница, овес и люцерна поступали из других рук. Каковы были бы лишения, если бы нынешние индийцы отказались от сахара, кофе, муки и разрыхлителя. У древних их не было, и о полезных сосудах из олова и железа для приготовления пищи они и не мечтали. Южная агава давала сладость в обжаренных листьях, которые заменили сахар и рано распространились по всему миру. Табак всегда рос в диком виде вокруг пуэбло, но древние никогда не знали очарования современных листьев.

Перед хлопчатобумажными изделиями торговца были изделия из местного хлопка, а перед шерстяными изделиями - теплые одеяла из полосок кроличьего меха, перевитых шнуром, одеяла из перьев, циновки из юкки и одеяла из шерсти горных козлов и буйволиц, с поясами и чулками из того же материала. Возможно, в большей степени, чем они, для изготовления одежды использовались дубленые шкуры лося, оленя и антилопы, украшенные местными цветами до появления анилиновых красителей. Шкуры буйволов были частью имущества древних, приобретенного в результате торговли с жителями равнин. Были сандалии из плетеной юкки и мокасины из индюшачьих перьев. Для украшений использовались семена сосны, ракушки, бусы, а также украшения из бирюзы и цветных камней, вполне достаточные для удовлетворения любви к украшениям и вполне подходящие к смуглой коже индейцев, в чем любой может убедиться, если побывает в пуэбло.

В домах отсутствуют какие-либо остатки металла и стекла. Окна, возможно, были застеклены неправильной формы пластинами селенита, а на балках видны следы пожара и грубого каменного топора. Вместо ружья со стропил свисают изогнутые дубинки, лук и стрелы с каменными наконечниками, а также копье, брошенное атлатлом. В углу стоит каменная мотыга и палка-копалка; керамика, тыквы и плетеные изделия - единственная утварь, нож представляет собой отколотое каменное лезвие, оправленное в деревянную ручку сосновой смолой, а из рогов горных баранов делают ложки.

В комнатах накурено и темно, так как дымоход еще не тоplen, а огонь на полу нужно поддерживать, потому что, когда он гаснет, его приходится разжигать заново трением двух поленьев или одалживать у соседа на манер первобытных времен, еще не забытых передовыми приверженцами цивилизации. Многое можно было бы добавить к этой картине ранней жизни пуэбло, и исследование руин расскажет нам еще больше, чтобы возбудить наш интерес и восхищение.

Среди населенных хопи пуэбло есть много мест, где жили древние люди, ныне превратившихся в курганы или рухнувшие стены, а память о них стала традицией. Здесь было четыре миссионерские церкви; от них почти ничего не осталось, и несколько резных балок поддерживают крыши языческих кивас. Это убедительно свидетельствует о том, что хопи более двух столетий назад полностью ликвидировали иностранные миссии. Хопи всегда были свободными и независимыми, даже когда поиски золота конкистадорами сменились поиском душ и покорением большинства других пуэбло на Юго-западе.

Было исследовано несколько интересных руин в Тусаяне. Сикьятки, или “Желтый дом”, расположенный на песчаных холмах в четырех милях к востоку от Уолпи, сохранил множество странных и красивых реликвий керамики и камня, как и Аватоби, большой город на плато в десяти милях к юго-востоку от Уолпи, разрушенный примерно в 1700 году другими жителями деревни. Здесь можно проследить стены миссии Сан-Бернардино-де-Аватоби, большой церкви, построенной из саманных блоков, смешанных с соломой. Церковь стояла на возвышенности, откуда открывался великолепный вид на лавовые холмы на юге, и, должно быть, в свое время была внушительным зданием. В старом городе Кисакоби, недалеко от Уолпи, в изобилии обнаружены реликвии более позднего периода, чем упомянутые места, и именно здесь мы должны искать искусство хопи непосредственно перед тем, как оно появилось на свет истории.

Распространенность руин вокруг горных массивов хопи соответствует перемещениям племен в регионе пуэбло. Из семи городов хопи Ораиби - единственный, который сейчас находится на том месте, которое он занимал, когда испанцы пришли в Тусаян.

Не так давно, по словам традиционалистов хопи, некоторые кланы ушли из Тусаяна и перестроили дома на скалах в каньоне де Челли, где до этого некоторое время жили некоторые из кланов, окончательно обосновавшихся в Тусаяне.

Без сомнения, связь между ранними кланами хопи и людьми, жившими в скальных жилищах, была тесной в прежние времена, и есть основания полагать, что более древние кланы, которые, как говорят, пришли с Севера, владели черно-белой керамикой и искусством жителей скал. Другие кланы, пришедшие с Юга, должно быть, внесли значительные изменения в искусство хопи. В то время как южные кланы привезли желтую керамику, великому притоку народов с Рио-Гранде оставалось представить художественную посуду со сложным символическим декором, который сделал тусайскую керамику превосходящей все остальные в Северной Америке.

Примечание переписчика

Исправлены незначительные пунктуационные ошибки.

Переносы были расставлены последовательно по всему основному тексту книги, но сохранены в том виде, в каком они напечатаны в цитируемых материалах.

Правописание приведено в соответствие там, где наблюдалось явное преобладание одной формы над другой. Такие изменения включены в приведенный ниже список поправок. В остальном архаичные и варианты варианты написания сохранены в печатном виде.

Поскольку более поздних изданий этой книги найти не удалось, переписчик определил наиболее вероятное место для явно опущенной заключительной цитаты на странице [129](#). Похоже, это относится к абзацу, заканчивающемуся словами "Воистину, мы получили церемонии от них давным-давно", поскольку перед ним есть несколько ссылок на "мы", предполагающих, что все это цитируемый материал.

На странице 155 появляется следующий текст: 'В течение нескольких дней после Танца со Змеями молодые и не слишком старые веселятся, наступает праздник, поглощаемый с аппетитом юности, с детской простотой'. Могут отсутствовать слова или знаки препинания, но поскольку переписчик не может их установить, текст сохраняется в печатном виде.

Появляются как Кастиль симуно (страница 205), так и Кастиль синумо (страница 206). Одно из них, предположительно, является типографской ошибкой, но поскольку переписчик не нашел способа определить, какое из них правильное, они оба были сохранены в напечатанном виде.

И мишонгнови, и Мушонгнови представлены как варианты написания и сохранены в печатном виде.

В цитируемом материале на странице 221 используется Салико как альтернативное написание Саалако, и это сохранено в печатном виде.

Были внесены следующие поправки:

Страница 14—пиньоны заменены на пиньоны—... на горных склонах растут можжевельники и пиньоны; ...

Страница 30—Сойалана исправлена на Сойалуна—... и после церемонии Сойалуна ...

Страница 55—Салако исправлено на Саалако—... хотя и был благословлен Саалако ...

Страница 68—витр изменен на с—... который, с различными другими травами, ...

Страница 80—охра заменена на охру—Красная краска заменена на желтую охру, ...

Страница 91—обрезка листьев заменена на обрыв листьев-... отходы от уборки листьев, ...

Страница 101, сноска —Менделефф внес поправки в статью Минделеффа — ... следует обратиться к статье Минделеффа ...

Страница 110—различие изменено на расстояние —... расстояние, которое требовалось испанцам ...

Страница 121—confield исправлено на cornfield—... наблюдать за кукурузным полем или собирать урожай, ...

Страница 124— на обратной стороне исправлено на черный цвет-... она перемалывает темно-синюю кукурузу, которую хопи называют черной, ...

Страница 129— Исправлено на "Если это... если это дух хорошего человека", ...

Страница 145— они исправили для себя —... одеться в соответствующий костюм, ...

Страница 148—он внес поправки в свой —... танец Змей, с элементами ужаса, ...

Страница 161—Салако исправлено на Саалако—... из которых его жена, Саалако, ...

Страница 162—молитвенный посох изменен на молитвенные палочки -... и к источникам и святилищам отправляются гонцы, чтобы сдать молитвенные посохи.

Страница 168—последующие положения изменены следующим образом—... далее следуют более поразительные обычаи в этом отношении: ...

Страница 186—опорожнение изменено на опорожнение-... и выпил четыре раза, опустошив бассейн.

Страница 195—Палулокона исправлена на Палулукона —На шестой день, *Палулукона* [Змеиное Божество] ...

Страница 198—разделено, изменено на разделенное (подтверждено цитируемым источником)—... и кукуруза в красную и желтую крапинку, и посеянная трава...

Страница 200—сформировано с поправками на найденное (подтверждено цитируемым источником) —Изображение Калако найдено на алтарях Поваму ...

Страница 208—округ изменен на страну—... в нашей стране, где прошлое забыто ...

Страница 220— с поправками к или как—... будь то фермер или Змеиный Жрец, ...

Страница 226—Wapli исправлено в Walpi—Ни один посетитель Walpi не избежит этого испытания ...

Страница 250—XII с поправками к XI—XI ДРЕВНИЕ ЛЮДИ

Страница 253с поправками , внесенными в—На последующем отрезке в Сиболе было семь городов ...

Страница 255—нижеприведенное исправлено на нежелательное-... были почти так же нежелательны , как ...

Страница 263—xl с поправками к 12—Fewkes (Dr. J. Walter), 12, 47 ...

Страница 263—x с поправками к 11—Ходж (Ф. У.), 11, 254

Страница 264-4 с поправками к 11—Луммис (С. F.), 11

Страница 264— 83 с поправками на 82-Керамика, суеверия относительно, 82;

Страница 264-304 с поправками к 204—Традиция набегов апачей, ... прежнее местоположение, 204; ...

Иллюстрация на фронтисписе и список других книг серии перенесены на титульный лист.

Для удобства читателя переписчик добавил в указатель алфавитные ссылки.